

Федеральное государственное бюджетное учреждение
высшего образования
Сибирский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
(ФГБОУ ВО СибГМУ Минздрава России)

Факультет поведенческой медицины и менеджмента

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

И.о. декана факультета поведенческой
медицины и менеджмента, д. мед. наук

_____ И.Д. Беспалова

« ___ » _____ 2018 г.

Зав. кафедрой фундаментальной психологии и
поведенческой медицины, д. мед. наук

_____ А.Н. Корнетов

« ___ » _____ 2018 г.

**Особенности стилевой организации психики мигрантов
как ресурс аккультурации**
(выпускная квалификационная работа)

Автор работы: Медведев Анатолий Юрьевич,
студент ФПМиМ, группа № 6201, VI курс

Научный руководитель: Хоч Надежда
Семёновна,

к. биол. наук, доцент кафедры ФПиПМ

Томск – 2018

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. Теории и подходы к изучению аккультурации и темперамента и их взаимосвязи. .11	
1.1. Подходы к определению адаптации. Адаптация в биологическом, психологическом и социальном контексте.	11
1.2. Этапы и факторы аккультурации. Последствия межкультурного контакта.	21
1.3. Психосоматическое благополучие как показатель социокультурной адаптивности.	31
1.4. Обоснование вклада темперамента в аккультурацию.	40
1.5. Современное состояние проблемы аккультурации. Аспекты психологической помощи мигрантам в России и за рубежом.	47
2. Характеристика выборки и методов исследования.	53
2.1. Характеристика дизайна и выборки исследования.	53
2.2. Методы исследования.	56
3. Результаты исследования и их обсуждение.	67
3.1. Анализ результатов опросника «Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест Л. В. Янковского)».....	67
3.2. Анализ результатов симптоматического опросника SCL-90-R.....	71
3.3. Анализ результатов ОФДСИ В. М. Русалова для определения темперамента.....	78
3.4. Результаты корреляционного анализа.	81
3.5. Обсуждение результатов исследования.....	103
Заключение.....	109
Выводы	112
Практические рекомендации	114
Список литературы.....	116
Приложения	124

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы. В настоящее время, миграционные процессы имеют выраженную тенденцию к росту. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), за период с 2010 по 2015 гг. число прибывших в Россию из зарубежных стран возросло с 191 656 до 598 617, число выбывших из России – с 33 578 до 353 233. В 2016 году произошло снижение количества миграций между странами СНГ, что отразилось на общей статистике (общее число миграций снизилось до 575 158 прибывших в Россию и до 313 210 выбывших из России), однако миграционные процессы между Россией и странами дальнего зарубежья продолжают расти (от 19 716 до 63 385 прибывших и от 12 372 до 56 730 выбывших, 2010–2016 гг.) [13].

Вследствие обозначенной тенденции к росту количества миграций, а также присутствия заинтересованности принимающих государств, неизбежно становится актуальным вопрос адаптации мигрантов к новой культурной среде. Принимающее государство стремится к максимально возможному соответствию добровольного мигранта требованиям законодательства. К таким требованиям относятся высокий уровень языковой и культурной компетентности, наличие специализированных навыков и образования, требуемых для осуществления трудовой деятельности на территории принимающей страны [32, 45]. Помимо этого, принимающие государства заинтересованы в том, чтобы иммигранты были здоровы в ментальном и физическом отношении. В связи с этим большинство цивилизованных стран требуют включения в основной пакет документов для получения вида на жительство справку об отсутствии хронических заболеваний, а также могут сами организовывать комплексное медицинское обследование потенциальных мигрантов [32, 45].

Существование такого отбора иммигрантов может навести на мысль, что проблема здоровья иммигрантов устраняется ещё на стадии подготовки ими документов для получения визы. Более того, в ряде зарубежных исследований приводится такой феномен, как «эффект здорового иммигранта» (англ. «Healthy Immigrant Effect – HIE») [58, 61, 62]. Данный феномен подразумевает, что часть населения страны, состоящая из иммигрантов, является более здоровой, чем

коренное население страны. И действительно, если люди, отягощенные хроническими заболеваниями, лишены шансов получить вид на жительство в другой стране, то их доля в общем числе иммигрантов будет заметно снижена, в то время как представители коренного населения страны не застрахованы от хронических заболеваний и не могут быть на этом основании исключены из данного общества.

Однако, проблема физического и психического здоровья мигрантов не теряет своей актуальности. Существуют исследования, которые опровергают эффект «здорового иммигранта» и выделяют противоположный ему эффект [19, 20, 39]. Одно из проведённых исследований показывает, что, если эффект «здорового иммигранта» существует, то он зависит от иммиграционных законов принимающего государства и соответствующего им подхода к отбору иммигрантов, а также от характера самой иммиграции [43]. Следует помнить и о том, что не каждая страна в состоянии обеспечить защиту мигрантов от дискриминации, поскольку в сознании коренного населения (например, России) всё ещё могут присутствовать ксенофобские настроения относительно мигрантов [51]. Это ставит под сомнение гипотезу о том, что иммигрант обладает более высоким уровнем здоровья по сравнению с местным населением и, тем самым, позволяет выдвинуть проблему психического и соматического благополучия иммигрантов на первый план.

Проблемы с физическим и психическим здоровьем у мигрантов возникают, как правило, уже после получения разрешения на проживание, когда медицинское обследование уже пройдено и справка об отсутствии хронических заболеваний приложена к пакету документов для получения вида на жительство. Отсюда напрашивается вывод, что возникновение соматических и психических дисфункций сопряжено с процессом аккультурации, эффективность которой нарушается вследствие различных факторов.

Поскольку человек является целостным существом, обладающим биологическими, психическими и социальными характеристиками, возникает предположение, что существуют определённые комбинации индивидуальных свойств личности, одни из которых могут способствовать успешной адаптации к изменяющимся условиям среды, а другие – препятствовать ей. Речь идёт о свойствах нервной системы, составляющих темперамент, которые считаются врождёнными

характеристиками личности и предрасполагают к определённым способам реагирования на различные ситуации, в том числе на ситуации изменения условий окружающей среды.

В процессе обзора литературных источников было обнаружено, что в настоящее время изучен вклад темперамента в адаптацию к таким условиям, как обучение в вузе, а также его влияние на выбор стратегий совладающего поведения. Что касается адаптации именно к жизни за рубежом, подобные исследования стали доступны только в 2017 году. Просто взять результаты исследований особенностей стилевой организации психики как фактора адаптации, например, к условиям обучения в вузе, и применить их к адаптации к новой социокультурной среде довольно неправомерно. Но и отрицать наличие вклада этих особенностей в аккультурацию и психосоматическое благополучие иммигрантов за рубежом не следует, поскольку каждая отдельная личность по-своему реагирует на изменения среды. Поэтому вопрос вклада свойств нервной системы в адаптацию к жизни за рубежом должен быть изучен. Такая попытка была предпринята в данной работе.

Целью работы является изучение влияния особенностей стилевой организации психики (темперамента) мигрантов на адаптацию к новой социокультурной среде (аккультурацию) и их психосоматическое благополучие.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**.

Теоретические задачи:

1.1) проанализировать теоретические представления о проблеме социокультурной адаптации и психосоматического благополучия индивида при жизни за рубежом и возможных вариантах её решения;

1.2) сделать обзор существующих исследований, обосновывающих наличие либо отсутствие вклада особенностей стилевой организации психики в социокультурную адаптацию за рубежом.

Эмпирические задачи:

2.1) организовать и провести исследование формально-динамических свойств, психосоматического благополучия и состояния адаптации к новой социокультурной среде у русскоязычных мигрантов в славянских странах Центрально-Восточной

Европы (ЦВЕ: Чехия, Словакия, Польша, Болгария и страны бывшей Югославии) и мигрантов, прибывших в Россию из других стран, не входящих в СНГ;

2.2) изучить наличие или отсутствие взаимосвязей между формально-динамическими свойствами индивидуальности, её психосоматическим благополучием и качеством адаптации к новой социокультурной среде.

Объект исследования: адаптация индивидуальности к новой социокультурной среде.

Предмет исследования: взаимосвязь формально-динамических свойств индивидуальности мигрантов, их психосоматического благополучия и качества социокультурной адаптации к новой среде.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь особенностей стилевой организации психики мигранта с качеством аккультурации и психическим и соматическим благополучием в новой среде.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении знаний о вкладе индивидуально-типологических особенностей личности, как о факторе, предрасполагающем к формированию определённых типов адаптации к новой социокультурной среде. Выявлена взаимосвязь высокой выраженности психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной эмоциональности с уменьшением эффективности аккультурации и увеличением выраженности психопатологической симптоматики; установлено, что интеллектуальная эргичность выступает как ресурс аккультурации.

Практическая значимость заключается в возможности формирования новых программ психологического сопровождения адаптации, а также индивидуализации программ психокоррекционного вмешательства, то есть, увеличение их вариативности и, соответственно, совершенствование их в зависимости от индивидуальных особенностей конкретного мигранта, обращающегося за психологической помощью. Проведённая исследовательская работа позволила сформулировать практические рекомендации как для индивидуальной, так и для групповой психокоррекционной работы с мигрантами.

В качестве **методологической основы** исследования были приняты следующие принципы:

1) принцип детерминизма, в котором находит отражение взаимосвязь причины и следствия, или взаимообусловленность их закономерным образом;

2) принцип системности, означающий, что проблема анализируется во взаимосвязи с контекстуальными факторами, организованными в систему определённым образом;

3) принцип активности, предполагающий, что личность является активным субъектом преобразования мира.

Теоретическая основа исследования представлена концепциями культурной адаптации и культурного шока Г. Триандиса, Дж. Берри, К. Оберга и Л. В. Янковского; концепция общего адаптационного синдрома Г. Селье; концепция биологической адаптации В. П. Казначеева; теория формально-динамических свойств индивидуальности В. М. Русалова; концепция свойств нервной системы Б. М. Теплова и В. Д. Небылицына.

Методы исследования:

1) обзор и анализ литературных источников по изучаемой проблеме;

2) анкетирование;

3) тестирование;

4) статистический анализ;

5) сравнительный анализ.

При проведении исследования использовались следующие **методики**:

1) опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) В. М. Русалова;

2) опросник «Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест Л. В. Янковского)», предназначенный для выявления социокультурного компонента адаптации личности к новой среде;

3) симптоматический опросник SCL-90-R (L. R. Derogatis и соавт., адаптация Н. В. Тарабриной), использованный в качестве инструмента для скрининга мигрантов на предмет выраженности психопатологической симптоматики.

Характеристика дизайна и выборки исследования. Для участия в исследовании было отобрано 2 группы участников. Первая группа включила в себя 25 русскоязычных мигрантов, проживающих в славянских странах ЦВЕ, из них 11

мужчин и 14 женщин. Вторая группа представлена 22 иностранными гражданами (11 мужчин и 11 женщин), прибывшими в Россию из стран дальнего зарубежья. В ходе исследования работы 2 участника женского пола из первой группы были исключены из обработки по причине недостоверности результатов. Итоговая выборка составила 45 человек: 1 группа – 23 участника, 2 группа – 22 участника.

Критерии включения в 1-ю группу:

- 1) возраст старше 18 лет;
- 2) принадлежность к восточнославянской национальной группе (русские, украинцы и белорусы);
- 3) проживание в славянском государстве ЦВЕ (не включая страны СНГ) более 1 года;
- 4) добровольность иммиграции в Европу (допускается любой возможный способ иммиграции, за исключением получения статуса беженца).

Критерии включения во 2-ю группу:

- 1) возраст старше 18 лет;
- 2) эмиграция из страны дальнего зарубежья, не входящей в Содружество Независимых Государств, и не относящейся к группе Славянских Государств;
- 3) проживание на территории РФ более 1 года;
- 4) добровольность иммиграции в Россию (допускается любой возможный способ иммиграции, за исключением получения статуса беженца).

Этапы исследования:

- 1) организационный этап, включивший в себя формирование пакета диагностических методик в соответствии с предметом исследования, поиск выборки испытуемых согласно сформированным критериям включения и исключения, организация оптимальной формы проведения исследования;
- 2) исследовательский этап – собственно исследование;
- 3) аналитический этап – интерпретация результатов с помощью методов математической статистики.

Структура работы. Данная работа включает в себя введение, основную часть, состоящую из 3 глав, заключения и списка литературы. Во введении приводится обоснование актуальности, теоретической и практической значимости исследования,

а также цель, задачи, объект, предмет и гипотеза исследования, краткий план и обзор методов исследования. Первая глава представляет собой обзор теоретических концепций и уже имеющихся актуальных исследований изучаемой проблемы. Во второй главе приведена подробная характеристика выборки и методов исследования. В третьей главе представлен анализ результатов проведённого исследования. Заключение содержит выводы по проведённой научно-исследовательской работе. Список литературы состоит из 67 источников.

1. Теории и подходы к изучению аккультурации и темперамента и их взаимосвязи.

1.1. Подходы к определению адаптации. Адаптация в биологическом, психологическом и социальном контексте.

На основании исследованных литературных источников было отмечено, что существует проблема определения социокультурной адаптации, равно как и адаптации в принципе. Адаптация является сложным междисциплинарным понятием. Одна из сложностей, возникающих при её изучении, заключается в том, что существуют варианты определения адаптации как свойства, как состояния и как процесса приспособления к новым условиям среды. Философ Ю. Урманцев выделяет недостатки энциклопедических определений термина:

- тавтологичность и отсутствие указаний на существенные и специфические признаки, которые бы выделяли именно адаптацию;

- охватывание определением «адаптация», как правило, только одного (обычно медико-биологического) вида адаптации из во много раз большего числа существующих;

- вызванное этим отсутствие корректного определения, а тем самым и методологических указаний о возможных путях развития учения об адаптации [46].

Например, Казин и соавторы применительно к человеку рассматривают процесс адаптации как особую форму жизнедеятельности, поддержание и сохранение жизненно важных параметров внутренней среды в неадекватных внешних условиях, несоответствующих фенотипическим и психосоциальным потребностям организма [17].

В широком, философском, аспекте под адаптацией понимают любые взаимодействия индивида и среды, при которых происходит согласование их структур, функций и поведения. В работах, выполненных в этом аспекте, адаптация рассматривается как способ связи личности и макросоциума, подчеркивается смена общественного положения человека, приобретение новой социальной роли, то есть адаптация соотносится с социализацией [10].

Получается, что при рассмотрении феномена адаптации в широком, более поверхностном смысле, не освещаются усилия, который индивид прилагает при совершении адаптации. Контакт индивида со средой не всегда является целенаправленным. Например, ребёнок на старте своей социализации использует лишь бессознательные устремления, и изменения, происходящие с ним в ходе процесса взаимодействия с внешними условиями, не вызваны каким-либо целенаправленным поведением с его стороны.

Кросс-культурная же адаптация, в том случае когда человек совершает иммиграцию, руководствуясь своими мотивами, задаваясь определённой целью, помимо бессознательного усвоения новых паттернов поведения, требует совершения определённых усилий, способствующих преодолению языкового, культурного и иных барьеров, которые возникают при контакте с инокультурной средой.

В подходах к определению кросс-культурной адаптации также существует рассогласование. В широком смысле социокультурная (межкультурная, кросс-культурная) адаптация понимается как сложный процесс, благодаря которому человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, а также результат этого процесса. Обычно выделяется внутренняя сторона адаптации, выражающаяся в чувстве удовлетворенности и полноты жизни, и внешняя сторона, которая проявляется в участии индивида в социальной и культурной жизни новой группы [42]. В данном подходе к определению изучаемого феномена подразумевается, что в процесс адаптации включаются как индивидуально-психологические, так и социальные приспособительные механизмы.

Согласно другой точке зрения, по мнению доктора психологических наук В.В. Гриценко, межкультурная адаптация должна определяться как разновидность социально-психологической адаптации [10]. Таким образом, этот подход имеет социально-психологическую направленность, а индивидуально-психологический и биологический компоненты адаптации игнорируются. Если мы рассматриваем человека как сложную многоуровневую и целостную систему, тем самым, опираясь на биопсихосоциальный подход, то возникает вероятность столкновения с неполнотой изучения феномена адаптации к новой социокультурной среде.

Вследствие этой рассогласованности возникает вопрос, под каким углом рассматривать социокультурную адаптацию: как полноценный и сложный процесс, который, как и адаптация в целом, включает в себя биологический, психологический и социальный компоненты, или лишь как социально-психологический компонент адаптации в целом.

Поскольку данная научно-исследовательская работа строится на принципе системности, было принято решение рассматривать социокультурную адаптацию как многоуровневый процесс, который включает в себя все аспекты индивидуальности, а не в качестве элемента адаптации в целом.

Под адаптацией в биологическом смысле понимают все виды врождённой и приобретённой приспособительной деятельности, которые обеспечиваются физиологическими реакциями, происходящими на клеточном, органном, системном и организменном уровнях [53].

В.П. Казначеев процесс адаптации при переездах подразделяет на последовательно происходящие фазы: начальную, стабилизации, переходную и истощения.

Первая фаза характеризуется дестабилизацией функций организма. Она может обеспечить приспособление к действию неадекватных факторов лишь в течение короткого промежутка времени, длительностью, как правило, не более одного года. В ряде случаев явления дестабилизации, характерные для первой фазы адаптации, остаются на многие годы, что, в частности, служит одной из причин возвращения мигрантов на прежнее место жительства.

Фаза стабилизации продолжается от 1 года до 4 лет. В этот период наблюдается синхронизация всех гомеостатических процессов, сопровождающаяся не только функциональной, но и структурной перестройкой биосистемы.

Переходный этап продолжается от 4 до 5-10 лет. В это время у большинства переселенцев происходит стабилизация соматических и вегетативных функций.

Четвёртая фаза (истощения), возможна при длительном проживании на Севере, является следствием перенапряжения в гомеостатических системах организма при недостаточности генетически запрограммированных механизмов долговременной адаптации к возмущающим факторам среды обитания [53].

Данный подход сближает понятие адаптации с идеей стресса и общего адаптационного синдрома Ганса Селье [53]. Стресс, согласно его теории, определяется как комплекс неспецифических реакций организма в ответ на действие сильных или сверхсильных раздражителей. Стресс в классической интерпретации протекает в три стадии, или фазы, а именно «тревоги», переходную, устойчивой адаптации.

Фаза «тревоги» развивается в самом начале действия как физиологического, так и патогенного фактора или изменённых условий внешней среды. При этом реагируют висцеральные системы (кровообращения, дыхания), реакциями которых управляет ЦНС с широким вовлечением гормональных факторов (в частности, гормонов мозгового вещества надпочечников – глюкокортикоидов и катехоламинов), что в свою очередь сопровождается повышенным тонусом симпатического отдела вегетативной нервной системы.

Часто выделяют фазу, переходную к устойчивой адаптации. Она характеризуется уменьшением общей возбудимости ЦНС, формированием функциональных систем, обеспечивающих управление адаптацией к возникшим новым условиям. В ходе этой фазы приспособительные реакции организма постепенно переключаются на более глубокий тканевый уровень.

На этапе устойчивой адаптации, или резистентности, формируются новые координационные соотношения, осуществляются целенаправленные защитные реакции. Подключается гипофизарно-надпочечниковая система, мобилизуются структуры, в результате деятельности которых ткани получают повышенное энергетическое и пластическое обеспечение. Эта стадия и является собственно адаптацией – приспособлением – и характеризуется новым уровнем деятельности тканевых, клеточных, мембранных элементов, перестроившихся благодаря временной активации вспомогательных систем, которые при этом могут функционировать практически в исходном режиме, тогда как тканевые процессы активизируются, обеспечивая гомеостаз, адекватный новым условиям существования.

Несмотря на экономичность — выключение «лишних» реакций, а следовательно, и излишней затраты энергии, — переключение реактивности

организма на новый уровень осуществляется при определённом напряжении управляющих систем. Это напряжение названо «цена адаптации». Поскольку эта стадия связана с постоянным напряжением регуляторных механизмов, перестройкой соотношений нервных и гуморальных механизмов, формированием новых функциональных систем, то эти процессы при сверхпороговой интенсивности стрессорных факторов могут вызвать развитие стадии истощения.

Селье назвал факторы, воздействие которых приводит к адаптации, стресс-факторами (экстремальными факторами) [53]. Экстремальными могут быть не только отдельные воздействия на организм, но и изменённые условия существования в целом (например, перемещение человека с юга на Крайний Север и т.д.). По отношению к человеку адаптогенные факторы могут быть природными и социальными, связанными с трудовой деятельностью.

А. А. Налчаджян отмечает, что человек, по сравнению с животными, обладает более развитыми социальными инстинктами и когнитивными возможностями. Вследствие этого, адаптация человека осуществляется по большей части с помощью психологических, в первую очередь познавательных, механизмов и приводит к развитию и совершенствованию этих механизмов. В этой связи автор считает правомерным приравнивание биологической и психологической разновидности адаптации, в случае рассмотрения именно человека как субъекта адаптации [27, с. 21–25]. Однако существуют иные точки зрения на сущность психологической адаптации.

Адаптация в сфере психологических наук рассматривается с точки зрения трёх основных подходов: психофизиологического, общепсихологического и социально-психологического [7].

Разработчики психофизиологического подхода (Делеу М.В., 1984; Короленко Н.П., 1978; Калашников С.В., 1978 и др.) основное внимание в своих исследованиях уделяют выявлению и анализу физиологических особенностей человека, его предрасположенности к той или иной деятельности, психофизиологическим и соматическим показателям. В таком подходе чисто внешние, физические, данные служат основанием для определения профессиональной предрасположенности прогнозируемой успешности в той или иной сфере деятельности. Данный подход

имеет существенный недостаток. Он рассматривает проявление психофизиологических показателей в отрыве от социальной среды, которая не может быть нейтральной к адаптационным процессам.

Ученые, работающие в русле общепсихологического подхода (Ананьев Б.Г., Платонов К.К., Рубинштейн С.Л. и др.) психические явления рассматривают как многоуровневую систему, в которой выделяется три основных подсистемы: когнитивная, регулятивная, коммуникативная. В контексте данной парадигмы внутренние предпосылки процесса социально-психологической адаптации представляют собой личностные характеристики субъекта адаптации, отражающие когнитивные, эмоционально-волевые и коммуникативные стороны адаптационного процесса.

В рамках социально-психологического подхода (Булгаков А.В., 2000; Дмитриев И.В., 1999; Егоров Л.Г., 1978; Николаев А.Н., 1978; Сенокосов Ж.Г., 1989; Соловьев И.В., 1999 и др.) социально-психологическая адаптация рассматривается как процесс проявления индивидуальных предпосылок в конкретных социально-психологических условиях. Проявление социально-психологической адаптации включает не только традиционно выделяемые причинно-следственные связи, но и различные типы соотношений, отражаемые с помощью понятий «условие», «фактор», «предпосылка» и т. д.

На основе анализа существующих представлений об адаптации человека следует сделать следующие выводы.

Во-первых, в адаптации человека проявляются две тенденции поведения, способа взаимодействия со средой: приспособительного (адаптивного) и преобразующего среду (адаптирующего) характера. Каждая из этих тенденций, ориентаций личности, либо в каком-то их сочетании может выступать личностной характеристикой индивида, а может выражать лишь тактику избираемого им поведения.

Во-вторых, адаптация человека к среде – это активная целенаправленная приспособительная деятельность человека, в ходе которой происходит приспособление как индивида к среде, так и среды к индивиду, снижение уровня противоречий и гармонизация во взаимодействиях человека и внешней среды. Цель

адаптации человека состоит в создании и поддержании равновесия, гомеостаза между человеком и средой, а также физиологического и психического гомеостаза человека, психологической комфортности личности.

В-третьих, адаптация человека – это перманентно идущий процесс, постоянно изменяющийся своими содержательными параметрами, интенсивностью, средствами и способами осуществления. Истоки его активности состоят в постоянно возникающей и потому существующей перманентно неадаптивности личности. Неадаптивность личности является неизбежностью (Петровский В.А.), нормой естественной жизнедеятельности человека, условием его развития и совершенствования.

В-четвертых, психологическая адаптация человека, это процесс его психологической включённости в разнообразные связи и отношения с внешним миром, средой, в исполнение им соответствующих социальных, социально-психологических и деятельностно-ролевых функций, норм, правил, овладение общественным опытом, смыслом, социальными ценностями [7].

Поскольку мы рассматриваем социокультурную адаптацию в данной работе в качестве объекта исследования, особого внимания заслуживает социальный аспект изучаемого феномена.

Считается, что адаптация человека к обществу (в том числе и к инокультурному) – это, прежде всего, социальная адаптация, под которой понимается процесс активного приспособления человека к существованию в меняющейся социальной среде, а также результат этого процесса – самоизменение, развитие, самоактуализация и самореализация человека. В ходе социальной адаптации как процесса между человеком и социальной средой (обществом) устанавливаются различные отношения (сотрудничества, компромисса, конфликта), важнейшим из которых является отношение противоречия (конфликта), поскольку только оно приводит к изменению, к развитию личности, её самореализации [35].

Социальная адаптация разделяется на активную и пассивную. Под активной социальной адаптацией подразумевается само стремление индивида изменить окружающую его социальную среду. Под пассивной социальной адаптацией

(аккомодацией) принято понимать принятие индивидом норм и ценностей чуждой социальной среды [35].

Адаптация в социально-психологическом значении рассматривается как взаимоотношения личности с малой группой, чаще всего – производственной или студенческой. То есть, с точки зрения социальной психологии, процесс адаптации понимается как процесс вхождения личности в малую группу, усвоение ею сложившихся норм, отношений, занятие определенного места в структуре отношений между ее членами. Особенности социально-психологического изучения адаптации заключаются в том, что, во-первых, отношения индивида и общества рассматриваются как опосредованные малыми группами, членом которых является индивид, во-вторых, малая группа сама становится одной из сторон, участвующих в адаптационном взаимодействии, образуя новую социальную среду – сферу ближайшего окружения, к которому приспосабливается человек.

Другими словами, адаптация рассматривается как процесс изменения взаимодействующих сторон. Личность, входя в новое социальное окружение, определенным образом меняет систему своих отношений. В свою очередь, группа реагирует на появление новичка корректировкой своих норм, традиций, правил. В работах данного направления больший акцент ставится на личность, именно ей отводится решающая роль в процессе адаптации. Вместе с тем можно назвать работы по проблеме адаптации, объектом исследования которых является группа как активный участник адаптивного взаимодействия, а не как среда, к которой приспосабливается человек. В этом качестве её характеризует так называемая «адаптирующая способность группы».

Н.Н. Мельникова в статье «Процесс социально-психологической адаптации: подходы к изучению» выделяет пять взаимосвязанных этапов в едином процессе социальной адаптации: первичная реакция на изменения, ориентировка, внутренняя переработка и осмысление, действия, направленные на изменение, продуктивное взаимодействие [25].

Касательно первого этапа, следует отметить, что необходимость в адаптации возникает в том случае, когда в жизненной ситуации личности происходят достаточно существенные изменения. В этом случае новая ситуация часто

предъявляет к личности такие требования, к которым она ещё не готова. Это могут быть требования к профессиональным качествам, умениям и навыкам, необходимость применения новых моделей поведения, требования изменить ранее сформировавшееся отношение к известным явлениям или объектам. Если человек не имеет ресурсов справиться с вновь возникшими проблемными ситуациями, то он переживает более или менее выраженное состояние фрустрации.

Условием нормального протекания процесса адаптации является принятие изменившейся ситуации, точнее, самого факта изменений. В этом случае интенсивность эмоциональной реакции снижается и происходит переход ко второму этапу процесса. На этапе ориентировки ещё остаётся общее состояние дискомфорта, часто отмечаются проявления тревоги. Отношение к происходящему обычно неоднозначное, амбивалентное, подвержено колебаниям. Такое состояние побуждает индивида к активному целенаправленному поиску, сканированию и анализу ситуации. Основная нагрузка на втором этапе ложится на когнитивный компонент, который призван обеспечить личности запас знаний, необходимых для налаживания взаимодействия. Когда достаточное количество информации собрано, ситуация прояснилась, изучены требования среды и собственные возможности, индивид вступает на третий этап процесса адаптации.

Этап внутренней переработки и осмысления приобретает особое значение именно для процесса социальной адаптации человека. Это определяется спецификой самой социальной среды, а так же особенностями социального взаимодействия. Целью социальной адаптации является не слепое приспособление к изменениям среды, или изменение среды в соответствии со своими потребностями, а поиск такого пути, который позволил бы сохранить индивидуальное «Я» и целостность личности, реализовать внутренний потенциал, при этом, не разрушая окружающей реальности, а, наоборот, содействуя её прогрессу.

В связи с этим, мы можем назвать третий этап – этап внутренней переработки и осмысления – центральным звеном процесса социальной адаптации личности, отражающим именно специфику взаимодействия сознательной личности и социальной среды. Характерно, что в процессе биологической адаптации этот этап полностью отсутствует. Данный этап служит связующим звеном между этапом

ориентировки, который играет подготовительную роль и этапом собственно преобразующих действий. Основная задача личности состоит в том, чтобы, проанализировав собранную информацию, сознательно выбрать правильную стратегию поведения, позволяющую создать новую систему взаимодействия. Основная нагрузка распределена между двумя уровнями, когнитивным и поведенческим: на основе когнитивной обработки и внутреннего осмысления формируются стратегии будущего адаптивного поведения.

Когда позиция определена, стратегия сформирована, происходит переход на четвёртый этап, когда индивид приступает к реальным действиям, направленным на преобразование ситуации. Наибольший вес на четвёртом этапе приобретает поведенческий компонент, и основное значение здесь отводится активным преобразовательным действиям. В связи с этим, успешность прохождения этапа во многом зависит как от адекватности избранной стратегии поведения, так и от самой способности личности к произвольной, целенаправленной активности. Для данного этапа характерно уже избирательное восприятие информации: информация не соответствующая сложившемуся ранее представлению о ситуации преимущественно игнорируется. Закрепляются стереотипы восприятия и поведения. Общее состояние может колебаться, окрашиваясь, то в позитивные, то в негативные тона в зависимости от успешности предпринимаемых действий.

Если стратегия выбрана правильно и её удалось реализовать, то ситуация взаимодействия уравнивается, приобретая новые качества, и процесс адаптации переходит на свой завершающий этап: продуктивного взаимодействия. Этап характеризуется собственно состоянием адаптированности индивида. Для него характерно состояние комфорта, эмоциональной стабильности и уравновешенности. Общий тон эмоциональных переживаний положительный и не отличается экстремальным характером. Отношение к ситуации так же устойчиво и позитивно. Адаптационный процесс завершает свой цикл, и основной вес опять переносится на эмоциональный компонент, так как состояние адаптированности связывают с общим позитивным состоянием индивида: ощущением комфорта и удовлетворённости.

Таким образом, мы рассмотрели все возможные аспекты адаптации по отношению к любым изменяющимся условиям среды. Подходы к определению

стадий различаются в приведённых концепциях различаются, но так или иначе сводятся к тому, что человек неизбежно, хоть и с разной степенью тяжести, в течение адаптации сталкивается с фрустрацией а затем, при успешном её преодолении, состояние человека нормализуется.

Поскольку предметом нашего исследования является адаптация к новой социокультурной среде, имеет смысл рассмотреть этот феномен более подробно, что будет сделано в последующих параграфах.

1.2. Этапы и факторы аккультурации. Последствия межкультурного контакта.

В основании социокультурной адаптации – аккультурации – лежат социокультурные различия, то есть различия в распределении и доступности духовных благ и услуг, в уровне их потребления, в характере и содержании культурной деятельности, степени активности субъекта в социокультурном взаимодействии. По мнению Л.Л. Шпак, социокультурная адаптация – «это форма взаимоприспособления субъектов и социокультурной среды на основе обмена духовно-практическими возможностями и результатами деятельности в конкретных адаптивных ситуациях». Внутренним источником социокультурной адаптации является несоответствие освоенных, привычных форм и способов культурной деятельности новым потребностям и возможностям адаптантов в условиях изменившейся социокультурной среды [10].

Несмотря на критику, самой популярной моделью описания этапов культурной адаптации остаётся U-образная кривая процесса адаптации, сформулированная американским психологом греческого происхождения Гарри Триандисом [42]. Также существует U + U – W-образный вариант кривой для иммигрантов, вернувшихся на родину и проходящих так называемый процесс реадаптации с повторным прохождением этапов U-кривой. Принцип построения кривой таков, что в начале освоения в новом государстве эмоциональный подъём постепенно сменяется пониженным настроением, затем ухудшение эмоционального (нередко и соматического) состояния достигает апогея, а после следует его нормализация

вплоть до достижения адаптации на уровне, соответствующем с уровнем адаптации на родине. Более подробно эти стадии будут рассмотрены ниже.

Прежде чем перейти к перечислению этапов социокультурной адаптации, следует отметить, что существуют две противоположных точки зрения на то, с какого именно момента начинается процесс адаптации. Большинство специалистов сходятся во мнении, что «точкой отсчёта» необходимо считать начало непосредственного контакта иммигранта с новой средой. Другие специалисты считают, что весомый вклад в адаптацию вносят знания о социокультурной среде, полученные до контакта с ней. Речь идёт об уровне теоретических знаний о культуре, нормах, языке и традициях, а также установках, ожиданиях и представлениях относительно будущей страны проживания, которыми обладает иммигрант до переезда. Поэтому специалисты считают целесообразным выделение стадии «преадаптации», которая находит выражение в формировании у мигранта представлений о новой социокультурной среде на этапе подготовки к переезду [54].

Первый этап, который наступает с началом непосредственного контакта со средой, называется «медовым месяцем». Он характеризуется энтузиазмом, приподнятым настроением и большими надеждами. Действительно, большинство визитеров стремятся учиться или работать за границей. Кроме того, их ждут на новом месте: ответственные за прием люди стараются, чтобы они чувствовали себя «как дома» и даже обеспечивают некоторыми привилегиями.

Но этот этап быстро проходит, а на втором этапе адаптации непривычная окружающая среда начинает оказывать свое негативное воздействие. Например, приезжающие в нашу страну иностранцы сталкиваются с некомфортными с точки зрения европейцев или американцев жилищными условиями, переполненным общественным транспортом, сложной криминальной обстановкой и многими другими проблемами. Кроме подобных внешних обстоятельств, в любой новой для человека культуре на него влияют и психологические факторы: чувства взаимного непонимания с местными жителями и неприятия ими. Все это приводит к разочарованию, замешательству, фрустрации и депрессии. В этот период «чужак» пытается убежать от реальности, общаясь преимущественно с земляками и обмениваясь с ними впечатлениями об «ужасных аборигенах».

На третьем этапе симптомы культурного шока могут достигать критической точки, что проявляется в серьезных болезнях и чувстве полной беспомощности. Не сумевшие успешно адаптироваться в новой среде визитеры-неудачники «выходят из нее» – возвращаются домой раньше положенного срока.

Однако намного чаще визитеры получают социальную поддержку окружения и преодолевают культурные различия – изучают язык, знакомятся с местной культурой. На четвертом этапе депрессия медленно сменяется оптимизмом, ощущением уверенности и удовлетворения. Человек чувствует себя более приспособленным и интегрированным в жизнь общества.

Пятый этап характеризуется полной – или долгосрочной, по терминологии Берри, – адаптацией, которая подразумевает относительно стабильные изменения индивида в ответ на требования среды. В идеале процесс адаптации приводит к взаимному соответствию среды и индивида, и мы можем говорить о его завершении. В случае успешной адаптации её уровень сопоставим с уровнем адаптации индивида на родине [42].

Вышеизложенная концепция критикуется за то, что она представляет собой типическую, идеализированную модель и не в состоянии отразить реальные процессы и результаты адаптации, которые выходят за рамки концепции. Анализ литературных источников позволяет отметить, что стадия, в которой культурный шок, по субъективному восприятию, достигает своего апогея, является поворотным моментом, который определяет дальнейший путь развития адаптации. Поскольку каждый субъект, исходя из своих индивидуальных особенностей и интернализованных паттернов поведения, выбирает собственные стратегии совладания со стрессом аккультурации (культурным шоком), процесс социокультурной адаптации не может быть в любом случае привязан к кривой Триандиса.

В этой связи были приняты попытки решения данной методологической проблемы в форме создания классификаций способов преодоления культурного шока и связанных с ними результатов межкультурного контакта для индивида и/или группы.

А. С. Баранов, рассуждая в одной из своих работ об адаптации мигрантов из студенческой среды и, в частности, о международной студенческой мобильности как части процесса глобализации, приводит в пример цитату Н. Р. Маликовой о том, что среди мигрантов есть так называемые «глобалы» и «локалы». И если «глобалы» – это люди, готовые к тому, чтобы адаптироваться к новой среде, тем самым поддерживая процесс глобализации, то «локалами» Маликова называет тех мигрантов, которые обитают в центрах глобализации, но при этом сохраняют свой традиционный стиль жизни [3]. Данная классификация не претендует на глубокую дифференцированность, но имеет точки соприкосновения с известными социально-психологическими классификациями, о которых речь пойдет ниже.

В частности, С. Бочнер [10] выделяет четыре максимально общие категории последствий межкультурного контакта для группы (в историческом ракурсе): геноцид (уничтожение противостоящей группы), ассимиляция (постепенное добровольное или принудительное принятие обычаев, верований, норм доминантной группы вплоть до полного растворения в ней), сегрегация (курс на раздельное развитие групп) и интеграция (сохранение группами своей культурной идентичности при объединении в единое сообщество на новом значимом основании).

Автор данной модели называет и четыре возможных результата межкультурных контактов для индивида. В процессе адаптации «перебежчик» отбрасывает собственную культуру в пользу чужой, «шовинист» – чужую в пользу собственной, «маргинал» колеблется между двумя культурами, «посредник» синтезирует две культуры, являясь их связующим звеном.

Аналогом данной концепции является классификация способов преодоления культурного шока, автором которой является американский антрополог Ф. Бок. По аналогии с классификацией Бочнер, эти способы подразделяются на следующие [15; 18]:

- колонизация (активная автаркия) – навязывание иностранцами своих культурных ценностей, норм, языка местным жителям. При данной форме иммигранты применяют различные формы манипулирования антидискриминационными законами: от судебных исков до митингов;

- ассимиляция – отказ от своей культуры и стремление усвоить культуру страны пребывания;

- геттоизация (пассивная автаркия) – замкнутое проживание в собственном кругу, сведение к минимуму взаимодействие с местным населением. Такой способ совладания находит выражение в создании диаспор (Чайнатаун, Брайтон-Бич и др.) и этнических преступных формирований;

- интеграция – стремление не только усвоить новую культуру, но, и обогатить ее элементами собственной культуры.

Согласно ряду других источников, Бок выделяет 5 вариантов преодоления культурного шока. Вместо интеграции там перечисляются способы: промежуточный, который подразумевает культурный обмен между группой иммигрантов и местным населением, и частичная ассимиляция, при которой иммигрант принимает культуру новой страны при контакте с местным населением, сохраняя при этом собственную культурную идентичность в микросоциуме или религиозной сфере [16; 22]. Возможно, комбинация этих двух способов и составляет интеграцию в понимании специалистов, изучающих вопрос межкультурной адаптации.

Иная концептуальная схема аккультурации – последствий межкультурного контакта для группы – предложена Дж. Берри, которая с начала 90-х годов XX века становится наиболее предпочитаемой и адекватной моделью аккультурации. Он показал сложность и конфликтность процесса аккультурации: люди не могут легко и безболезненно изменяться, адаптируясь в инонациональной среде. Процесс аккультурации может быть реактивным – усиливающим сопротивление изменениям в контактирующих культурах, творчески стимулирующим появление новых элементов и культурных форм, которые не встречались до контакта ни в одной из культур, и запаздывающим в восприятии изменений, проявляющихся после контакта. Дж. Берри определяет аккультурацию как результат взаимодействия культурных и психологических процессов [10].

По мнению Дж. Берри, аккультурацию обуславливают два одномерно действующих фактора, которые и определяют четыре основные стратегии. Этими факторами являются поддержание культуры (в какой степени признается важность

сохранения культурной идентичности) и участие в межкультурных контактах (в какой степени следует включаться в иную культуру или остаться среди «своих»). В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса Дж. Берри определил четыре стратегии, которые он назвал стратегиями аккультурации:

Ассимиляция – группа и её члены теряют свою культуру, но поддерживают контакты с другой [10]. Моноэтническая идентичность с чужой этнической группой ведёт к полной ассимиляции, то есть принятию норм, обычаев, языка чужой группы, вплоть до полного растворения в ней [50].

Сепарация – группа и её члены, сохраняя свою культуру, отказываются от контактов с другой [10]. Такой вид стратегии характерен для полиэтнического общества, где люди демонстративно поддерживают позитивную групповую идентичность, проявляя предубеждения по отношению к представителям других этнических групп, и уклоняются от тесного взаимодействия с ними. Сходной с сепарацией представляется стратегия социальной конкуренции. В этом случае позитивные различия устанавливаются в прямом соревновании. Очень часто такая стратегия социальной конкуренции перерастает в ситуации межэтнической напряжённости [50].

Маргинализация – группа и её члены теряют свою культуру, но не устанавливают тесных контактов с другой культурой [10]. В этом случае человек колеблется между двумя культурами, не овладевая ни одной из них. Такие люди, путаясь в идентичностях, часто испытывают внутриличностные конфликты. Они могут быть агрессивно настроенными националистами – в пользу своей или в пользу чужой группы в зависимости от того, какая из них имеет более высокий статус в обществе [50].

Интеграция – каждая из взаимодействующих групп и их представителей сохраняют свою культуру, но одновременно устанавливают тесные контакты с другой культурой [10]. Множественная идентичность позволяет человеку использовать опыт одной группы для адаптации в другой, овладевать богатством ещё одной культуры без ущерба для ценностей собственной. Это благотворно сказывается на личности, росте выходцев из межэтнического брака [50].

Вариант маргинализации реже является добровольным, чаще люди становятся маргиналами в ситуации насильственной ассимиляции («давящий пресс»), сочетающейся с насильственным отторжением (сегрегацией) [10].

Маргинальность личности может проявляться в качестве одной из составляющих кризиса этнической идентичности. Наряду с маргинализацией отечественными учёными в рамках эмпирического исследования русскоязычных иммигрантов в Финляндии (54 человека в возрасте от 19 до 63 человек, проживающие в Финляндии на протяжении от 3 до 19 лет) были обнаружены такие черты кризиса, как негативное эмоциональное отношение к собственной этнической принадлежности, ощущение «навязанной» этничности, «мифологизация» этнической группы [36].

подавляющее большинство специалистов уверены, что именно интеграция является наиболее предпочтительной стратегией адаптации к инокультурной среде. Считается, что эта стратегия предполагает в качестве важного условия обязательный взаимный компромисс и взаимное приспособление, включающее признание контактирующими группами права каждого из них сохранять свои культурные и этнические различия.

К примеру, исходя из теории Дж. Берри, успешная адаптация представляет собой не ассимиляцию с чужой культурой. Межкультурная адаптация представляет собой процесс вхождения в новую культуру, постепенное освоение её норм, ценностей, образцов поведения. При этом успешность адаптации предполагает достижение социальной и психологической интеграции с другой культурой без потери богатств собственной [10].

В социально-психологическом плане интеграция представляется наиболее позитивным видом межкультурного взаимодействия, так как представители разных культур стремятся преодолеть межкультурный барьер, понять и принять другое видение мира, и признается право личности на культурное своеобразие и равные возможности существования [10].

Отечественные специалисты также разделяют точку зрения об интеграции как наиболее оптимальной стратегии поведения в ситуации адаптации к новой среде. Они считают ассимиляцию иммигрантов основным риском, ведущим к утрате

собственной культурной идентичности, и видят необходимость в безопасном для неё усвоении норм поведения в принимающем обществе.

Нередки ситуации, в которых члены одной семьи иммигрантов используют разные стратегии аккультурации. В российско-немецком исследовании ресурсов социализации детей и подростков из семей русскоязычных мигрантов в Германии (С. В. Аруин, Дюссельдорф; Р. В. Чиркина, Москва; 2013) было выявлено, что для детей из семей иммигрантов проблемой является преодоление или, скорее, примирение в своем сознании и поведении двойных стандартов (дома принято одно, в обществе – другое). В некоторых опрошенных семьях учёные наблюдали одновременно две противоположные тенденции – стремление к ассимиляции одних членов семьи и протестную сепарацию других, что явилось основой детско-родительских конфликтов [49].

Польский обзор исследований частично подтверждает разницу между стратегиями аккультурации у родителей и детей, утверждая о консервативности родителей и стремлении детей к принятию новой среды. Однако существуют случаи, когда обе стороны придерживаются одной позиции [67].

Выбор той или иной стратегии адаптации, как и её успешность зависят от множества факторов.

Т. Г. Стефаненко выделяет следующие факторы, определяющие степень выраженности симптомов стресса аккультурации и продолжительность адаптации [42]:

Во-первых, это демографические и личностные индивидуальные различия. В частности, дети адаптируются быстрее и успешнее, чем взрослые и, тем более, пожилые люди. Можно считать доказанным, что успешнее адаптируются молодые, высокоинтеллектуальные и высокообразованные люди. Говоря в целом, для жизни в чужой культуре лучше всего подходит профессионально компетентный, имеющий высокую самооценку, общительный индивид экстравертного типа; человек, в системе ценностей которого большое место занимают ценности общечеловеческие, открытый для самых разных взглядов, интересующийся окружающими, а при урегулировании конфликтов выбирающий стратегию сотрудничества. При этом

личностные особенности человека должны находиться в согласии с новыми культурными нормами.

Вторая группа факторов адаптации – обстоятельства жизненного опыта индивида, а именно:

- наличие мотивации к адаптации;
- наличие доконтактного опыта (знание языка, истории, условий жизни страны иммиграции);
- установление дружеских отношений с местными жителями.

Степень сходства или различия между культурами является не менее важным фактором. С одной стороны, является очевидным факт, что сходство культур делает процесс аккультурации менее травматичным. Однако это сходство способно сыграть злую шутку, поскольку иммигрант обманывается, что культура его родины идентична той, с которой совершается контакт, и рискует совершать неприемлемые в новом обществе поступки вследствие игнорирования различий. К примеру, по результатам польского исследования среди студентов-медиков англоязычной программы Поморского университета г. Щецин, наиболее успешно к социокультурной среде Польши адаптируются жители скандинавских стран, которые имеют схожие климатические особенности и близкое территориальное расположение, но при этом обладают большей культурной дистанцией в сравнении с славянскими государствами [66].

Особенности культуры, к которой принадлежат переселенцы и визитеры – это ещё один фактор адаптации. В данном случае речь может идти, во-первых, о ритуализированности образа жизни в одной культуре и его отсутствии в другой. Во-вторых, большую роль играет отношение общества страны к языкам. Очевидно, что наличие в стране 2-х и более официальных языков и обязательное владение ими повышает адаптационный потенциал иммигранта.

Также свой вклад вносит отношение страны пребывания к приезжим. Адаптация проходит легче в тех государствах, которые поддерживают политику плюрализма. К таковым относятся, в первую очередь, страны, которые являлись изначально мультикультурными из-за того, что были образованы переселенцами (США, Австралия, Канада и др.).

Характеристики мигрантов и взаимодействующих культур оказывают взаимосвязанное влияние на адаптацию. Например, индивиды с готовностью к переменам, оказавшиеся в мультикультурном обществе, будут чаще контактировать с местными жителями, и следовательно, окажутся в меньшей степени подвержены культурному шоку.

Следует отметить, что на процесс межкультурной адаптации также оказывает влияние религиозная идентичность. К примеру, проведенные исследования в США показали, что в участии в религиозной деятельности мигранты находят утешение, безопасность и общение; участие в религиозных практиках позволяет обретать убежище, ресурсы и различные социально-экономические блага [52].

Исследователи отмечают, что важным фактором успешной адаптации иммигранта за рубежом являются копинг-стратегии. В исследованиях стресса аккультурации было установлено, что стратегии аккультурации (ассимиляция, интеграция, сепарация, маргинализация), используемые мигрантами, оказываются связанными со стратегиями совладающего поведения.

Так, П. Шмитцем было показано, что стратегия аккультурации «интеграция» положительно коррелирует с проблемно-ориентированным копингом; использование мигрантом стратегии «сепаратизм» позитивно связано с ориентацией на эмоции и стратегией избегания, а стратегия адаптации «ассимиляция» положительно коррелирует с проблемно ориентированным копингом и копингом, ориентированным на эмоции [38].

Также в Саратове в 2016 году было проведено исследование среди иностранных студентов и аспирантов, по результатам которого было выяснено, что доминирующими, но не превышающими пограничный уровень копинг-стратегиями послужили избегание, положительная переоценка и самоконтроль. При этом, по результатам теста Янковского, основными типами адаптации стали адаптивный и интерактивный, что подтверждает эффективность данных видов копинга. Также между исследованными копинг-стратегиями и уровнем социальной фрустрированности был проведён корреляционный анализ, в результате которой были обнаружены три положительные корреляционные взаимосвязи с

конфронтацией, дистанцированием и принятием ответственности, что послужило показателем неэффективности данных стратегий в ситуации миграции [42].

Следует отметить, что изучение вопроса адаптации мигрантов, прибывающих в другую страну с целью обучения, по мнению упоминавшегося ранее А.С. Баранова, должно учитывать под собой определённые моменты. Баранов утверждает, что мигрантов данной категории необходимо классифицировать на две группы: «мигранты-студенты» и «студенты-мигранты». Главное их отличие состоит в последовательности актов миграции и поступления в вуз. Если к группе «мигрантов-студентов» относятся те, кто иммигрировал на некоторое время раньше, чем начал обучение в учебном заведении, то у «студентов-мигрантов» процесс социокультурной адаптации стартует и происходит одновременно с процессом внедрения в студенческую среду, а если речь не идёт об образовании магистерского уровня и выше, то сюда наслаивается и процесс принятия на себя новой социальной роли – переход от роли школьника к роли студента. Плюс ко всему, к факторам, влияющим на адаптацию «студентов-мигрантов» является частое отсутствие родственников на территории новой страны, а также необязательность интеграции в новое общество («студент-мигрант», в зависимости от законодательства принимающей страны, имеет право или обязан вернуться домой после обучения) [3].

Социокультурная адаптация, как и любой другой её вид, как уже было сказано в первом параграфе, рассматривается нами как многоуровневое и многоаспектное явление. В соответствии с этим, можно предположить, что при изучаемом виде адаптации также наблюдаются изменения не только на социальном, но и на биологическом и психическом уровнях. В этой связи поднимается вопрос о психосоматическом благополучии мигрантов, проходящим адаптационный процесс. Изучению этого вопроса будет посвящён следующий параграф.

1.3. Психосоматическое благополучие как показатель социокультурной адаптивности.

Характеристикой адаптивности личности является её здоровье. Нарушения психического и соматического благополучия свидетельствуют о том, что человек испытывает трудности при адаптации к изменяющимся условиям среды, становясь

беззащитным перед их деструктивным влиянием. Из этого утверждения можно предположить, что нарушения адаптации иммигрантов к условиям жизни в новой стране могут находить отражения в различных соматических и психических патологических проявлениях.

Исследование проблемы здоровья иммигрантов сталкивает нас с двумя противоположными взглядами. Зарубежные исследователи выделяют так называемый «эффект здорового иммигранта» (Healthy Immigrant Effect – НИЕ), который подразумевает, что иммигранты имеют более высокий уровень здоровья, чем коренное население страны. Исследование здоровья иммигрантов в США, Канаде, Австралии и Великобритании [61], проведённое в трёх измерениях (хронические состояния, тяжёлые хронические заболевания и здоровое население) методом описательной статистики, подтвердило существование НИЕ, причём среди эмигрантов из развивающихся стран он оказался более выраженным, чем у эмигрантов из развитых стран.

Существование НИЕ подтверждается в отношении не только физического, но и психического здоровья. Специалистами из Канады было выяснено, что иммигранты в целом демонстрируют более высокий уровень психического здоровья, чем коренное население. Однако, ни предположительные факторы риска (восприятие собственного тела, самооценка здоровья, различия в образовательном и профессиональном статусе, удовлетворённость жизнью), ни копинг-стратегии, которые исследовались у иммигрантов и коренных канадцев, не объяснили этот эффект [62].

НИЕ обнаруживается не только у самих иммигрантов, но и их потомстве, рождающемся на территории принимающей страны. Испанские специалисты проанализировали данные акушерских клиник за 5 лет и сравнили массу новорождённых детей коренных испанцев и новорождённых детей из семей эмигрантов из Эквадора, приняв массу новорожденного за ведущий показатель здоровья ребёнка и матери, а также за индикатор здорового материнского поведения. Результаты исследования показали, что масса детей, рождённых эквадорскими матерями, в среднем, выше, чем у коренных испанцев. Причём, если в первый год

исследования разница в массе детей составляла 89,08 граммов, то за четыре года она достигла 115,83 граммов [58].

Тем не менее, существуют точки зрения среди отечественных учёных, опровергающие существование эффекта здорового иммигранта, и даже предлагающие введение в обиход противоположного понятия («эффект нездорового иммигранта»). Данные Израильского социального обследования (Israeli Social Survey), позволили провести сравнительный анализ состояния здоровья иммигрантов и местного населения. Уровни объективного и субъективного здоровья иммигрантов оказались хуже, чем у местного населения. Эффект «нездорового иммигранта» был установлен как для мужчин, так и для женщин. Результаты обследования подтвердили, что эффект нездорового иммигранта у женщин сильнее, чем у мужчин. В то же время объективная оценка здоровья женщин оказалась намного лучше, чем у мужчин. Разрыв в состоянии здоровья между иммигрантами и коренными израильтянами сокращается с течением времени пребывания в Израиле (около 15 лет) [43].

Н. А. Киценко, проанализировав статистические данные по заболеваемости инфекционными болезнями (ЗППП, туберкулёз и др.), утверждает, что «эффект здорового мигранта» со временем исчезает, и иммигранты, проживающие на территории России, в большей степени подвержены соматическим заболеваниям, чем коренное население России. При этом Киценко отмечает, что, несмотря на то, что значительную долю иммигрантов с низким уровнем здоровья составляют нелегальные иммигранты, которые не проходят медицинское обследование, существуют биологические (иные климатические условия, продукты питания), психологические (чувство растерянности, страха, беспомощности) и социальные (дискриминация, экономическая растерянность, безработица) факторы, влиянию которых также подвержены добровольные мигранты [19].

Отечественные социологи рассматривают низкий уровень здоровья иммигрантов как социальную проблему, угрожающую не только самим переселенцам, но и принимающему обществу. В первом случае риск связан с увеличением количества трудовых мигрантов с «подорванным» здоровьем, возвращающихся для лечения и реабилитации в свои сообщества. В принимающих

обществах возрастает опасность распространения в группах мигрантов социально опасных заболеваний, развивающихся вследствие понижения иммунитета, плохого питания, медико-санитарных условий жизни, культурного шока и социального исключения. В своей работе авторы ссылаются на исследование 2008 года, опубликованное в докладе Секретариата ВОЗ «Здоровье мигрантов», в рамках которого проведено сравнение заболеваемости различными соматическими патологиями и уровня смертности в их результате, а также несчастных случаев и самоубийств среди мигрантов и местных жителей в стране, выходцами из которой мигранты являются, и в стране принимающей. Результаты данного исследования показали, что смена окружения, происходящая при переезде в другую страну, серьёзно влияет на здоровье [20].

Частично опровергающими НІЕ являются результаты американского исследования кардиоваскулярного риска среди 16 415 мигрантов из разных стран Центральной и Латинской Америки. Согласно полученным данным, количество мигрантов с низким кардиоваскулярным риском оказалось меньшим, по сравнению с умеренным, высоким и очень высоким рисками. При этом у женщин отмечается корреляция низкого кардиоваскулярного риска с низким уровнем аккультурации. То есть, женщины, предпочитавшие говорить на испанском, а не на английском языке, и изолироваться от американской культуры и образа жизни, тем самым, предохраняют себя от риска развития сердечно-сосудистых патологий [57].

Отсюда можно сделать вывод, что «эффект здорового иммигранта» – явление спорное и неоднозначное. Организаторы ранее упомянутого исследования русских иммигрантов в Израиле полагают, что данный феномен зависит от характера иммиграции (в данном случае – постсоветской) и от иммиграционных законов. В Израиле отбор иммигрантов производится преимущественно по религиозному и национальному признаку (репатриация согласно закону о возвращении – «Хок ха-Швут»), что способно повлечь две следующие трудности: во-первых, иммигрант, который переезжает в страну иным способом, сталкивается с большим количеством препятствий при натурализации; во-вторых, согласно данному закону, каждый еврей имеет право на репатриацию в Израиль, вне зависимости от наличия или отсутствия хронических заболеваний.

Что касается развитых стран, которые подтверждают существование «эффекта...» в исследованиях (Канада, Испания, США, Австралия, Великобритания), то здоровье иммигранта является одним из ведущих критериев отбора, и, в целом, иммиграционные законы в этих странах являются наиболее развитыми и проработанными. Иммигранты с хроническими заболеваниями автоматически лишаются права на получение ВНЖ в этих и ряде других стран, в результате чего иммигранты в целом оказываются более здоровыми, чем коренное население. Это означает, что проблема здоровья мигрантов не утрачивает своей актуальности и требует разработки эффективных решений.

Как было сказано в предыдущем параграфе, внутренняя напряжённость достигает своего пика на стадии культурного шока. Эта стадия также ставит иммигранта перед выбором стратегии поведения при адаптации к новой среде. Поэтому, имеет смысл рассмотреть данный феномен и его проявления подробнее.

Понятие культурного шока было введено американским антропологом Калерво Обергом в 1954 г., который исходил из идеи, что вхождение в новую культуру сопровождается неприятными чувствами – потери друзей и статуса, отверженности, удивления и дискомфорта при осознании различий между культурами, а также путаницей в ценностных ориентациях, социальной и личностной идентичности [42].

Помимо культурного шока, отечественные лингвисты Ю. Е. Прохоров и И. А. Стернин, специализирующиеся в когнитивной лингвистике, обобщая опыт изучения коммуникативного поведения разных народов, выделяют также так называемый «коммуникативный шок – резкое осознаваемое расхождение в нормах и традициях общения народов, проявляющееся в условиях непосредственной межкультурной коммуникации и выражающееся в непонимании, неадекватной интерпретации или прямом неприятии с позиций собственной коммуникативной культуры той или иной коммуникативной нормы или традиции народа представителем гостевой лингвокультурной общности. Коммуникативный шок выражается в таких ментальных и вербальных стереотипных реакциях, как: «Зачем они поступают так?», «Почему у них принято...», «Как это неприятно выглядит, когда они...» и др. [33].

Феномен культурного шока изучается как российскими, так и зарубежными исследователями в рамках различных дисциплин: не только психологической науки, но также этнографии, социологии и антропологии. В связи с этим феномен культурного шока описывается различными понятиями: «аккультурационный стресс» («стресс аккультурации»), «приспособление», «межкультурная адаптация», «аккультурация». Эти понятия могут рассматриваться как синонимичные, но существуют и расхождения при их трактовке. К примеру, слово «адаптация» подразумевает приспособление к новым условиям среды, в отличие от понятия «культурный шок», которое несёт явный негативный оттенок и подразумевает только отрицательные последствия контакта с чужой культурой [39].

В настоящее время, несмотря на то, что понятие культурного шока по-прежнему применяется на практике, предпочтение отдаётся термину «стресс аккультурации». Использовать для описания этого феномена данное понятие предложил канадский психолог Дж. Берри. Он исходил из того, что соприкосновение с иной культурой может принести не только отрицательные, но и положительные последствия, а значит, к этому феномену применима концепция общего адаптационного синдрома. В соответствии с этим, можно рассматривать его симптомы на основе стрессовой симптоматики [39].

Как показывают некоторые исследования, стресс аккультурации характерен даже для людей с добровольной мотивацией к переезду, четкими целями и конкретными планами, достаточно высоким материальным и социальным статусом. К примеру, результаты исследования отечественных учёных, проведённого среди 110 временных мигрантов из Англии, показывают, что кросс-культурная адаптация непременно сопровождается стрессом аккультурации, который развивается следующим образом.

Для начальной стадии адаптации характерен низкий уровень тревожно-депрессивных состояний, а незначительное повышение ситуативной тревожности связано как с негативными, так и с позитивными переживаниями. В среднем после двух месяцев повышается ситуативная тревожность, сопровождающаяся развитием эмоций депрессивного комплекса, таких как печаль, аутоагрессия, стыд, вина. После одного года миграции происходит снижение тревожно-депрессивных состояний,

однако это нельзя рассматривать как полностью положительную тенденцию, поскольку оно сопровождается снижением уровня позитивных эмоций на фоне умеренных состояний агрессивного характера [11].

Существуют множество различных классификаций симптомов стресса аккультурации [42]. Один из наиболее полных обзоров симптомов культурного шока представлен в статье М. Zapf. Автор перечисляет 45 симптомов культурного шока: чувство потери, нетерпение, апатия, замешательство, раздражимость, депрессия, готовность заплакать, фрустрация, избегание, изоляция, расстройство, чувство беспомощности и др.

Американский психолог Young Yun Kim выделяет следующие симптомы культурного шока: печаль, чувство одиночества, тоска по родине, идеализация родной страны, стереотипизация представителей принимающей страны, неудовлетворенность жизнью в целом, потеря чувства юмора, ощущение изоляции и отверженности со стороны общества, иррациональные страхи по отношению к другой культуре, ощущение небезопасности, снижение концентрации внимания, депрессия, негативный образ Я, потеря идентичности, семейные конфликты, чрезмерная озабоченность собственным здоровьем, повышенная чистоплотность.

Г. Триандис, цитируя работу известных британских исследователей культурного шока А. Фернхэма и С. Бочнера, приводит описание следующих симптомов: «чрезмерно частое мытье рук и озабоченность вопросами санитарии; боязнь физических контактов с другими людьми; рассеянность; легкие психосоматические расстройства; бессонница; утомление/усталость; чувство беспомощности; приступы раздражения; чрезмерные опасения быть обманутым, ограбленным, избитым; повышенная чувствительность к малейшим признакам недомогания или раздражения кожи; злоупотребление алкоголем или лекарствами; тоска по родине».

Исследование британского психолога Д.Б. Мамфорда является одним из немногих работ, цель которых – изучение факторов и обстоятельств, влияющих на культурный шок волонтеров. Исследование проводилось в 1998 г., в первые недели пребывания 475 респондентов в 27 странах. Опросник Д.Б. Мамфорда основывается на шести аспектах, предложенных Р. Тафтом. Некоторые вопросы были добавлены в опросник, составленный автором на основе самоотчетов нескольких сотен визитеров

во время пребывания в другой культурной среде. Многие из респондентов писали о тревожности и чувстве неловкости в социальном взаимодействии, о периодически возникающих недоверии и фрустрации.

В результате исследования Д.Б. Мамфорд представил 12 симптомов (аспектов) культурного шока: общее чувство напряжения от усилий при адаптации к другой культуре; тоска по семье и друзьям; принятие местным населением; желание убежать от окружающей действительности; отвращение или шок по отношению к новой культуре; проблемы с ролью и идентичностью в новой культуре; чувство беспомощности и утраты контроля при столкновении с новой культурой; усилия, предпринимаемые для того чтобы быть вежливым с принимающей стороной; неприятные ощущения от окружающих пристальных взглядов; тревожность и неловкость при встречах с местным населением; ощущение того, что люди тебя обманывают при покупке товаров; понимание жестов и мимики при встречах с представителями принимающей страны.

Симптомы культурного шока также целесообразно классифицировать на основе стрессовой симптоматики, проявляющейся в разных сферах психики. К симптомам стресса относят: в эмоциональной сфере (как это отмечается рядом исследователей) – эмоциональный подъем или, наоборот, обострение тревоги; в когнитивной сфере – восприятие угрозы, опасности, оценка ситуации как неопределенной; в мотивационной сфере – мобилизация сил или избегание, потеря мотивации и интересов; в поведенческой сфере – изменение активности, привычных темпов деятельности. Таким образом, при анализе симптомов культурного шока необходимо учитывать сдвиг интенсивности процессов в той или иной сфере в сторону увеличения или уменьшения. Концепция общего адаптационного синдрома позволяет не только идентифицировать негативные последствия культурного шока, но и выделить положительные аспекты, которые наблюдаются, к примеру, в эмоциональной сфере. Эмоциональный подъем, интерес, воодушевление и энтузиазм при перемещении в инокультурную среду отражают объективную реальность психологии человека и зафиксированы в многочисленных записках путешественников, самоотчетах и наблюдениях за визитерами.

Рассмотренные симптомы культурного шока можно условно подразделить на психологические, соматические и поведенческие.

Соматические симптомы культурного шока: физический дискомфорт и неприятные ощущения (головная боль, изжога, повышение артериального давления, боли в мышцах, спине и т.п.).

Поведенческие симптомы культурного шока: нарушение аппетита (переедание или потеря аппетита); расстройства сна; чрезмерное потребление алкоголя, наркотических средств, лекарств; чрезмерно частое мытье рук и озабоченность вопросами санитарии.

Используя концепцию интегративных психических образований В.Н. Панферова, можно представленное многообразие психологических симптомов культурного шока разделить на аффективную, регуляторную, коммуникативную и рефлексивную сферы:

Аффективная сфера – эмоции (удивление, гнев, отвращение, презрение, страх, печаль), эмоциональные состояния (паника, тоска, фрустрация, тревожность, депрессия);

Регуляторная сфера – снижение концентрации внимания, утрата контроля, ощущение непреодолимости препятствий;

Коммуникативная сфера – отвержение со стороны представителей принимающей культуры и/или отвержение человеком представителей принимающей культуры, избегание и, как результат, конфликты, изоляция, одиночество;

Рефлексивная сфера – негативный образ Я, ролевая диффузия, потеря идентичности [42].

Среди современных отечественных исследований психосоматического благополучия иммигрантов выделяются работы А. А. Овчинникова, доктора медицинских наук, профессора Новосибирского государственного медицинского университета. По результатам опросника Янковского, у студентов-мигрантов достоверно высокие значения по шкалам «Интерактивность», «Отчуждение», «Депрессивность» и «Ностальгия» и низкие значения по шкалам «Адаптивность» и «Конформность», что означает преобладание дезадаптивных типов адаптации к новой социокультурной среде. Студенты-мигранты обладают средним уровнем

психологического благополучия по К. Рифу (против высокого уровня у контрольной группы из российских студентов). По результатам корреляционного анализа результатов теста Спилбергера-Ханина и теста Янковского обнаружена зависимость между личностной тревожностью и уровнем депрессии в группе студентов-мигрантов и обратная связь между личностной тревожностью и конформностью, а также обратная связь между положительным отношением к другим и депрессивностью в группе студентов-мигрантов [30]. В другой своей работе автор установил взаимосвязь между уровнем самооценки и самоотношения и успешностью адаптации [31].

В исследовании автора, посвящённом психосоматической стороне адаптации, по результатам изучения взаимосвязи уровня тревожности (опросник Спилбергера-Ханина), соматических жалоб (Гиссенский опросник соматических жалоб) и особенностей адаптации студентов-мигрантов в иной социокультурной среде (тест Янковского) была обнаружена значимая связь показателей адаптации с личностной, ситуативной тревожностью и психосоматическими жалобами, связанными с сердцем [29].

После рассмотрения симптомов, сопровождающих иммигранта в период его адаптации, следует отметить, что они являются индивидуальными для каждого человека. Это может означать, что стилевая организация психики также способна вносить вклад в социокультурную адаптацию, так как она предрасполагает нас к тому или иному типу реагирования в зависимости от ситуации. Попытка раскрытия данного вопроса будет предпринята в следующем параграфе.

1.4. Обоснование вклада темперамента в аккультурацию.

В предыдущем пункте роль стилевой организации психики в межкультурной адаптации отчётливо не подчёркивалась. Тем не менее, поскольку свойства нервной системы являются неотъемлемой частью индивидуальности, а личностные свойства индивида, как уже было сказано, оказывают влияние на процесс адаптации в другой стране, отсюда следует, что темперамент также может быть включён в список факторов эффективности аккультурации.

Материалов на тему взаимосвязи свойств нервной системы с типом конкретно социокультурной адаптации немного. В частности, специалистами Челябинского государственного педагогического университета была предпринята попытка изучения вклада темперамента в психосоциальную адаптацию студенток Костанайского государственного педагогического института путём сравнения испытуемых коренного (казахской национальности) и пришлого (славянского) населения. У 157 студенток оценивался уровень личностной и реактивной тревожности (тест Спилбергера-Ханина), а также определялись уровень нейротизма, типы темперамента и экстра-интровертированность (тест Айзенка). Исследование показало, что коренные жительницы Казахстана обладали более высокими показателями как реактивной, так и личностной тревожности, в отличие от приезжих. Также жительницы Казахстана обладали более высоким уровнем нейротизма, по сравнению со студентками пришлого населения. В обеих группах в большем количестве представлены флегматики и меланхолики, при этом сангвиников, которые в концепции Русалова считаются низкоэмоциональными (низкочувствительными) типами темперамента, меньше в группе коренного населения, в то время как численность «высокоэмоциональных» меланхоликов, наоборот, ниже у приезжих. Результат проведённого исследования является примером того, что этнические (а, возможно, и культурные) различия не всегда являются причиной дезадаптации, в то время как особенности темперамента могут стать определяющими в развитии адаптационного процесса [24].

Подтверждением влияния темперамента на адаптацию является японское исследование, проведённое среди китайских студентов в Японии [65]. В качестве инструмента для определения темперамента они использовали опросник структуры характера и темперамента Р. Клонинджера (Temperament and Character Inventory – TCI) [56]. По результатам исследования выяснилось, что испытуемые с более выраженным «избеганием опасности» (harm avoidance), имеют более высокий риск развития психологического дистресса и более предрасположены к использованию стратегии маргинализации. Harm avoidance относится к свойствам темперамента, так как коррелирует с низким объёмом серого вещества в отбито-фронтальной, затылочной и теменной областях; и характеризуется высоким беспокойством,

пессимизмом, застенчивостью и ранимостью, что сближает его с чертами меланхолического типа [59].

Если говорить о влиянии темперамента на адаптацию в целом, то существует мнение, что адаптация к воздействию психогенных факторов (примером которого способна послужить миграция), протекает по-разному у лиц с разным типом высшей нервной деятельности (холериков, сангвиников, флегматиков, меланхоликов). Считается, что у крайних типов (холериков, меланхоликов) такая адаптация не является стойкой, и рано или поздно факторы, воздействующие на психику, приводят к срыву высшей нервной деятельности и развитию неврозов [53].

Налчаджян, используя терминологию «экстраверсии» и «интроверсии», также утверждает, что крайние типы этих черт являются факторами дезадаптивного поведения. Крайние экстраверты могут быть дезадаптированы по следующим причинам:

- крайние экстраверты рискуют столкнуться с неприятием себя интровертами, которыми представлена значительная часть населения и которым неприятна эмоциональная экспансивность экстравертов;

- крайние экстраверты, как правило, не обретают знаний и навыков, важных для адаптации к новым условиям. Многие авторы связывают это с тем, что в стрессовой ситуации экстраверты в большей степени полагаются на своё насыщенное социальное окружение, чем на свои собственные силы и ресурсы. Здесь идёт речь об экстернальном локусе контроля у крайних экстравертов.

Причины дезадаптированности крайней интроверсии следующие:

- отсутствие социальной поддержки;
- хронический психофизиологический стресс и последующие психосоматические нарушения вследствие напряжённого стремления решать все проблемы самостоятельно без посторонней помощи;

- стремление к отказу от деятельности и планов в случае, если их невозможно выполнить с опорой только на свои усилия [27, с. 236–239].

Зависимость поведения индивида в различных ситуациях от свойственных ему особенностей темперамента и личностных характеристик особенно ярко проявляется в условиях, связанных со стрессорными факторами, и в экстремальных

ситуациях. Индивидуальные особенности личности обусловлены не только морфологическими и физиологическими особенностями организма, но и этнопсихологической составляющей и формируются под влиянием социально-экономических и культуральных факторов [6].

Психические состояния тревожности, нейротизма и темперамента выступают в качестве важнейших факторов, определяющих успешность человека в различных сферах деятельности, и культурная адаптация не является исключением [6]. Темпераментные черты личности, характеризующие поведенческую активность, влияют на резерв здоровья человека [40]. Темпераментные особенности человека влияют на уровень напряженности функционирования органов и их систем, его адаптивных возможностей. Адаптационный процесс вызывает вегетативную мобилизацию, выраженность которой у лиц с различными типами темперамента может быть неодинаковой, но она, в свою очередь, существенным образом изменяет психологическое состояние, физические возможности и внутреннюю среду организма, особенности его поведенческих реакций [6].

В современной психологии термином «темперамент» обозначают динамические особенности психики человека, т. е. только темп, ритм, интенсивность протекания психических процессов, но не их содержание. Человек, как правило, представляет собой смесь типов темперамента при доминанте одной из составляющих, к которой как бы «стягиваются» черты остальных типов [6].

Утверждается, что между типами темперамента и стратегиями адаптации имеется прямая взаимосвязь. Наиболее благоприятной адаптивной стратегией обладают сангвиники, для флегматиков характерен компенсаторный, а для меланхоликов – дезадаптивный тип адаптационной стратегии [6]. Следует помнить, что в экстремальных социально-экономических и климатогеографических условиях проявляются и обостряются психопатологические особенности личности, что провоцирует социально-психологическую дезадаптацию, а наложение средовых стрессорных факторов на конституционально-генетическую предрасположенность к той или иной акцентуации характера в сочетании с социально-психологической дезадаптацией запускает развитие психосоматических заболеваний [5].

По результатам кросс-культурного исследования адаптации к обучению в вузе, проводившегося среди тувинцев и русских в республике Тыва, где исследовались этнические особенности студентов по уровню нейротизма, реактивной и личностной тревожности, интровертированности, типа темперамента, был сделан вывод, что для студентов тувинской национальности, в сравнении с русскими, характерны определенные трудности психосоциальной адаптации, которые обусловлены более высоким уровнем тревожности и эмоциональной нестабильности (для девушек), выраженностью меланхолического и флегматического типов темперамента, большей интровертированностью характера. Отсюда можно сделать предположение, что при совершении миграционного поведения тувинцы будут иметь более яркие симптомы стресса аккультурации, в отличие от русских [6].

Теми же тувинскими специалистами проводилось исследование, нацеленное на выявление психофизиологических особенностей студентов с разным типом стратегии поведения в конфликтных ситуациях. Принимая в качестве методологической основы концепцию К. Томаса об эффективности стратегий поведения в ситуации конфликта, учёные разделили 84 студентов-участников на 3 группы по следующим типом: студенты, использующие неэффективные (НЭСП), нейтральные (НСП) и эффективные (ЭСП) стратегии поведения. В результате выяснилось, что нейтральные стратегии чаще всего используют студенты с меланхолическим типом темперамента, причём уровень нейротизма у использующих стратегии данного типа превышает таковой у испытуемых, предпочитающих неэффективные и эффективные типы. Сами исследователи полагают, что преобладание нейтральных стратегий поведения в конфликтных ситуациях у меланхоликов обуславливается их замкнутостью и тревожностью, из-за которых они предпочитают избегать конфликтов, сохраняя «нейтралитет». Это говорит о том, что меланхолики не стремятся к достижению цели, тем самым подвергая себя риску срыва высшей нервной деятельности и психосоциальной дезадаптации [21].

В пользу о наличии вклада темперамента в процесс культурной адаптации высказывается Московский институт психологии и психоанализа. По его данным, на процесс адаптации к новой культурной среде влияют индивидуальные

(демографические, личностные) и ситуативные характеристики. К личностным характеристикам относятся устойчивые свойства, черты личности или характера человека, которые могут влиять на состояния, вызванные той или иной ситуацией, и которые, в свою очередь, зависят от типа нервной системы.

Результаты исследования социально-психологической адаптации (разновидностью которой является социокультурная) студентов первого курса Финансового университета при Правительстве РФ от типа темперамента (2014 г.), показывают, что сангвиники демонстрируют улучшения в области физической приспособленности к новым условиям жизнедеятельности (повышение аппетита, работоспособности и пр.), успешно адаптируются непосредственно к ситуации обучения, отличаются преобладанием спокойного настроения, принимают участие в общественной и научной жизни вуза. Флегматики отличились от сангвиников ухудшениями в физической адаптации и меньшей социальной активностью. Холерики испытывают трудности в обучении и определённую дезадаптацию в физическом плане, но при этом дают противоречивые заявления на этот счёт; только они в исследуемой группе (частично) продемонстрировали повышенный фон настроения и энтузиазм при посещении занятий. Меланхолики являются лидерами по дезадаптации по всем пунктам, за исключением удовлетворённости социальным окружением [2].

Поскольку все эти компоненты присутствуют в процессе социокультурной адаптации, можно предположить, что получившиеся результаты исследования могут быть сопоставлены с проявлениями в контексте изучаемой проблемы.

Также вклад темперамента в адаптацию подтверждается исследованием Амурского Государственного университета, которое проводилось среди студентов первого и второго курса Амурского и Благовещенского Государственного педагогического университета [23]. Была выдвинута гипотеза, что студенты специальностей «Клиническая психология» и «Специальная психология» с холерическим типом темперамента имеют более высокий уровень социальной адаптации, так как для него характерны большая устойчивость стремлений и интересов, настойчивость, активность. Результаты гласят, что у студентов АмГУ и БГПУ уровень социальной адаптации средний; наибольший процент социальной

адаптации у холериков. При использовании коэффициента Спирмена была выявлена взаимосвязи типа темперамента и уровня социальной адаптации для первых курсов обоих вузов и для второго курса БГПУ. Отсутствие взаимосвязи у второго курса АмГУ исследователи связывают с тем, что первый курс для студентов является своеобразным адаптационным барьером.

Вклад темперамента в социокультурную адаптацию может быть также проанализировано в рамках психологии совладающего поведения. Влияние индивидуальных особенностей личности на выбор копинг-стратегий исследовалось среди 135 учащихся старших классов школ г. Костромы (2003), под руководством Костромского государственного университета [48].

Для диагностики совладающего поведения была использована Юношеская копинг-шкала (ACS – Adolescent Coping Scale) E. Frydenberg, R. Lewis (1993), адаптированная Крюковой Т.Л. (2002).

По результатам исследования, холерики в трудных ситуациях чаще сангвиников и флегматиков беспокоятся; чаще, чем другие типы, стараются снять напряжение («разрядка»); чаще сангвиников и флегматиков обращаются к социальной поддержке, больше мечтают и обвиняют себя; чаще сангвиников ищут духовную опору в религии и чаще, чем флегматики, не совладают с трудностями.

Меланхолики, по сравнению с флегматиками и сангвиниками чаще выбирают стратегии «беспокойство», несовладание и самообвинение; реже флегматиков обращаются к социальной поддержке вообще и к друзьям, в частности; чаще мечтают и обращаются к религиозному опыту; чаще стараются снять напряжение («разрядка»).

Таким образом, исследование приводит к выводу, что в совладании и холериков, и меланхоликов достаточно много общего: они чаще более эмоционально стабильных типов выбирают неконструктивный копинг, ориентируются на чувства, что снижает возможности рационального разрешения проблем, больше нуждаются в поддержке и помощи социального окружения.

Сангвиники и флегматики, в отличие от остальных типов, достаточно эффективно и рационально справляются с трудностями. Они реже беспокоятся, обвиняют себя, мечтают о чуде, не справляются с ситуацией, чаще фокусируются на

позитиве и стремятся больше работать, чтобы достижениями компенсировать временные неудачи и трудности. Однако сангвиники по сравнению с флегматиками чаще ищут поддержку друзей и стремятся расслабиться. Вероятно, большая интровертированность флегматика, некоторая пассивность в социальных контактах не вызывает необходимости разделять свои проблемы с близкими людьми. Наоборот, энергичность, жизнерадостность, некоторая беззаботностью, готовность к общению побуждает сангвиников активно искать поддержки и активно взаимодействовать с окружением и ситуацией. Кроме того, рейтинг выборов стратегий показывает, что на первом месте у флегматиков находится стратегия «решение проблемы» [48].

Критерии эффективности копинга связаны с психическим благополучием субъекта. Эффективный копинг характеризуется снижением тревожности человека, изменением психосоматической симптоматики и раздражительности, избавлением от депрессии. Как мы видим, эти состояния описывают также и состояние психологической адаптации человека в новой культуре. Соответственно, успешный копинг в ситуации новой культуры может быть соотнесен с успешной адаптацией [38]. Это может означать, что флегматики и сангвиники, которые используют эффективный копинг, будут адаптироваться к новой социокультурной среде с большим успехом, чем меланхолики и холерики.

Всё вышеизложенное говорит в пользу того, что особенности стилевой организации психики непосредственно влияют на процесс адаптации, в том числе и социокультурной. При этом, не следует выпускать из внимания тот факт, что существует масса других факторов, влияющих на успешность её протекания и результат. О выявлении и оценке вклада темперамента в культурную адаптацию на практике будет более подробно рассказано во второй главе работы.

1.5. Современное состояние проблемы аккультурации. Аспекты психологической помощи мигрантам в России и за рубежом.

В связи с увеличением процесса миграции в России и в мире проблема адаптации мигрантов не теряет своей актуальности.

Согласно французскому исследованию качества жизни среди 1559 подростков (из них 1451 коренных жителей Франции, 54 иммигранта из европейских стран и 54 иммигранта, прибывших во Францию из других стран мира), европейские иммигранты в большей степени подвержены риску ухудшения физического состояния и жилищных условий, чем местное население. У иммигрантов не из Европы добавляется риск ухудшения психологического здоровья и социальной активности. От 20% до 58% рисков объясняются социально-экономическими трудностями, часть из которых сочетается с нездоровым поведением и жестокостью [55].

Исследование среди 400 коренных и маргинальных жителей Йезда иранских и индийских учёных даёт немного иные результаты. Было выявлено, что маргинализация вносит меньший вклад в наличие физической и психологической дезадаптации, по сравнению с такими факторами, как образовательный и профессиональный статус индивида. Однако это ещё не отменяет проблемы социокультурной адаптации в обществе, потому что маргинализация вполне может predispose к отсутствию образования и безработице и, соответственно, к снижению физического, психического и социального благополучия [60].

Затруднения в адаптации за рубежом у россиян вызывает тот факт, что довольно большое количество родителей и детей (согласно исследованию русскоязычных иммигрантов в Дюссельдорфе) не пользуются многими ресурсами, предоставляемыми государством и обществом. Реже всего они прибегают к помощи полиции, юристов, поддержке диаспоры, церкви, общественных организаций соотечественников. Каждый четвертый не использует возможности свободного перемещения по Европе. Часть респондентов не удовлетворены практически всеми перечисленными ресурсами помощи. Больше всего недовольных размером заработной платы и пособия по безработице. Многие не удовлетворены языковыми курсами. Правда, в интервью некоторые недовольные признают, что проблемы не в курсах, а в их способности усваивать языковые навыки [49].

Тем не менее, к решению проблемы адаптации мигрантов активно подключаются как педагоги и социологи, так и психологи [12]. Предполагается, что одним из важнейших факторов квалифицированной психологической помощи,

особенно при решении освещаемой проблемы, является менталитет, традиции, культурально обусловленные ценности, особенности общения между людьми. Детрадиционализация жизни (образования, отношений в семье, между сверстниками, коллегами и пр.) приводит к утрате культурной аутентичности человека, его маргинализации и соответствующим негативным социальным и социокультурным последствиям, в том числе проявляющимся в психологической неуравновешенности, рецессии, экзистенциальных кризисах и пр. Отсюда следует, что одной из задач практического психолога является помощь человеку в преодолении этой аксиологической неопределенности, актуализация выбора социокультурных ориентиров развития, жизненного пути [4].

Работа психолога в социокультурном контексте предполагает, что психолог сотрудничает с человеком, принимая во внимание не только уникальность его индивидуальности и своеобразие личностных проблем, но и его культуральную специфику. Психологу также желательно избирать такие методы и формы работы, которые соответствуют его собственному социокультурному самоопределению, что поможет специалисту справиться с противоречиями профессионального самоопределения, когда его культуральная принадлежность и методы работы выступают как несоответствующие друг другу [4]. Остаётся актуальной проблема языковой компетентности консультанта и терапевта при индивидуальной работе, так как билингвалы и мультилингвалы имеют различия в языковых предпочтениях на терапевтических и консультационных сеансах [63, 64].

В настоящее время, как российскими, так и зарубежными специалистами разрабатываются программы, направленные на интеграцию иммигрантов в новую социокультурную среду. Следует отметить, что составители программ сопровождения иммигрантов ориентированы на подход Дж. Берри, заключающийся в приоритете стратегии интеграции при адаптации [10]. Такой же точки зрения придерживался Жан Пиаже, утверждая, что успешная адаптация и продуктивное развитие психики возможно при уравновешенности процессов ассимиляции (принятие ценностей среды) и аккомодации (преобразование норм и ценностей среды в соответствии с собственной системой ценностных ориентаций). Соответственно, в развитии системы ценностей также должны быть уравновешены

процесс усвоения новых культурных ценностей и их преобразование на основе традиционных ценностей этнической культуры в индивидуально-личностные ценности [26].

Программы помощи дезадаптированным семьям с детьми в Германии включают в себя огромный спектр сервисов – от организации обучения немецкому языку, тренингов социального поведения и творческих студий до длительной психотерапии, лечения от зависимостей, помощи в трудоустройстве и т. д. Основными принципами работы с такими семьями являются индивидуальный подход, грамотный кейс-менеджмент и уважение к собственному выбору семьи по отношению к предлагаемым мерам помощи [49].

Русскоязычным дошкольникам в Германии адресовано большое количество сервисов и программ, направленных на раннюю социально-культурную, психологическую и языковую интеграцию. Примером таких программ могут служить проекты Союза AVP «Мост» и школа «Альфа», программа «Parilio» для детских садов, целью которой является помощь в коррекции проблемного поведения и содействие в освоении основных социально-эмоциональных навыков у детей; проект «Скажи-ка» по поддержке языкового развития детей дошкольного возраста, в котором языковое обучение детей было включено в программу многих детских садов и другие [49].

Одним из наиболее удачных решений в сфере адаптации детей мигрантов славится Великобритания. С 1999 года в этой стране практикуется и развивается законодательно закреплённое инклюзивное образование, главная особенность которого – обеспечивать качественное образование для всех обучающихся в общеобразовательных школах. Под этим подразумеваются: идея равных возможностей, отсутствие дискриминации, обеспечение школой «гостеприимного сообщества» и условий сохранения и развития культурной самобытности каждого человека. То есть, здесь снова интеграция подчёркивается как наиболее предпочтительный способ адаптации. Сохранение культурной идентичности представителя каждой национальности, как считают британцы, способствует формированию этнически разнообразного сообщества, в которых люди более склонны общаться с людьми из разных слоев и, как следствие, продуцировать более

высокий уровень сплоченности. Следует добавить, что в образовательной политике Великобритании статус учащегося «мигрант» практически отсутствует и заменяется категорией EAL (English as an additional language – «английский язык в качестве дополнительного») или этнического меньшинства [14].

Что касается отечественных разработок, то можно привести следующие примеры. На протяжении нескольких лет государственное бюджетное образовательное учреждение г. Москвы Центр образования №1450 реализует модель интеграции детей зарубежных мигрантов в московскую образовательную среду и их культурно-языковую и социопсихологическую адаптацию в условиях московского мегаполиса. В центре образования работает Городская экспериментальная площадка по теме «Социально-культурная адаптация обучающихся из семей международных мигрантов», в соответствии с которой специалисты психологической службы на протяжении нескольких лет реализуют в своей работе «Модель психологического сопровождения адаптации детей из инокультурной среды в поликультурном образовательном пространстве» [8].

Данная модель отвечает задачам построения российского гражданского общества на основе принципов толерантности, диалога культур и уважения его многонационального, полилингвального, поликультурного и поликонфессионального состава. В общую структуру психологического сопровождения в общеобразовательных классах включены занятия, содействующие адаптации детей-мигрантов, проводятся тренинги толерантности и этнокультурной компетентности, направленные на улучшение межкультурного взаимодействия, формирования активной толерантности, снижение конфликтности в поликультурной среде смешанных классов [8].

В 2007 году российскими специалистами была сформулирована единая комплексная программа психолого-педагогического сопровождения социокультурной адаптации детей мигрантов в иноэтнической среде, которая прошла апробацию и в настоящее время реализуется в московских школах. Программа включает себя социокультурное, языковое, психолого-педагогическое направления. За два года у детей мигрантов повысился уровень владения русским языком, появился интерес к русской литературе, культуре, снизился уровень

тревожности, ребята адаптировались в классе. Реализация разработанных программ также показала, что благодаря им дети мигрантов эффективнее адаптируются в новой этнокультурной среде, и происходит это в более короткие сроки [12].

В Армавирском государственном педагогическом университете при подготовке бакалавров и магистров психологии и социальной педагогики реализуется научный социальный проект «Готовность участников образовательного процесса к взаимодействию с детьми и подростками из семей мигрантов» [9]. Перед педагогическим коллективом кафедры социальной и специальной педагогики и психологии АГПУ была поставлена задача подготовки выпускников социально и психологически готовых к сотрудничеству в современной многонациональной среде, по сохранению социально-культурной идентичности и стремящихся к пониманию и согласию представителей разных национальностей.

Специально разработанная психолого-педагогическая программа реализуется в АГПУ и помогает организовывать целенаправленную деятельность будущим педагогам и психологам с детьми и подростками из семей мигрантов, а также с другими детьми, имеющими определенные сложности в адаптации. Студенты и магистры разрабатывают, публикуют в сборниках социально-ориентированные проекты и участвуют в организованных педагогами и психологами кафедры консультациях, обучающих семинарах для взрослых, детей и подростков из семей мигрантов и вынужденных переселенцев.

Подводя итог, как мы можем заметить, сравнивая отечественные и зарубежные подходы по разработке программ адаптации мигрантов, все они базируются на утверждении, что интеграция является наиболее оптимальным способом адаптации к жизни в новом обществе. Разумеется, проблемы в сфере адаптации иммигрантов всё ещё остаются актуальными, что говорит о сохранении необходимости в разработке новых программ психологического сопровождения адаптации иммигрантов. Также существует потребность в более глубоком изучении аккультурации как феномена, её факторов и сопровождающих её явлений, а также индивидуально-личностных ресурсов, регулирующих процесс аккультурации личности. Изучению вышеперечисленных феноменов и характеристик посвящена данная выпускная квалификационная работа.

2. Характеристика выборки и методов исследования.

2.1. Характеристика дизайна и выборки исследования.

Исследование взаимосвязи стилевой организации с аккультурацией и психосоматическим благополучием проводилось в три этапа:

1) организационный этап, включивший в себя формирование пакета диагностических методик в соответствии с предметом исследования, поиск выборки испытуемых согласно сформированным критериям включения и исключения, организация оптимальной формы проведения исследования;

2) исследовательский этап – собственно исследование;

3) аналитический этап – интерпретация результатов с помощью методов математической статистики.

При проведении исследования использовались следующие методики:

1) опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) В. М. Русалова;

2) опросник «Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест Л. В. Янковского)», предназначенный для выявления социокультурного компонента адаптации личности в текущей стране пребывания;

3) симптоматический опросник SCL-90-R (L. R. Derogatis и соавт., адаптация Н. В. Тарабриной), использованный в качестве инструмента для скрининга мигрантов на предмет выраженности психопатологической симптоматики.

По мнению различных авторов (Стефаненко Т. Г. и др.), близость культур является одним из ведущих факторов качества аккультурации. В связи с этим, для проверки данного утверждения было принято решение сформировать выборки таким образом, чтобы культурная дистанция между социокультурными условиями родной страны и страны пребывания у двух исследуемых групп различалась.

Таким образом, первую группу испытуемых составили русскоязычные мигранты (Россия, Украина, Беларусь), проживающие в славянских странах Центрально-Восточной Европы (Польша, Чехия, Словакия, Болгария, страны

бывшей Югославии), так как страны выбытия и пребывания в данном случае имеют множество точек соприкосновения в виде общего культурно-исторического происхождения, языкового сходства и др. При этом, между этими странами присутствует достаточная культурная дистанция, чтобы процесс адаптации требовал более существенных усилий, чем при внутренней миграции или миграции между славянскими странами СНГ. То есть, мигранты из данной выборки проходят смягченный вариант процесса аккультурации.

Вторую группу испытуемых составили мигранты, прибывшие в Россию из стран дальнего зарубежья, не входящих в СНГ и не относящихся к группе Славянских государств, поэтому, по сравнению с первой группой, между данными странами выбытия и Россией существует бóльшая культурная дистанция. В соответствии с этим, если принимать во внимание мнение авторов о вкладе культурной дистанции в качество аккультурации, мигрантам данной категории необходимо прилагать больше усилий для успешной адаптации к новой среде.

Так как в данной исследовательской работе изучается значение для аккультурации и психосоматического благополучия в новой социокультурной среде особенностей стилевой организации психики, которая является стабильным психическим образованием, ожидается, что достоверные различия между характером взаимосвязей свойств темперамента, типов аккультурации и выраженности психопатологической симптоматики не будут выявлены.

Критерии включения в первую группу:

- 1) возраст старше 18 лет;
- 2) принадлежность к восточнославянской национальной группе (русские, украинцы и белорусы);
- 3) проживание в славянском государстве ЦВЕ (не включая страны СНГ) более 1 года;
- 4) добровольность иммиграции в Европу (допускается любой возможный способ иммиграции, за исключением получения статуса беженца).

Критерии включения во 2-ю группу:

- 1) возраст старше 18 лет;

2) эмиграция из страны дальнего зарубежья, не входящей в Содружество Независимых Государств, и не относящейся к группе Славянских Государств;

3) проживание на территории РФ более 1 года;

4) добровольность иммиграции в Россию (допускается любой возможный способ иммиграции, за исключением получения статуса беженца).

Таким образом, в исследовании приняли участие 47 человек (25 и 22 участника в 1 и 2 группах соответственно). По результатам контрольной шкалы теста ОФДСИ 2 испытуемых были исключены из обработки. Итоговый объём выборки составил 45 человек (23 и 22 человека) в возрасте от 18 до 36 лет (средний возраст – $25,4 \pm 5,2$ лет). Методом анкетирования, нам удалось получить следующие данные:

1-я группа:

- для участия в исследовании отобраны 11 мужчин и 12 женщин;

- возраст испытуемых – от 18 до 36 лет (средний возраст – $28,36 \pm 4,5$ лет);

- по национальному признаку, выборка составила 14 русских, 4 белоруса и 5 украинцев;

- 17 испытуемых проживают в Польше, 3 – в Чехии, 1 – в Словакии, 1 – в Словении и 1 – в Болгарии.

- срок проживания в странах ЦВЕ варьируется от 1 года до 11 лет;

- все испытуемые легально иммигрировали в страны ЦВЕ. Из 25 человек 12 выбрали в качестве способа иммиграции получение высшего образования, 2 – иммиграцию через брак с гражданином/гражданкой страны ЦВЕ, 5 – через временное трудоустройство, 3 – путём репатриации, 3 – через регистрацию фирмы (бизнес-иммиграция).

2-я группа:

- в исследовании приняли участие 11 мужчин и 11 женщин;

- возраст испытуемых – от 18 до 27 лет (средний возраст – $22 \pm 2,3$ лет);

- по национальному признаку, выборка включает в себя 7 граждан Монголии, 5 граждан Вьетнама, 3 граждан Индии, 2 граждан Египта, а также по одному представителю из Италии, Индонезии, Румынии, Гватемалы и Экваториальной Гвинеи. 13 человек проживает в Сибирском регионе, 9 – в Европейской части России.

- срок проживания в России варьируется от 2 до 7 лет;

- все испытуемые легально иммигрировали в Россию. 21 человек выбрал в качестве способа иммиграции получение высшего образования и 1 – путём временного трудоустройства.

2.2. Методы исследования.

Предполагается, что особенности стилевой организации психики играют важную роль в успешности адаптации индивида за рубежом. Цель исследования, соответственно, заключается в изучении влияния особенностей стилевой организации психики (темперамента) мигрантов на адаптацию к новой социокультурной среде (аккультурацию) и их психосоматическое благополучие.

Объект исследования: адаптация индивидуальности к новой социокультурной среде.

Предмет исследования: взаимосвязь формально-динамических свойств индивидуальности мигрантов, их психосоматического благополучия и качества социокультурной адаптации к новой среде.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь особенностей стилевой организации психики мигранта с качеством аккультурации и психическим и соматическим благополучием в новой среде.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи.

Теоретические задачи:

1.1) проанализировать теоретические представления о проблеме социокультурной адаптации и психосоматического благополучия индивида при жизни за рубежом и возможных вариантах её решения;

1.2) сделать обзор существующих исследований, обосновывающих наличие либо отсутствие вклада особенностей стилевой организации психики в социокультурную адаптацию за рубежом.

Эмпирические задачи:

2.1) организовать и провести исследование формально-динамических свойств, психосоматического благополучия и состояния адаптации к новой социокультурной среде у русскоязычных мигрантов в славянских странах Центрально-Восточной

Европы (ЦВЕ: Чехия, Словакия, Польша, Болгария и страны бывшей Югославии) и мигрантов, прибывших в Россию из других стран, не входящих в СНГ;

2.2) изучить наличие или отсутствие взаимосвязей между формально-динамическими свойствами индивидуальности, её психосоматическим благополучием и качеством адаптации к новой социокультурной среде.

Решение поставленных задач осуществлялось посредством следующих методов исследования:

1) обзор и анализ литературных источников по изучаемой проблеме. Данный метод позволяет получить углубленное представление об исследуемом феномене, проанализировать текущее состояние проблемы в России и за рубежом и попытки её решения, найти пробелы и неточности касательно описания, интерпретации и решения проблемы, которые необходимо устранить.

2) анкетирование. Специально разработанная анкета позволяет собрать общую информацию об испытуемом (ФИО, возраст, пол, национальность), а также такие специфические данные (образование, способ иммиграции, причины проживания, профессия, владение иностранными языками, регион проживания в текущей стране пребывания и на родине) которые могут дать информацию о других факторах адаптации личности к новой социокультурной среде (расстояние между местами проживания, род деятельности, затрудняющий или облегчающий адаптацию и др.).

3) тестирование. Является одним из наиболее распространённых диагностических и исследовательских методов, который позволяет собрать информацию об изучаемом признаке. Пакет диагностических методик будет более подробно рассмотрен и обоснован ниже.

4) статистический анализ. Так как предметом исследования является взаимосвязь одного признака с другим, рационально будет использовать метод корреляционного анализа для интерпретации полученных данных, предварительно выявив наличие или отсутствие статистически значимых различий между исследуемыми группами.

5) сравнительный анализ. Данный метод необходим для оценки достоверности различий между исследуемыми группами.

Формирование 1-й группы выборки испытуемых происходило с помощью социальных сетей. Собственно исследование проводилось дистанционно посредством онлайн-опроса. Характер исследования – индивидуальный. Преимуществом данного способа организации исследования является возможность получения разнородной выборки, внутри которой у испытуемых будут различия по полу, возрасту, роду деятельности, месту проживания и т.д. Формирование 2-й группы происходило частично при помощи упомянутого метода, а также путём сотрудничества с представителями отделов международного сотрудничества вузов г. Томска.

Для достижения цели исследования были предназначены к использованию следующие методики:

I. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) В. М. Русалова [37].

Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) В. М. Русалова используется для диагностики свойств «предметно-деятельностного» (психомоторная и интеллектуальная сферы) и «коммуникативного» аспектов темперамента. Тестовый вариант является менее точным, чем определение свойств нервной системы посредством измерения психомоторных показателей, однако является более оптимальным для дистанционной работы с выборкой.

В основе опросника лежит концепция биологической обусловленности формально-динамических свойств индивидуального поведения человека В. М. Русалова как частный вариант теории функционально-системной организации работы мозга П. К. Анохина (функционально-системный подход в психофизиологии).

В.М. Русалов выделяет четыре базальных свойства нервной системы:

Эргичность – выносливость человека, как в умственном, так и в физическом плане.

Пластичность – способность психики легко приспосабливаться к изменяющимся, новым условиям (в поведении, в познавательных процессах).
Противоположность – ригидность.

Скорость – темп реакций и поведения, в котором протекают психические процессы.

Эмоциональность – впечатлительность, импульсивность, чуткость к эмоциональным воздействиям и возможному несовпадению осуществляемого действия с запланированным образцом.

Метод ОФДСИ опирается на теоретическую модель, вытекающую из теории индивидуальности В.М. Русалова:

1. Только формально-динамические особенности психики могут быть соотнесены с биологическими особенностями человека.

2. В основе формально-динамических особенностей психики лежит не отдельная биологическая подсистема, а интегрированная совокупность всех биологических свойств человека, т.е. общая конституция.

3. Механизмом, объясняющим процесс включения биологических свойств разного уровня в формирование психодинамических свойств, является механизм системного обобщения.

4. Четвертое положение раскрывает связь между формально-динамическими образованиями психики и другими, более организованными структурами индивидуальности.

5. Пятое положение состоит в определении роли формально-динамических характеристик психики в деятельности человека.

Опросник содержит в себе 150 вопросов с вариантами ответов: 1 – не характерно, 2 – мало характерно, 3 – довольно характерно, 4 – характерно.

Перед обработкой необходимо убедиться, что ответы даны на все вопросы. Для подсчета баллов по той или иной шкале используются ключи. Вначале необходимо перекодировать некоторые ответы, указанные в ключе для данной шкалы. Подсчет баллов производится путем суммирования всех баллов по данной шкале. Необходимо помнить, что испытуемые, имеющие по контрольной шкале 18 баллов и больше, из дальнейшей обработки исключаются, как не способные, в силу чрезмерной социальной желательности адекватно оценивать свое поведение.

Шкалы:

Эргичность психомоторная (ЭРМ);

Эргичность интеллектуальная (ЭРИ);
Эргичность коммуникативная (ЭРК);
Пластичность психомоторная (ПМ);
Пластичность интеллектуальная (ПИ);
Пластичность коммуникативная (ПК);
Скорость психомоторная (СМ);
Скорость интеллектуальная (СИ);
Скорость коммуникативная (СК);
Эмоциональность психомоторная (ЭМ);
Эмоциональность интеллектуальная (ЭИ);
Эмоциональность коммуникативная (ЭК);
Контрольная шкала (КШ).

Для решения ряда научных и научно-практических задач необходимо учитывать не только значение того или иного отдельного формально-динамического свойства, но и индексы и типы темперамента, отражающие различную степень интеграции формально-динамических свойств индивидуальности. Исходя из содержания корреляционных и факторных связей между шкалами ОФДСИ, предложены следующие 6 наиболее важных индексов формально-динамических свойств человека. Индексы активности:

1. Индекс психомоторной активности (ИПА) равен сумме баллов активностных шкал в психомоторной сфере: $ИПА = ЭРМ + ПМ + СМ$. ИПА варьирует от 36 до 144. Среднее значение (норма) равно 90 ± 12 , т.е. от 78 до 102.

2. Индекс интеллектуальной активности (ИИА) равен сумме баллов активностных шкал в интеллектуальной сфере: $ИИА = ЭРИ + ПИ + СИ$. ИИА варьирует от 36 до 144. Среднее значение (норма) равно 90 ± 12 , т.е. от 78 до 102.

3. Индекс коммуникативной активности (ИКА) равен сумме баллов активностных шкал в коммуникативной сфере: $ИКА = ЭРК + ПК + СК$. ИКА варьирует от 36 до 144. Среднее значение (норма) равно 90 ± 12 , т.е. от 78 до 102.

4. Индекс общей активности (ИОА) равен сумме баллов всех активностных шкал во всех трех сферах: $ИОА = ИПА + ИИА + ИКА$. ИОА варьирует от 108 до 432. Среднее значение (норма) равно 270 ± 36 , т.е. от 234 до 306.

Индекс общей эмоциональности:

5. Индекс общей эмоциональности (ИОЭ) равен сумме всех эмоциональных шкал в трех сферах. $ИОЭ = ЭМ + ЭИ + ЭК$. Среднее значение (норма) равно 90 ± 12 , т.е. от 78 до 102.

Индекс общей адаптивности:

6. Индекс общей адаптивности (ИОАД) равен разнице баллов между индексом общей активности и индексом общей эмоциональности. $ИОАД = ИОА - ИОЭ$. Индекс варьирует в пределах от -36 до 432. Среднее значение (норма) равно 180 ± 48 . На основании вышеприведенных индексов, можно выделить довольно большое количество вариантов темперамента, в настоящее время можно говорить о возможных 9 наиболее типичных вариантах (типах) формально-динамических свойств.

Для вычисления дифференциального типа темпераментального типа в определенной сфере поведения необходимо на оси ординат отложить значение индекса активности в данной сфере, а на оси абсцисс значение соответствующей эмоциональной шкалы.

Тип 1. Если значения по обеим шкалам выше нормы, т.е. активность выше 102, а эмоциональность выше 34, данный испытуемый относится к категории «холерик» в соответствующей сфере.

Тип 2. Если значения по обеим шкалам меньше нормы, т.е. активность меньше 70, а эмоциональность - меньше 26, то данный испытуемый - «флегматик».

Тип 3. Если у данного испытуемого активность выше нормы (т.е. выше 102), а эмоциональность - ниже нормы (т.е. ниже 26), то этот испытуемый - «сангвиник».

Тип 4. Если активность меньше нормы (т.е. меньше 78), а эмоциональность больше нормы, т.е. (больше 34), то испытуемый - «меланхолик» в соответствующей сфере.

Тип 5. Если испытуемый имеет «нормальное» значение по шкале активности, а по шкале эмоциональности его значения ниже нормы (т.е. меньше 26), данный испытуемый принадлежит к «смешанному низкоэмоциональному» типу.

Тип 6. Если испытуемый имеет «нормальное» значение по шкале активности, а по шкале эмоциональности его значения выше нормы (т.е. больше 34), данный

испытуемый принадлежит к «смешанному высокоэмоциональному» типу. Тип 7. Если испытуемый по шкале активности имеет значение выше нормы (т.е. выше 102), а по шкале эмоциональности его значения находятся в пределах нормы, то данный испытуемый принадлежит к «смешанному высокоактивному» типу.

Тип 8. Если испытуемый по шкале активности имеет значение ниже нормы, а по шкале эмоциональности его значения находятся в пределах нормы, то данный испытуемый принадлежит к «смешанному низкоактивному» типу.

Тип 9. Если значения и активности и эмоциональности находятся в пределах нормы, то испытуемый принадлежит к «неопределенному» типу.

Вычисления общего типа проводятся аналогично вычислению дифференциального типа. Для этого на оси ординат отложить значения ИОА (индекса общей активности), а на оси абсцисс значение индекса ИОЭ (индекса общей эмоциональности). Названия типов те же, что и в случае дифференциальных типов.

Если оба значения выше нормы – «холерик», если оба значения меньше нормы – «флегматик». Если по шкале общей активности значение выше нормы, а по шкале общей эмоциональности ниже нормы – «сангвиник». Если общая активность ниже нормы, а общая эмоциональность выше нормы – «меланхолик». Если оба значения в пределах нормы – «неопределенный» тип.

Если по активности значение в пределах нормы, а по общей эмоциональности выше нормы, то – «смешанный высокоэмоциональный» тип. Если по активности значение в пределах нормы, а по общей эмоциональности ниже нормы, то – «смешанный низкоэмоциональный» тип. Если по шкале общей активности значение выше нормы, а по общей эмоциональности в пределах нормы, то – «смешанный высокоактивный» тип. Если по шкале общей активности значение ниже нормы, а по общей эмоциональности в пределах нормы, то – «смешанный низкоактивный» тип.

II. Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест Л. В. Янковского) [1].

Данный опросник позволяет выявить уровень и тип адаптации эмигрантов к новой социокультурной среде. Опросник ориентирован на определение социальной и культурной сторон адаптации. В варианте, предназначенном для русских

эмигрантов, отражена специфика их прошлого опыта, приобретенного в условиях русской культуры. Поскольку, в первой группе исследование проводилось также среди украинских и белорусских иммигрантов в странах ЦВЕ, этот опросник был адаптирован нами под более широкую аудиторию испытуемых. В частности, слова «Россия», «русский» были заменены на более общие и нейтральные эквиваленты «родина», «родной», а вопросы, требующие добавления названия страны иммиграции, были видоизменены как «страна, в которой я живу» и пр. Адаптированный для иммигрантов в России вариант также включил в себя изменения в вопросах, касающихся родной страны («родина», «родной», «где я жил раньше» и т.п.) и страны пребывания («русская культура», «природа России» и т.п.). Ведущим недостатком методики является её исходная направленность на носителей русской культуры, что существенно уменьшает её пригодность в использовании для тестирования иностранных граждан как носителей специфического опыта, характерного исключительно для их культуры. Однако, ввиду того, что существование отдельного аналогичного диагностического инструмента для каждой страны и культуры стоит под сомнением, а, учитывая высокую национальную и культурную вариативность внутри группы участников и задачу сравнения данной группы с группой русскоязычных испытуемых, необходимо использовать единый универсальный инструмент для всех испытуемых с целью более удобной обработки результатов.

Тест содержит 96 вопросов, на который испытуемые должны отвечать «да», «нет» и «это утверждение ко мне не относится». Полученные ответы сопоставляются с ключом. При совпадении ответа с ключом начисляется 1 балл, при не совпадении – 0 баллов. Ответ «это ко мне не относится» не учитывается. Далее определяется преобладающий тип адаптации из шести возможных вариантов: адаптивный, конформный, интерактивный, депрессивный, ностальгический и отчужденный.

Высокие оценки по адаптивному типу свидетельствуют о личной удовлетворенности; положительном отношении к окружающим и принятии их; чувстве социальной и физической защищенности; чувстве принадлежности к данному обществу и сопричастности с ним. Для эмигрантов характерны: стремление

к самореализации; высокий уровень активности; уверенность в отношениях с другими; планирование своего будущего, основанное на собственных возможностях и прошлом опыте.

Высокие оценки по шкале конформности означают: стремление при любых условиях поддерживать отношения с людьми; ориентацию на социальное одобрение; зависимость от группы; потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми; принятие системы ценностей и норм поведения данной среды. Поведение эмигрантов формируется под воздействием ожиданий группы в зависимости от степени заинтересованности в достижениях своих целей и от предполагаемого вознаграждения.

Высокие оценки по интерактивному типу соответствуют: принятию данной среды; активному вхождению в эту среду; настроенности на расширение социальных связей; чувству уверенности в своих возможностях; критичности к собственному поведению; готовности к самопреобразованию; желанию реализовать себя путем достижения материальной независимости; направленности на сотрудничество с другими; контроль над собственным поведением с учетом социальных норм, ролей и социальных установок данного общества; направленности на определенную цель и подчинению себя этой цели. Высокие оценки по шкале депрессивности говорят о дисгармонии личности. Весь мир для такого эмигранта окрашивается в мрачные тона и воспринимается как лишенный смысла и ценностей. Это сопровождается: невозможностью реализовать свой уровень ожиданий, связанный с социальной и профессиональной позицией; пониженной самооценкой; беспомощностью перед жизненными трудностями, сочетающейся с чувством бесперспективности; чувством вины за прошлые события; сомнением, тревогой относительно социальной идентичности; нереализацией собственных способностей, связанной с неприятием себя и других; чувствами подавленности, опустошенности, изолированности.

Высокие оценки по шкале ностальгии означают: потерю связи с культурой, сопричастности с ней; внутреннее расстройство и смятение, проистекающее из-за чувства разъединенности с традиционными ценностями и нормативами и невозможности обрести новые; бесприютность, ощущение того, что человек «не на

своем месте». Эмоциональное состояние таких эмигрантов характеризуется мечтательностью, тоской, меланхолией, опустошенностью.

Высокие оценки по отчуждённому типу соответствуют: утверждению норм, установок и ценностей данного общества; неприятию нового социума; низкой самооценке; несогласованию притязаний и реальных возможностей; озабоченности своей идентичностью и своим статусом; влиянию внешнего контроля на общее неприятие себя и других; убежденности, что собственные усилия могут лишь в незначительной степени повлиять на ситуацию. Для таких эмигрантов характерны беспокойство по поводу неспособности удовлетворить свои потребности, паника, беспомощность, ощущение покинутости, нетерпеливость.

Информация, полученная при тестировании, оказывается полезной в процессе психологической консультации и психокоррекции личности эмигранта. Используя ее, можно более эффективно помочь ему адаптироваться в новой социокультурной среде, реализовать свой личностный потенциал для преодоления трудностей, связанных с изменением стереотипов поведения, преобразовать деятельность, самого себя и систему отношений к окружающим людям.

III. Симптоматический опросник SCL-90-R [44].

Данный опросник был выбран в качестве оптимального инструмента для скрининга мигрантов на предмет выраженности психопатологической симптоматики. Тем самым, он позволяет нам определить адаптивность или дезадаптивность личности иммигранта в биологическом и психологическом аспекте. Поскольку, как уже было выяснено в первой главе, затруднения в социокультурной адаптации, стресс аккультурации могут выражаться в различных психопатологических реакциях (психосоматических, аффективных, поведенческих и др.), то, как многошкальный диагностический инструмент, SCL-90-R позволяет выявить наличие этих проявлений и их степень их выраженности.

Методика SCL-90-R создана Derogatis на основе симптоматического опросника Хопкинса (HSCL) — методики, ведущей свою историю от Cornell Medical Index, которая, в свою очередь, опиралась на «Шкалу дискомфорта» разработанную Parloff с соавторами. Взяв за основу пункты HSCL для пяти симптоматических категорий, определенных ранее, авторы опустили некоторое количество старых вопросов и

добавили 45 новых, составивших 4 категории. Все это в целом и образовало методику SCL-90-R, которая исторически связана с HSCL, но отлична от нее.

Шкала SCL содержит 90 пунктов, и ее назначение состоит в том, чтобы оценивать паттерны психологических признаков у психиатрических пациентов и здоровых лиц. Каждый из 90 вопросов оценивается по пятибалльной шкале (от 0 до 4), где 0 соответствует позиция «совсем нет», а 4 – «очень сильно». Ответы на 90 пунктов подсчитываются и интерпретируются по 9 основным шкалам симптоматических расстройств: соматизации (SOM), обсессивности-компульсивности (O-C), межличностной сензитивности (INT), депрессии (DEP), тревожности (ANX), враждебности (HOS), фобической тревожности (PHOB), паранойяльных тенденций (PAR), психотизма (PSY) и по 3 обобщенным шкалам второго порядка: общий индекс тяжести симптомов (GST), индекс наличного симптоматического дистресса (PTSD), общее число утвердительных ответов (PST). Индексы второго порядка предложены для того, чтобы иметь возможность более гибко оценивать психопатологический статус пациента [37].

При реализации аналитического этапа исследования для осуществления цели работы проверялось наличие статистически значимых различий между группами, применялся метод корреляционного анализа и определялась взаимосвязь между показателями темперамента и аккультурации (сопоставление результатов ОФДСИ и теста Янковского), а также между показателями темперамента и психосоматического благополучия (ОФДСИ и SCL-90-R). Корреляционный анализ проведён с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Статистическая обработка проводилась с помощью программного обеспечения iWork Numbers v.4.3.1 и IBM SPSS Statistics v.23.0.0.

3.

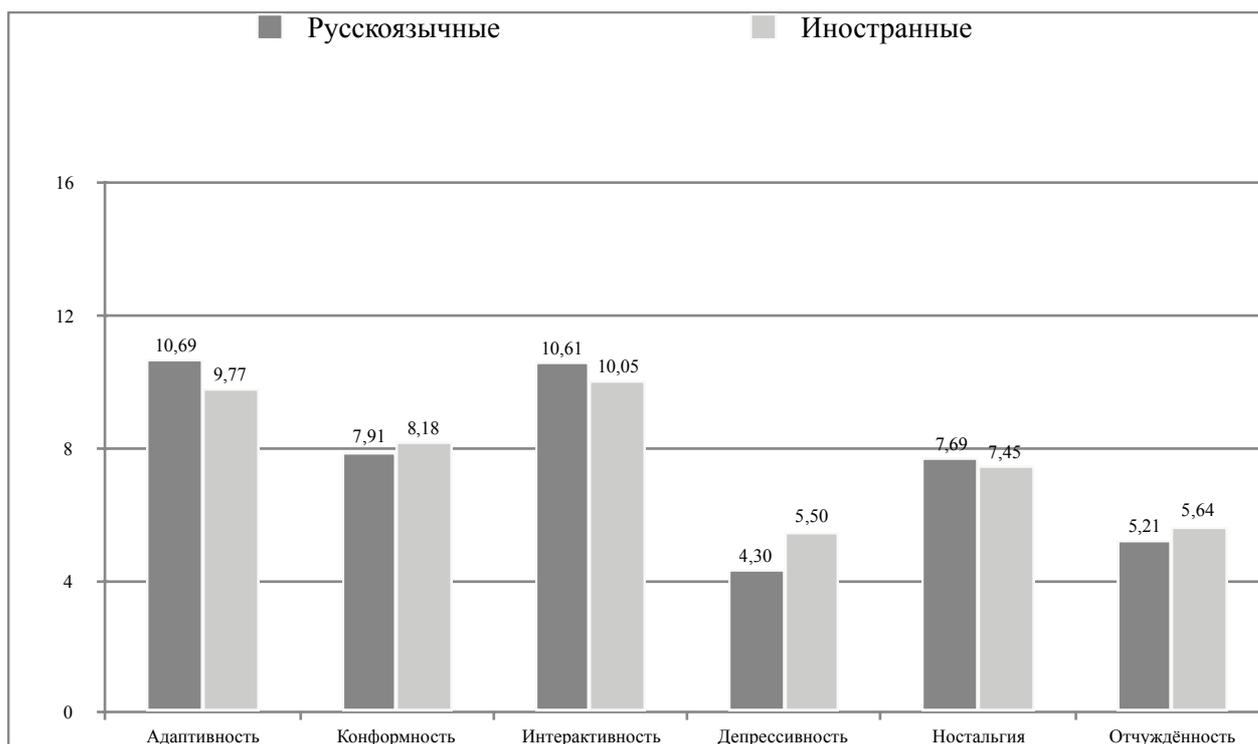
Результаты исследования и их обсуждение.

3.1. Анализ результатов опросника «Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест Л. В. Янковского)».

В данном параграфе изложены результаты сравнительного анализа показателей аккультурации между группой русскоязычных и иностранных испытуемых. Была проведена количественная и качественная оценка показателей аккультурации.

Средние значения типов адаптации к новой социокультурной среде (шкал теста Л. В. Янковского) в обеих выборках представлены на Рисунке 1.

Рисунок 1 – Показатели адаптации русскоязычных и иностранных мигрантов (по Л. В. Янковскому).

По результатам исследования аккультурации у русскоязычной выборки испытуемых, при оценке количественных показателей, в качестве наиболее распространённых типов адаптации выявляются адаптивный и интерактивный типы (10,61 и 10,69 баллов из 16; средний уровень). Наименее распространёнными

типами являются депрессивный и отчуждённый (4,3 и 5,21 баллов из 16; низкий уровень) (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Статистические показатели шкал адаптации (русскоязычные испытуемые).

Шкалы теста Л. В. Янковского	Показатели		
	Среднее	Дисперсия	Стандартное отклонение
Адаптивность	10,69	7,58	2,75
Конформность	7,91	4,26	2,06
Интерактивность	10,61	3,70	1,92
Депрессивность	4,30	5,04	2,24
Ностальгия	7,69	6,40	2,53
Отчуждённость	5,21	3,36	1,83

Согласно качественным данным результатов теста Л. В. Янковского, представленным в Таблице 2, в русскоязычной выборке испытуемых не выявлено мигрантов с высокой выраженностью типов адаптации, которые условно классифицируются автором как дезадаптивные (депрессивность, ностальгия, отчуждённость). По депрессивному и отчуждённому типам адаптации в выборке преобладают низкие показатели: 17 испытуемых из 23 получили низкий балл по шкале депрессивности (около 74%), по шкале отчуждённости – 13 испытуемых (56,52%). По ностальгическому типу преобладают средние показатели (19 испытуемых из 23, около 83%).

Что касается положительных типов адаптации на русскоязычной выборке, то высокие показатели по шкале адаптивности наблюдаются у 7 испытуемых (30%), по шкале конформности – у 1 испытуемого (4,35%), по шкале интерактивности – у 5 испытуемых (22%). Низкие показатели по шкале адаптивности отмечаются у 2 испытуемых (8,7%), по шкале конформности – у 3 (13%). По данным шкалам преобладают средние оценки: шкала адаптивности – 14 испытуемых из 23 (60%), шкала конформности – 19 испытуемых (82%), шкала интерактивности – 18 испытуемых (78%).

Таблица 2 – Распределение вариантов адаптации в группе русскоязычных испытуемых.

	Низкий		Средний		Высокий	
	N	%	N	%	N	%
Адаптивность	2	8,70	14	60,87	7	30,43
Конформность	3	13,04	19	82,61	1	4,35
Интерактивность	0	0	18	78,26	5	21,74
Депрессивность	17	73,91	6	26,09	0	0
Ностальгия	4	17,39	19	82,61	0	0
Отчуждённость	13	56,52	10	43,48	0	0

Согласно полученным результатам, картина аккультурации русскоязычных мигрантов в славянских странах ЦВЕ выглядит относительно позитивно, поскольку ни у одного испытуемого оценки по шкалам депрессивности, ностальгии и отчуждённости не наблюдаются на высоком уровне, а оценки по шкалам адаптивности, конформности и интерактивности в большей степени сосредоточены на среднем уровне. При этом в данной группе испытуемых низко выражены черты депрессивности и отчуждённости, но показатели ностальгии имеют среднюю выраженность.

По результатам исследования аккультурации у иностранной группы испытуемых, при оценке количественных показателей, в качестве наиболее распространённых типов адаптации выявляются интерактивный и адаптивный типы (10,045 и 9,77 баллов из 16; средний уровень). Наименее распространёнными типами являются депрессивный и отчуждённый (5,5 и 5,64 баллов из 16; низкий уровень) (см. Таблицу 3).

Таблица 3 – Статистические показатели шкал адаптации (иностранные испытуемые).

Шкалы теста Л. В. Янковского	Показатели		
	Среднее	Дисперсия	Стандартное отклонение
Адаптивность	9,77	9,04	3,01
Конформность	8,18	4,16	2,04
Интерактивность	10,05	6,14	2,48
Депрессивность	5,5	5,5	2,34
Ностальгия	7,45	3,59	1,89
Отчуждённость	5,64	4,34	2,08

По результатам качественной оценки аккультурации иностранных мигрантов в России (см. Таблицу 4), среди них также не выявляются испытуемые с высокой

выраженностью дезадаптивных типов аккультурации: в выборке отмечаются только низкие и средние оценки по шкалам депрессивности, ностальгии и отчуждённости. По шкале депрессивности преобладают низкие оценки (12 испытуемых из 22, 54,55%), по шкалам ностальгии (20 испытуемых, 91%) и отчуждённости (13 испытуемых, 59%) – средние оценки.

Высокие показатели наблюдаются по шкале адаптивности у 6 испытуемых из 22 (27%), по шкале интерактивности – у 3 испытуемых (около 14%). Низкие показатели отмечаются по шкалам конформности (1 испытуемый, 4,55%) и адаптивности (1 испытуемый, 4,55%). По всем трём шкалам, характеризующим положительные типы адаптации, наблюдаются средние показатели: по шкале адаптивности – у 16 испытуемых из 22 (73%), по шкале конформности – у 21 испытуемого (95,45%), по шкале интерактивности – у 18 испытуемых (82%).

Таблица 4 – Распределение вариантов адаптации в группе иностранных испытуемых.

	Низкий		Средний		Высокий	
	N	%	N	%	N	%
Адаптивность	0	0	16	72,73	6	27,27
Конформность	1	4,55	21	95,45	0	0
Интерактивность	1	4,55	18	81,81	3	13,64
Депрессивность	12	54,55	10	45,45	0	0
Ностальгия	2	9,09	20	90,91	0	0
Отчуждённость	9	40,91	13	59,09	0	0

Таким образом, картина аккультурации иностранных граждан имеет сходства с результатами, полученными на русскоязычной выборке, в плане отсутствия высокой выраженности депрессивного, ностальгического и отчуждённого типов адаптации, сосредоточенности оценок шкал адаптивности, конформности, интерактивности и ностальгии на средних значениях. В выборке иностранных испытуемых отчуждённый тип адаптации имеет преимущественно среднюю выраженность, в отличие от русскоязычной, где по данному типу преобладают низкие оценки. Также в этой группе отсутствуют высокие оценки по шкале конформности.

Для получения более точного представления о различиях по показателям аккультурации между русскоязычной и иностранной группами был проведён сравнительный анализ количественных данных, полученных при обработке результатов тестирования аккультурации. Оценка достоверности различий между

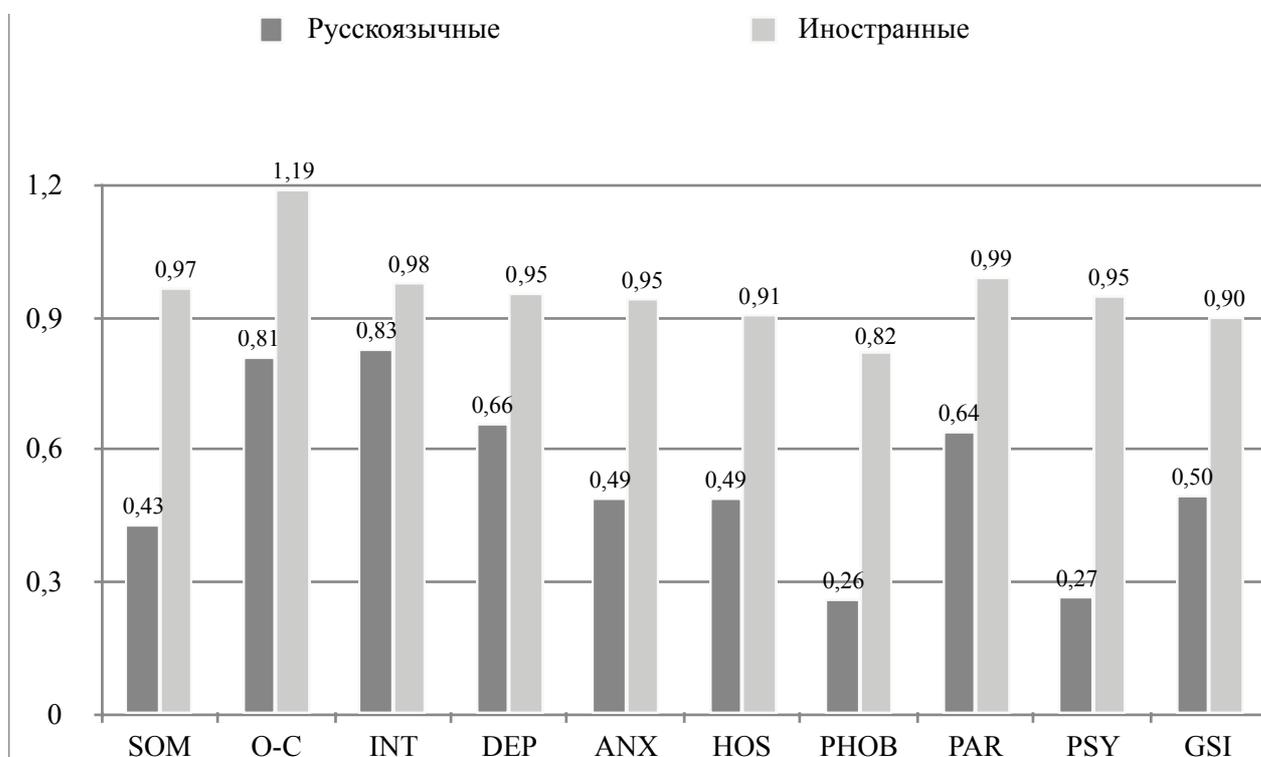
русскоязычной и иностранной группами по шкалам типов адаптации при помощи критерия Манна-Уитни показала, что различия между исследуемыми группами являются случайными ($p < 0,05$) (см. Приложение 1).

Полученные данные говорят о том, что тип и качество аккультурации значимо не различаются у русскоязычных мигрантов в странах ЦВЕ и иностранных мигрантов в России. Данный вывод может являться свидетельством того, что вклад культурных различий в аккультурационный процесс не является значительным, поскольку русскоязычные мигранты в стране с родственной им культурой и иностранные граждане в стране с отличной от их стран культурой адаптируются со схожими показателями успешности.

3.2. Анализ результатов симптоматического опросника SCL-90-R.

Среднегрупповые показатели шкал симптоматического опросника SCL-90-R представлены на Рисунке 2.

Рисунок 2 – Показатели симптоматических шкал SCL-90-R (русскоязычные и иностранные испытуемые).

Как утверждается в интерпретации Тарабриной к компьютерной версии опросника, если значение шкалы не превышает 1,4 балла, то выраженность

клинических проявлений трактуется как низкая, при значении шкалы ниже 0,5 – очень низкая. Как следует из диаграммы, в обеих группах ни один показатель не превышает отметку в 1,4 балла, что свидетельствует о низкой выраженности психопатологических проявлений. Это также подтверждается низким значением общего индекса тяжести симптомов GSI (0,5 в русскоязычной выборке и 0,9 – в выборке иностранных испытуемых). Однако в выборке иностранных испытуемых средние шкальные баллы по всем показателям превышают таковые в русскоязычной выборке. Прежде чем установить, являются ли эти различия статистически значимыми, рассмотрим полученные результаты более подробно.

Согласно данным, представленным на Рисунке 2 и Таблице 5, наиболее распространёнными в русскоязычной выборке, но не выходящими за пределы низких значений, являются проявления межличностной сенситивности (0,83) и навязчивостей (0,81). Наименьшую распространённость имеют симптомы фобической тревожности и психотические проявления (0,26 и 0,27, очень низкие значения – <0,4).

Таблица 5 – Статистические показатели шкал SCL-90-R (русскоязычные испытуемые).

Симптоматические шкалы	Показатели		
	Среднее	Дисперсия	Стандартное отклонение
Соматизация	0,43	0,13	0,36
Навязчивости	0,81	0,31	0,56
Межличностная сенситивность	0,83	0,53	0,73
Депрессия	0,66	0,32	0,56
Тревожность	0,49	0,17	0,41
Враждебность	0,49	0,38	0,61
Фобическая тревожность	0,26	0,10	0,31
Паранойяльность	0,64	0,27	0,52
Психотизм	0,27	0,11	0,34
Общий индекс тяжести симптомов	0,50	0,14	0,37

Согласно качественным данным, полученным на русскоязычной выборке (см. Таблицу 6), общая тяжесть симптомов находится на среднем уровне у 1 испытуемого из 23 (4,35%), у остальных – на низком (10; 43,48%) и очень низком (12; 52,17%) уровнях. У 1 испытуемого (4,35%) наблюдается повышенная выраженность

проявлений межличностной сенситивности, что является единственным случаем выраженности симптома на повышенном уровне. В остальных же шкалах не было обнаружено случаев превышения предела средних значений. Средняя выраженность психопатологических проявлений достигнута по шкале межличностной сенситивности – у 3 испытуемых из 23 (13,04%), по шкалам навязчивостей, депрессии, враждебности и паранойяльности – у 2 испытуемых (8,7%), по шкале тревожности – у 1 испытуемого (4,35%). Наименьшую выраженность имеют фобические (очень низкий уровень у 19 испытуемых, 82,61%) и психотические (очень низкий уровень у 18 испытуемых, 78,26%) проявления.

Таблица 6 – Процентное соотношение показателей симптоматического опросника (русскоязычные испытуемые).

	Очень низкий (0 – 0,4)		Низкий (0,5 – 1,4)		Средний (1,5 – 2,4)		Повышенный (2,5 – 3,4)		Высокий (3,5 – 4,0)	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
SOM	12	52,17	11	47,83	0	0,00	0	0,00	0	0,00
O-C	8	34,78	13	56,52	2	8,70	0	0,00	0	0,00
INT	9	39,13	10	43,48	3	13,04	1	4,35	0	0,00
DEP	9	39,13	12	52,17	2	8,70	0	0,00	0	0,00
ANX	12	52,17	10	43,48	1	4,35	0	0,00	0	0,00
HOS	14	60,87	7	30,43	2	8,70	0	0,00	0	0,00
PHOB	19	82,61	4	17,39	0	0,00	0	0,00	0	0,00
PAR	9	39,13	12	52,17	2	8,70	0	0,00	0	0,00
PSY	18	78,26	5	21,74	0	0,00	0	0,00	0	0,00
GSI	12	52,17	10	43,48	1	4,35	0	0,00	0	0,00

Анализируя общую картину психического и соматического благополучия русскоязычных мигрантов в странах ЦВЕ, можно отметить, что психопатологических проявлений, выходящих за рамки нормы, в выборке не наблюдается, за исключением одного повышенного результата по шкале межличностной сенситивности, которая также лидирует по количеству испытуемых, набравших по этой шкале средние баллы. Сенситивность проявляется в застенчивости, неловкости или скованности в общении, переживаниях ощущения недопонимания и недружелюбия со стороны окружающих. Данные проявления, на наш взгляд, в рамках нормы естественны при процессе аккультурации, так как она предполагает ослабление прежних социальных связей и потребность в построении новых.

Согласно данным, представленным на Рисунке 2 и Таблице 7, наиболее распространёнными в выборке иностранных испытуемых, но не выходящими за пределы низких значений, являются проявления навязчивостей (1,19). Наименьшую распространённость имеют симптомы фобической тревожности (0,82, низкие значения – <0,4).

Таблица 7 – Статистические показатели шкал SCL-90-R (иностранные испытуемые).

Симптоматические шкалы	Показатели		
	Среднее	Дисперсия	Стандартное отклонение
Соматизация	0,97	1,14	1,07
Навязчивости	1,19	0,81	0,90
Межличностная чувствительность	0,98	0,55	0,74
Депрессия	0,954	0,80	0,89
Тревожность	0,945	0,81	0,90
Враждебность	0,91	0,63	0,79
Фобическая тревожность	0,82	0,77	0,88
Паранойяльность	0,99	0,55	0,74
Психотизм	0,95	0,79	0,89
Общий индекс тяжести симптомов	0,90	0,55	0,74

При сравнении показателей двух групп следует отметить, что в выборке иностранных испытуемых наблюдается больший разброс значений, чем в русскоязычной выборке; особенно в шкале соматизации, где значение превышает единицу. Чтобы проверить, являются ли эти различия статистически значимыми, необходимо применить критерий равенства дисперсий Ливиня. Данный критерий показал отсутствие значимых различий в дисперсиях между исследуемыми группами только по шкале межличностной чувствительности ($F=0,244$ при $p>0,05$). Дисперсии же по остальным шкалам SCL-90-R не являются равными, что подтверждает факт большего разброса значений в выборке иностранных испытуемых (см. Приложение 2).

Согласно качественным данным, полученным на выборке иностранных испытуемых (см. Таблицу 8), общая тяжесть симптомов находится на среднем уровне у 3 испытуемых из 22 (13,64%), на низком – у 10 испытуемых (45,45%), на очень низком – у 9 испытуемых (40,91%). Полученные качественные данные

наглядно иллюстрируют выявленный на выборке ранее высокий разброс значений. У 2 испытуемых (9,09%) отмечаются высокие показатели по шкале соматизации. На повышенном уровне наблюдаются проявления навязчивостей и депрессии – у 3 испытуемых (13,64%); тревожности и психотизма – у 2 испытуемых (9,09%); соматизации, межличностной сенситивности, враждебности и фонической тревожности – у 1 испытуемого (4,55%). Показатели по остальным шкалам не превышают средних значений.

По утверждению авторов опросника, высокая выраженность симптомов соматизации может свидетельствовать не только о наличии психосоматических расстройств, но и реальных соматических заболеваний. После проверки информации о соматическом статусе и дополнительной диагностике, наличие соматической патологии подтвердилось у 1 испытуемого из 2. Показатели повышенного уровня по другим шкалам в таком случае могут служить проявлением соматопсихики.

Таблица 8 – Процентное соотношение показателей симптоматического опросника (иностранные испытуемые).

	Очень низкий (0 – 0,4)		Низкий (0,5 – 1,4)		Средний (1,5 – 2,4)		Повышенный (2,5 – 3,4)		Высокий (3,5 – 4,0)	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
SOM	11	50,00	5	22,73	3	13,64	1	4,55	2	9,09
O-C	6	27,27	8	36,36	5	22,73	3	13,64	0	0,00
INT	7	31,82	10	45,45	4	18,18	1	4,55	0	0,00
DEP	9	40,91	7	31,82	3	13,64	3	13,64	0	0,00
ANX	8	36,36	7	31,82	5	22,73	2	9,09	0	0,00
HOS	9	40,91	5	22,73	7	31,82	1	4,55	0	0,00
PHOB	11	50,00	6	27,27	4	18,18	1	4,55	0	0,00
PAR	7	31,82	7	31,82	8	36,36	0	0,00	0	0,00
PSY	10	45,45	4	18,18	6	27,27	2	9,09	0	0,00
GSI	9	40,91	10	45,45	3	13,64	0	0,00	0	0,00

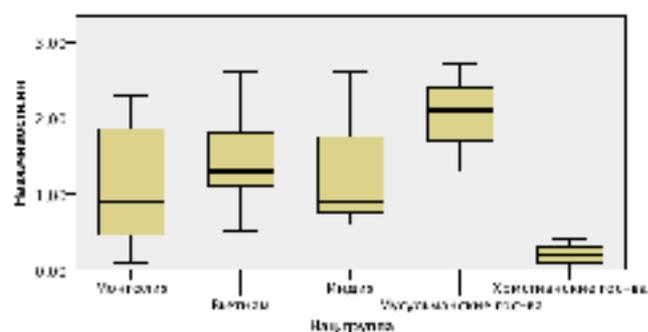
Высокий разброс значений в выборке иностранных испытуемых может объясняться различными факторами. Одним из возможных факторов является бóльшая выраженность культурных различий между родной и принимающей страной. Некоторые участники исследования вследствие различий могут острее переживать стресс аккультурации, но при этом на вопросы теста Янковского давать такие ответы, которые при обработке не позволяют диагностировать отрицательные типы

адаптации. Возможно, данный фактор также имеет выражение в культурной специфике восприятия собственного тела и психического здоровья.

Для проверки данного утверждения проведём группирование выборки по национальному признаку и оценим различия между ними с помощью Н-критерия Краскала-Уоллиса. В связи с тем, что в выборке присутствуют участники, являющиеся единственными представителями той или иной страны, было решено разделить участников на группы следующим образом: 1 группа – Монголия (7 участников), 2 группа – Вьетнам (5 участников), 3 группа – Индия (3 участника), 4 группа – мусульманские государства (3 участника: Египет – 2 и Индонезия – 1), 5 группа – христианские государства (4 участника из Румынии, Италии, Гватемалы и Экваториальной Гвинеи).

Рисунок 3 – Статистика Н-критерия Краскала-Уоллиса по шкалам навязчивостей и паранойяльности.

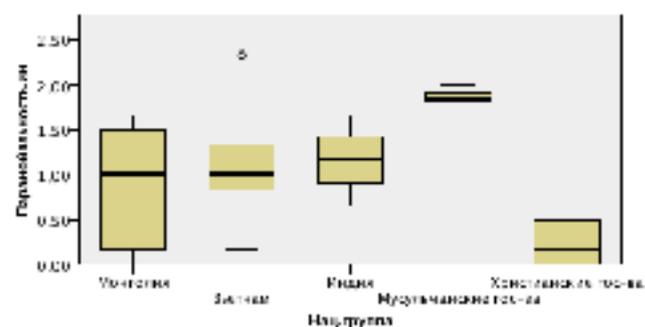
Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок

Всего	22
Статистика критерия	9,971
Степени свободы	4
Асимптотич. знч. (2-сторонний критерий)	,041

1. Статистика критерия скорректирована на наличие связей.

Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок

Всего	22
Статистика критерия	9,900
Степени свободы	4
Асимптотич. знч. (2-сторонний критерий)	,042

1. Статистика критерия скорректирована на наличие связей.

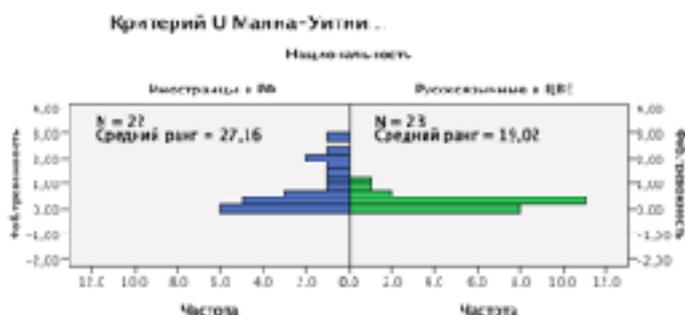
По результатам оценки с помощью Н-критерия Краскала-Уоллиса были выявлены различия между группами по шкалам навязчивостей и паранойяльности ($p < 0,05$) (см. Рисунок 3 и Приложение 3). Оценки по данным шкалам имеют более высокие ранги у мигрантов из мусульманских государств (17,67 и 20), более низкие – у испытуемых из христианских государств (3,38 и 4,88). По другим шкалам

значимых различий между группами выявлено не было. Это означает, что культурные различия вносят частичный вклад в психологическое благополучие мигранта в процессе аккультурации.

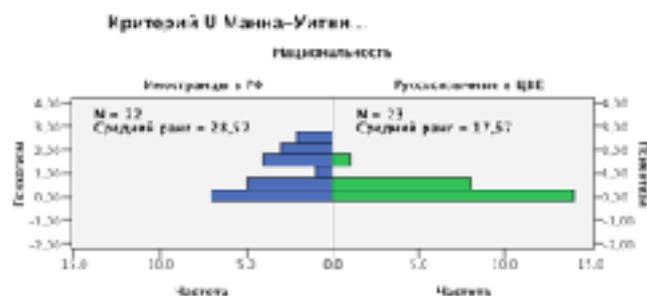
Другим фактором, объясняющим высокий разброс значений в группе иностранных испытуемых, является то, что в данной группе возможно большее количество участников, склонных к аггравации, чем в русскоязычной выборке. Как утверждает авторами опросника SCL-90-R, методика не включает себя шкалы лжи и не направлена на коррекцию установочных ответов испытуемого, однако высокие оценки по шкале психотизма за счёт входящих в неё необычных симптомов могут свидетельствовать об искренности и наличия склонности к аггравации, либо небрежном выполнении тестирования. Чтобы в этом убедиться, необходимо провести сравнительный анализ между исследуемыми группами испытуемых.

Поскольку проверка равенства дисперсий показала наличие статистически значимых различий между выборками по большинству шкал, сравнение полученных результатов проводилось с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни. По результатам сравнительного анализа выявились различия между группами по шкалам фобической тревожности ($U_H=161,5$ в зоне неопределённости: $U_{кр}=180$ при уровне значимости $p<0,05$ и $U_{кр}=150$ при уровне значимости $p<0,01$) и психотизма ($U_H=130,5$; $p<0,01$) (см. Рисунок 4 и Приложение 4).

Рисунок 4 – Статистика U-критерия Манна-Уитни по шкалам фобической тревожности и психотизма.

Всего	45
U Манна-Уитни	344,500
W Уилкоксона	597,500
Статистика критерия	544,500
Стандартная ошибка	13,228
Стандартизованная статистика критерия	2,117
Асимптотич. знач. (2-сторонний критерий)	,034

Всего	45
U Манна-Уитни	175,500
W Уилкоксона	628,500
Статистика критерия	175,500
Стандартная ошибка	43,625
Стандартизованная статистика критерия	2,608
Асимптотич. знач. (2-сторонний критерий)	,006

Как можно отметить, различия по шкале психотизма между группами присутствуют на достаточном уровне значимости. Если верить утверждению Дерогатис и соавт. [44], то можно подтвердить, что в выборке иностранных испытуемых присутствует большее количество участников с низкой степенью искренности и/или склонных к аггравации.

Также следует отметить менее значимые различия между исследуемыми группами по шкале фобической тревожности. Понятие определяется как стойкая реакция страха на определенных людей, места, объекты или ситуации, которая характеризуется как иррациональная и неадекватная по отношению к стимулу, ведущая к избегающему поведению. Как видно из диаграммы (см. Рисунок 4), иностранные испытуемые в большей степени склонны к переживанию данных симптомов, чем русскоязычные. С одной стороны, это способно послужить очередным проявлением вклада культурных различий в благополучие психики мигрантов при аккультурации, то есть столкновение с русской культурой у иностранцев может вызывать реакции страха и избегания перед определенными культурными и социальными артефактами. С другой стороны, эти различия могут также объясняться большей склонностью иностранных испытуемых к аггравации.

По другим шкалам симптоматического опричника статистически значимые различия между группами не выявлены. Это означает, что вклад культурных различий в развитие этих психопатологических проявлений не играет ведущую роль в данном случае.

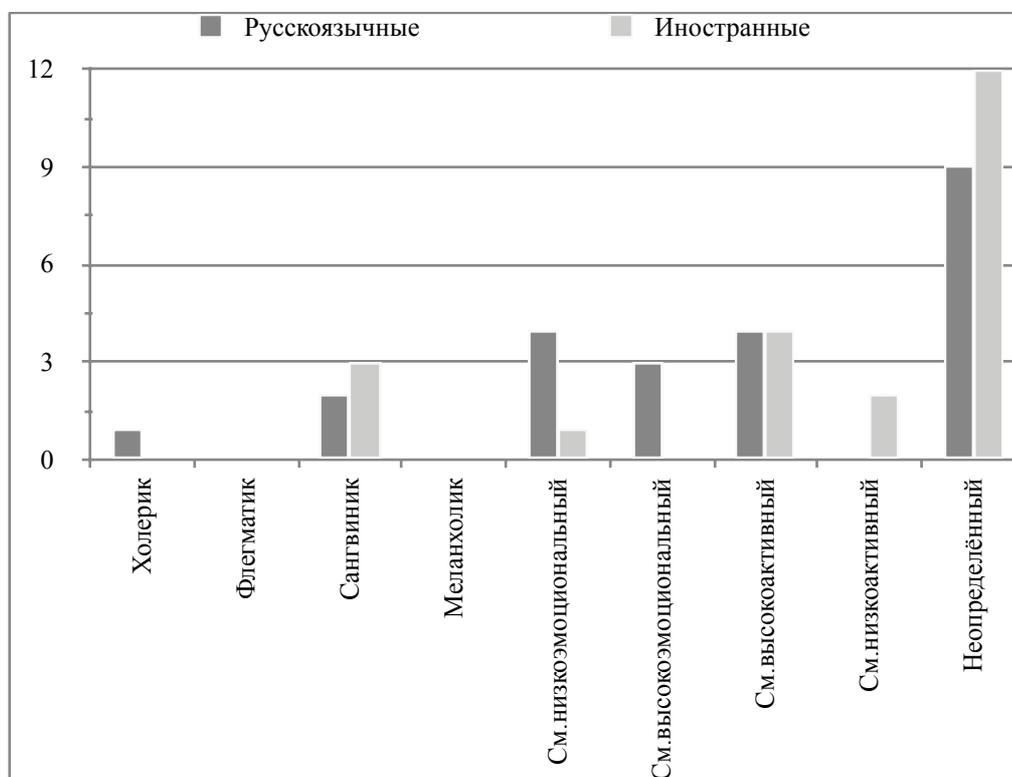
3.3. Анализ результатов ОФДСИ В. М. Русалова для определения темперамента.

По результатам тестирования, 2 испытуемых из 17 (женского пола), получили высокие результаты по контрольной шкале. Такие значения свидетельствуют о неадекватной оценке собственного поведения и выраженном стремлении субъекта выглядеть лучше, чем он есть на самом деле, поэтому, согласно правилам обработки результатов ОФДСИ и принципам организации исследования, все работы этих испытуемых должны быть исключены из обработки и последующего анализа.

Картина общего типа темперамента представлена на Рисунке 5, а процентное соотношение типов в выборках отображено в Таблице 9.

В обеих группах испытуемых преобладает неопределенный тип темперамента (39,13% русскоязычных и 54,55% иностранных испытуемых). Флегматический и меланхолический типы не представлены ни в одной из групп. В русскоязычной выборке также не представлен смешанный низкоактивный тип, а в выборке иностранных испытуемых также отсутствуют представители холерического и смешанного высокоэмоционального темперамента.

Рисунок 5 – Распределение русскоязычных и иностранных испытуемых по типам темперамента.

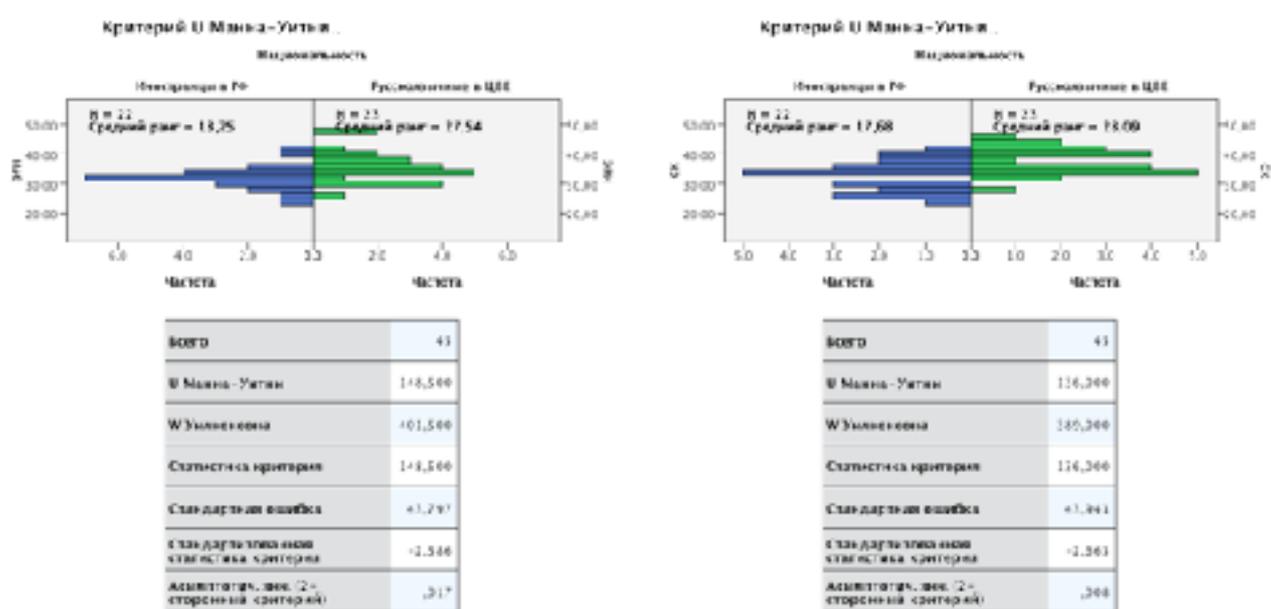
Для оценки различий в формально-динамических свойствах индивидуальности был проведён сравнительный анализ индексов психомоторной, интеллектуальной, коммуникативной и общей активности, индексов общей эмоциональности и адаптивности. Сравнение показателей проводилось с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни. По результатам сравнительного анализа не было выявлено статистически значимых различий.

Таблица 9 – Распределение русскоязычных и иностранных испытуемых по типам темперамента (в процентах, %).

Тип темперамента	Русскоязычные в ЦВЕ		Иностранцы в РФ		Всего в выборках	
	N	%	N	%	N	%
Холерик	1	4,35	0	0,00	1	2,22
Флегматик	0	0,00	0	0,00	0	0,00
Сангвиник	2	8,70	3	13,64	5	11,11
Меланхолик	0	0,00	0	0,00	0	0,00
Смешанный низкоэмоциональный	4	17,39	1	4,55	5	11,11
Смешанный высокоэмоциональный	3	13,04	0	0,00	3	6,67
Смешанный высокоактивный	4	17,39	4	18,18	8	17,78
Смешанный низкоактивный	0	0,00	2	9,09	2	4,44
Неопределённый	9	39,13	12	54,55	21	46,67

Более детальный анализ формально-динамических свойств, а именно сравнительный анализ показателей эргичности, пластичности, скорости и эмоциональности в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах, показал, что существуют различия между группами испытуемых при $p < 0,05$ в интеллектуальной эргичности и при $p < 0,01$ – в коммуникативной скорости (см. Приложение 5).

Рисунок 6 – Статистика U-критерия Манна-Уитни по шкалам интеллектуальной эргичности и коммуникативной скорости ОФДСИ.

Это означает, что между группами существуют различия в уровне интеллектуальных возможностей и стремлении к интеллектуальной деятельности, а также в скорости речевой активности, вербализации и плавности речи. Поскольку различия по данным шкалам не оказывают влияния на общую картину эмоциональности, активности и адаптивности, можно заключить, что статистически значимые различия в темпераменте в целом не выявляются.

3.4. Результаты корреляционного анализа.

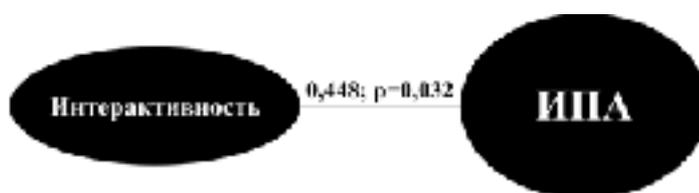
В качестве коэффициента корреляции для анализа был выбран коэффициент линейной корреляции Спирмена, поскольку он не требует нормальности распределения в выборках. В приводимых в параграфе коррелограммах приняты следующие обозначения:

- Корреляции, значимые на уровне $p < 0,05$, обозначены тонкой линией; ———
- Корреляции, значимые на уровне $p < 0,01$, обозначены средней линией; ———
- Корреляции, значимые на уровне $p < 0,001$, обозначены жирной линией; ———
- Положительные корреляции обозначены сплошной линией; ———
- Отрицательные корреляции обозначены прерывистой линией. - - - -

В результате корреляционного анализа русскоязычной выборки были получены следующие значимые корреляции:

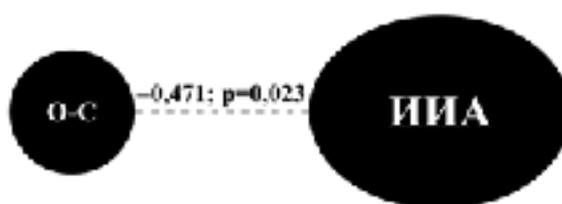
1. Индекс психомоторной активности положительно коррелирует с интерактивным типом адаптации ($p < 0,05$) (см. Рисунок 7). Данный результат подразумевает предрасположенность людей с высокими показателями скорости, эргичности и гибкости психомоторики к интерактивному типу, подразумевающему готовность к вступлению в новые контакты, к саморазвитию и самоизменению.

Рисунок 7 – Коррелограмма взаимосвязей индекса психомоторной активности со шкалами теста Янковского (русскоязычные испытуемые).

2. Индекс интеллектуальной активности отрицательно коррелирует со шкалой навязчивостей ($p < 0,05$) (см. Рисунок 8). В соответствии с этим, высокая интеллектуальная работоспособность, темп и пластичность интеллектуальных процессов уменьшают вероятность наличия жалоб на навязчивые состояния и тяжести предъявляемых симптомов.

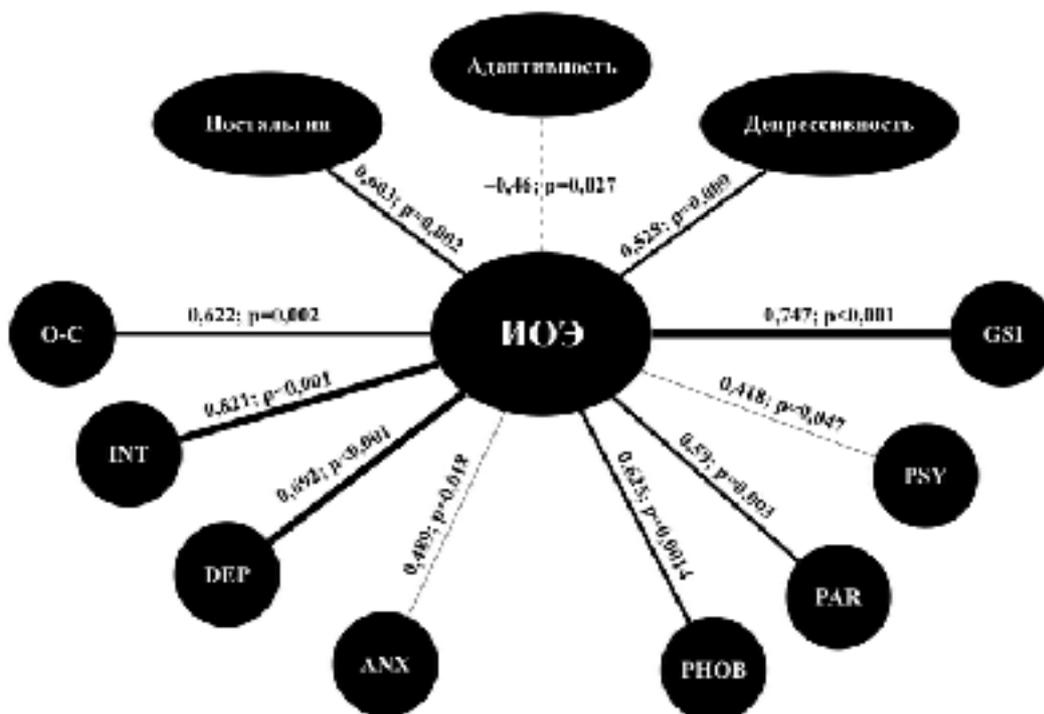
Рисунок 8 – Коррелограмма взаимосвязей индекса интеллектуальной активности со шкалами SCL-90-R (русскоязычные испытуемые).

3. Индекс общей эмоциональности отрицательно коррелирует со шкалой адаптивности ($p < 0,05$) и положительно коррелирует со шкалами депрессивности и ностальгии ($p < 0,01$) теста Л. В. Янковского. Также данный индекс положительно коррелирует со всеми шкалами симптоматического опросника, за исключением шкалы соматизации и враждебности: со шкалами тревожности и психотизма – на уровне значимости $p < 0,05$; со шкалами навязчивостей, паранойяльных тенденций и фобической тревожности – на уровне $p < 0,01$; со шкалами межличностной сенситивностью, депрессии и индексом GSI – $p < 0,001$) (см. Рисунок 9). Такой результат в русскоязычной выборке позволяет отметить, что эмоциональность, описываемая Русаловым как чувствительность к эмоциональным переживаниям, ранимость, беспокойство по поводу рассогласования полученного результата с предполагаемым, при своей высокой выраженности может являться характеристикой, затрудняющей адаптацию индивида в новой социокультурной среде и предрасполагающей к формированию психопатологических симптомов.

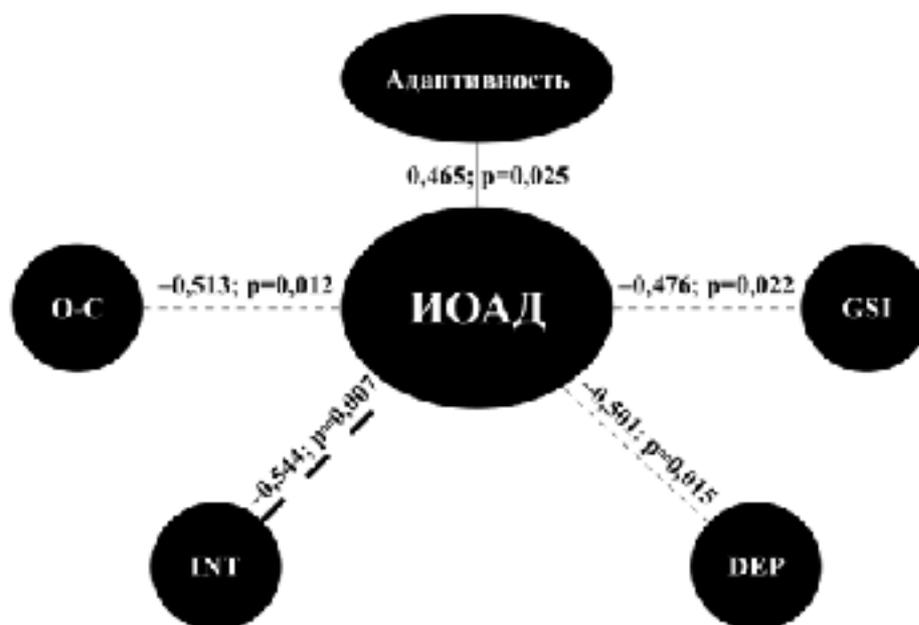
4. Индекс общей адаптивности положительно коррелирует со шкалой адаптивности в тесте Янковского ($p < 0,05$) и отрицательно – с общим индексом тяжести GSI, шкалами навязчивостей, депрессии ($p < 0,05$) и межличностной сенситивности ($p < 0,01$) (см. Рисунок 10). Данный индекс, как уже было сказано во второй главе, представляет собой разность между индексом общей активности и

Рисунок 9 – Коррелограмма взаимосвязей индекса общей эмоциональности со шкалами теста Янковского и SCL-90-R (русскоязычные испытуемые).

индексом общей эмоциональности. И если значимых корреляций первого индекса с другими шкалами не было выделено, то за счёт второго итоговый индекс демонстрирует отрицательные корреляции с психопатологическими симптомами. Иначе говоря, чем больше разница между активностью и эмоциональностью, тем выше тенденция к адаптивному типу и тем меньше жалоб на симптомы перечисленных выше категорий предъявляют участники.

Рисунок 10 – Коррелограмма взаимосвязей индекса общей адаптивности со шкалами теста Янковского и SCL-90-R (русскоязычные испытуемые).

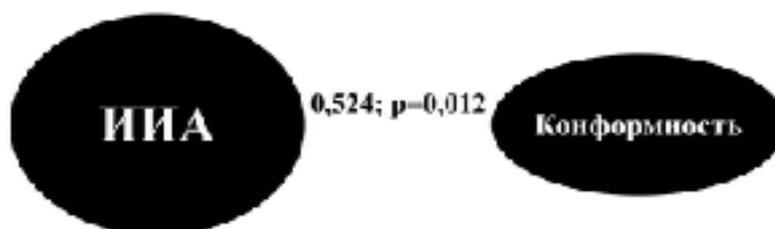

Таким образом, по результатам корреляционного анализа выборки русскоязычных мигрантов, проживающих в славянских странах Центрально-Восточной Европы, можно отметить, что, за исключением интерактивного типа адаптации и выраженности обсессивно-компульсивной симптоматики, такие базальные свойства нервной системы, как эргичность, скорость и пластичность, не оказывают существенного воздействия на адаптационный процесс. Однако эмоциональность, ввиду большого количества выраженных корреляционных связей, выделяется как фактор риска дезадаптации в процессе аккультурации. В частности, показатели адаптивности по тесту Янковского тем ниже, чем индекс общей эмоциональности, а склонность к депрессивным и ностальгическим переживаниям, напротив, повышается, как и тяжесть психопатологической симптоматики.

Корреляционный анализ выборки иммигрантов, проживающих в России, показал следующие результаты:

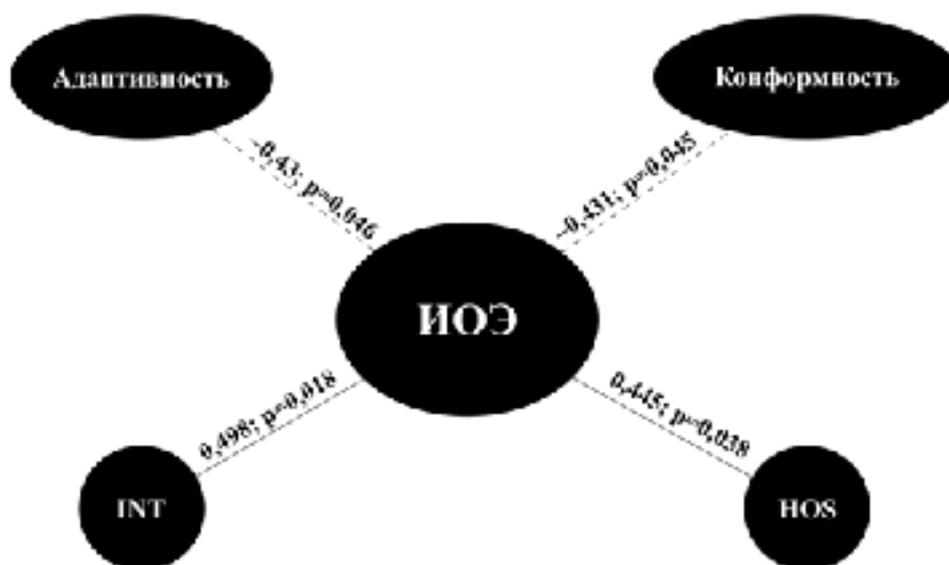
1. Индекс интеллектуальной активности положительно коррелирует со шкалой конформности при уровне значимости $p < 0,05$ (см. Рисунок 11). Возможно наличие связи интеллектуальной работоспособности, темпа и гибкости со стремлением к поддержанию отношений с людьми и ориентацией на социальное одобрение, характерными для конформного типа адаптации.

Рисунок 11 – Коррелограмма взаимосвязей индекса интеллектуальной активности со шкалами теста Янковского (иностранные испытуемые).

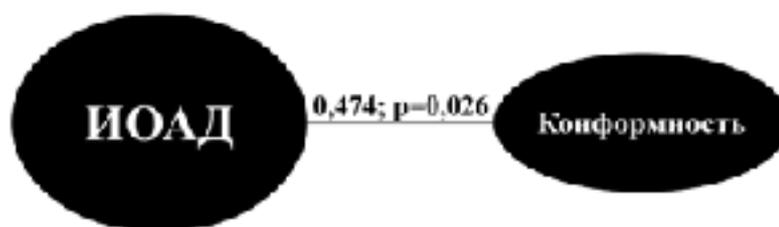
2. Индекс общей эмоциональности отрицательно коррелирует со шкалами адаптивности и конформности при уровне значимости $p < 0,05$, а также со шкалами межличностной сенситивности и враждебности ($p < 0,05$) (см. Рисунок 12). В группе иностранных испытуемых, получено меньшее количество корреляционных связей, чем в группе русскоязычных испытуемых, однако в ней также подтверждается дезадаптирующий вклад высоких показателей эмоциональности.

Рисунок 12 – Коррелограмма взаимосвязей индекса общей эмоциональности со шкалами теста Янковского и SCL-90-R (иностранные испытуемые).

3. Индекс общей адаптивности положительно коррелирует со шкалой конформности при уровне значимости $p < 0,05$ (см. Рисунок 13). Данная корреляционная связь является закономерной, поскольку шкала конформности также положительно коррелирует с индексом интеллектуальной активности и отрицательно – со индексом общей эмоциональности. А под индексом общей адаптивности, как уже было сказано ранее, понимается разность между индексами общей активности и эмоциональности.

Рисунок 13 – Коррелограмма взаимосвязей индекса общей адаптивности со шкалами теста Янковского (иностранные испытуемые).

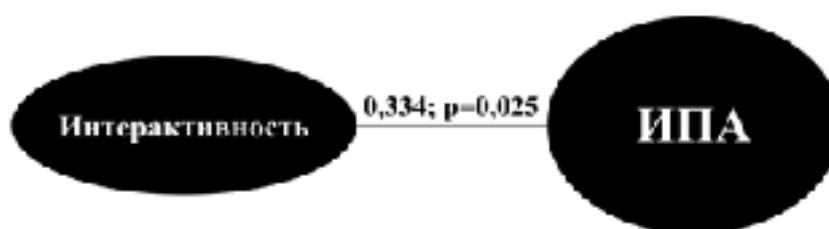
Во второй группе испытуемых было обнаружено значительно меньше корреляционных связей. Как можно заметить, для мигрантов с более высоким уровнем интеллектуальной активности и общей адаптивности характерна адаптация по конформному типу. Это означает, что высокие показатели интеллектуальной работоспособности, скорости и темпа могут predispose к стремлению

поддерживать отношения с другими людьми и принятию ценностей той среды, в которую мигранты прибывают. Индекс общей эмоциональности в данной выборке коррелирует с меньшим количеством шкал, чем в русскоязычной, но в ней, как и в предыдущей выборке, отмечается повышение вероятности наличия дискомфорта и беспокойства в межличностном взаимодействии (шкала межличностной сенситивности), агрессивности и раздражительности (шкала враждебности), а также затруднение аккультурации по адаптивному и конформному типам.

Результаты корреляционного анализа общей выборки следующие (см. Приложения 6-7):

1. Индекс психомоторной активности положительно коррелирует с интерактивным типом адаптации к новой среде ($p < 0,05$) (см. Рисунок 14).

Рисунок 14 – Коррелограмма взаимосвязей индекса психомоторной активности со шкалами теста Янковского (общая).

2. Индекс интеллектуальной активности положительно коррелирует со шкалой адаптивности ($p < 0,05$) и отрицательно коррелирует со шкалами навязчивостей, межличностной сенситивности, депрессии, а также с общим индексом тяжести GSI ($p < 0,05$) (см. Рисунок 15). Такие результаты могут свидетельствовать о том, что интеллектуальная работоспособность, скорость и пластичность способны сыграть роль ресурса аккультурации, поскольку при высоком уровне выраженности этих свойств индивидуальности повышается вероятность развития аккультурационного процесса по адаптивному пути и снижается выраженность психопатологической симптоматики.

3. Индекс общей активности положительно коррелирует со шкалой адаптивности ($p < 0,05$) (см. Рисунок 16). Если рассматривать результаты выборки в целом, то обнаруживается связь эргичности, скорости и пластичности в различных сферах психической деятельности с адаптивным типом аккультурации.

Рисунок 15 – Коррелограмма взаимосвязей индекса интеллектуальной активности со шкалами теста Янковского и SCL-90-R (общая).

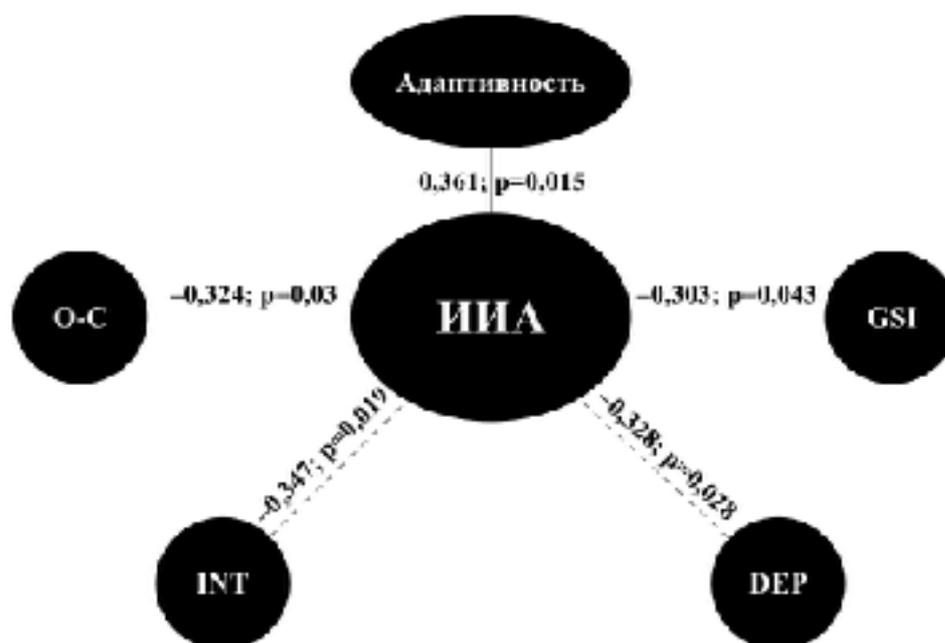
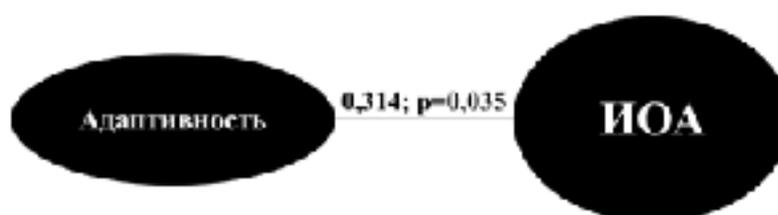

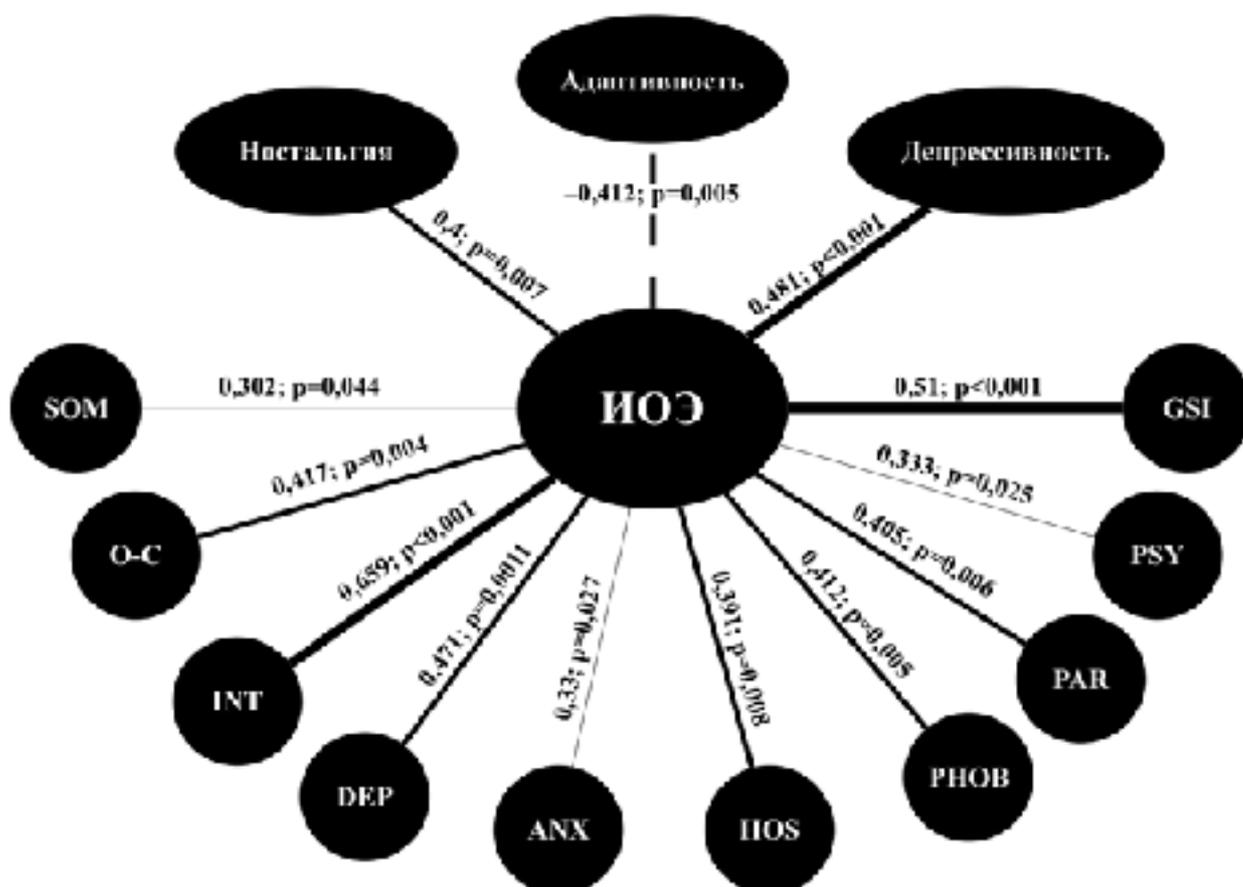
Рисунок 16 – Коррелограмма взаимосвязей индекса общей активности со шкалами теста Янковского (общая).

4. Индекс общей эмоциональности отрицательно коррелирует со шкалой адаптивности ($p<0,01$), положительно – со шкалами депрессивности ($p<0,001$) и ностальгии ($p<0,01$), а также со всеми шкалами опросника SCL-90-R: со шкалами соматизации, тревожности и психотизма – на уровне значимости $p<0,05$; со шкалами навязчивостей, депрессии, враждебности, фобической тревожности и паранойяльности – на уровне значимости $p<0,01$; со шкалой межличностной чувствительности и общим индексом тяжести GSI – на уровне значимости $p<0,001$ (см. Рисунок 17). На общей выборке подтверждается то, что эмоциональность при высокой её выраженности способна снизить качество адаптации мигранта за рубежом, направляя аккультурационный процесс по депрессивному и

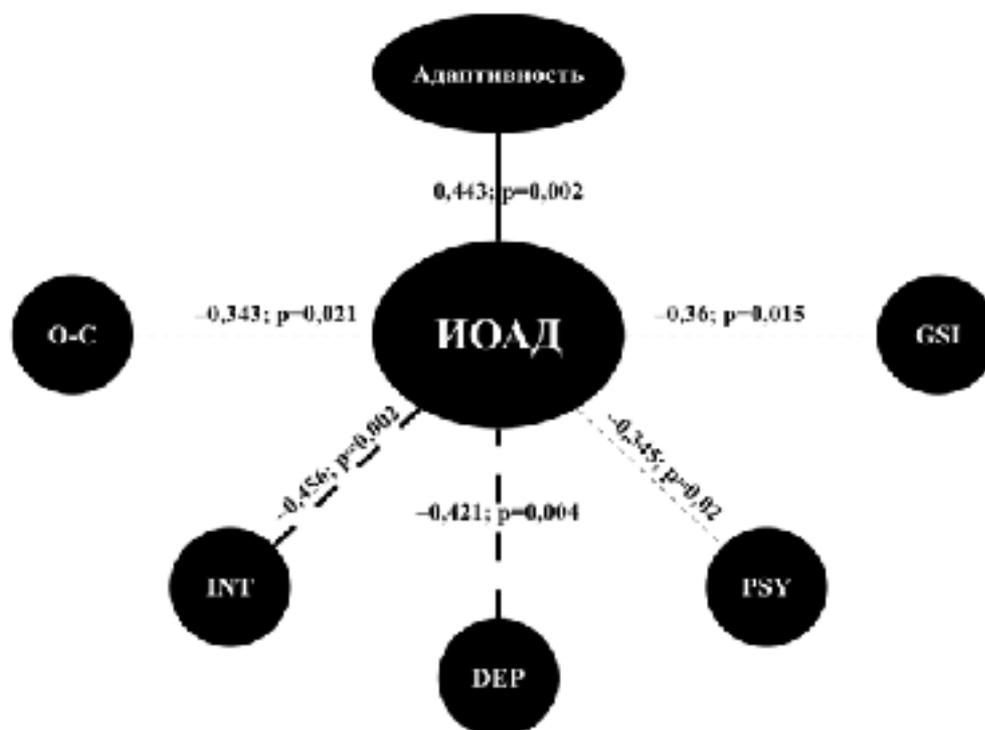
ностальгическому пути, а также может повысить риск развития психопатологической симптоматики. В особенности это касается проявлений межличностной сенситивности.

Рисунок 17 – Коррелограмма взаимосвязей индекса общей эмоциональности со шкалами теста Янковского и SCL-90-R (общая).

5. Индекс общей адаптивности положительно коррелирует со шкалой адаптивности ($p<0,01$); отрицательно – со шкалами межличностной сенситивности и депрессии ($p<0,01$), навязчивостей, психотизма и общим индексом тяжести GSI (см. Рисунок 18). Это означает, что чем больше разность между показателями активности и эмоциональности, тем меньше выраженность перечисленных психопатологических проявлений и больше возможность протекания аккультурационного процесса по адаптивному пути.

Рисунок 18 – Коррелограмма взаимосвязей индекса общей эмоциональности со шкалами теста Янковского и SCL-90-R (общая).

Таким образом, на общей выборке испытуемых подтверждается положительный вклад высокой психомоторной и интеллектуальной активности в улучшение качества адаптации мигрантов за рубежом, а также дезадаптирующее воздействие высоких показателей эмоциональности.

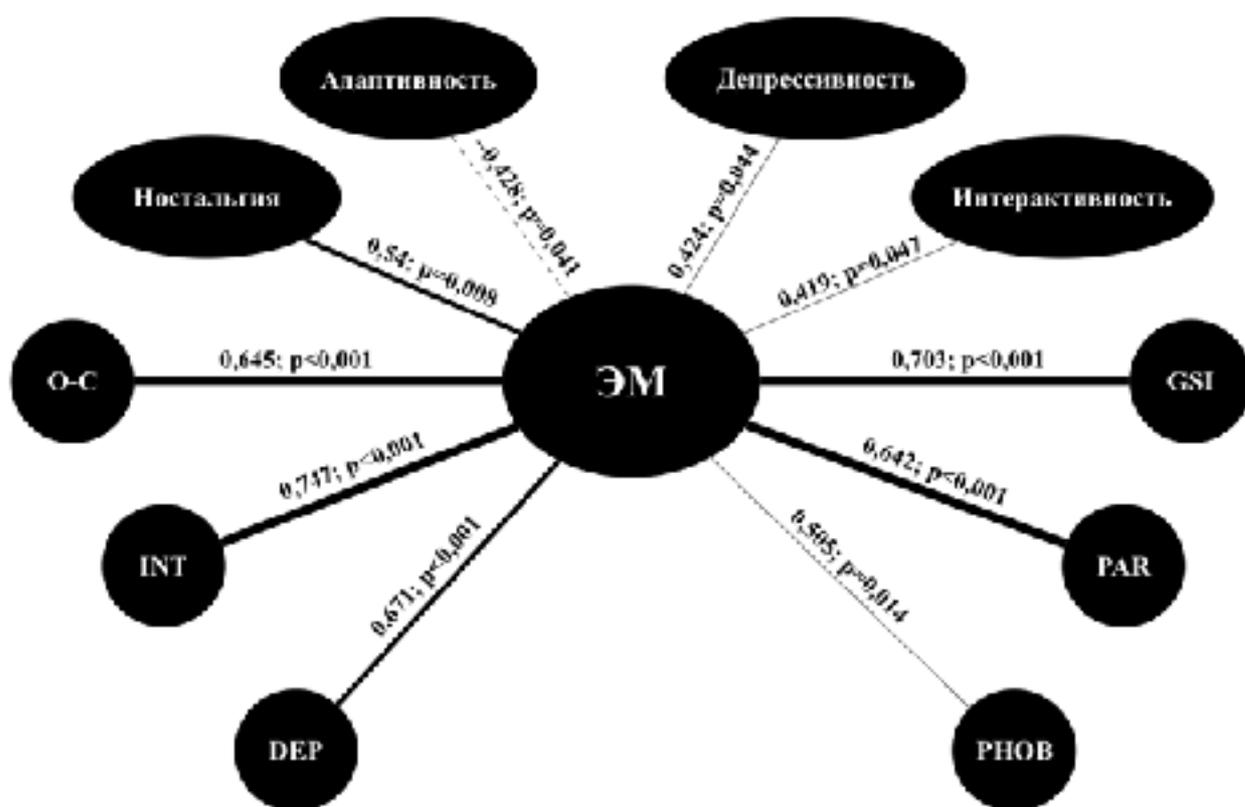
Поскольку свойства темперамента оцениваются в предметно-деятельностном и коммуникативном аспекте, как утверждает Русалов, было принято решение провести корреляционный анализ на предмет наличия связи показателей теста Янковского и SCL-90-R с показателями эмоциональности и активности в каждой из сфер (психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной).

Для начала рассмотрим взаимосвязи показателей шкал SCL-90-R и теста Янковского с показателями эмоциональности. По результатам корреляционного анализа результатов, полученных на русскоязычной выборке, были найдены следующие корреляционные связи:

1. Шкала психомоторной эмоциональности отрицательно коррелирует со шкалой адаптивности при уровне значимости $p < 0,05$; положительно коррелирует со шкалами ностальгии ($p < 0,01$), интерактивности и депрессивности ($p < 0,05$), а также

со шкалами фобической тревожности ($p < 0,05$), депрессии ($p < 0,01$), навязчивостей, межличностной сенситивности, паранойяльности и общим индексом тяжести GSI (см. Рисунок 19). Отсюда следует, что эмоциональные переживания по поводу ручной работы и физического труда связаны с выраженностью психопатологической симптоматики и могут влиять на аккультурационный процесс. Отдельно следует отметить положительную корреляционную связь психомоторной эмоциональности с интерактивным типом адаптации, который рассматривается Янковским как позитивный. Возможно, стремление улучшить результаты физического труда и беспокойство касательно физической работы способно побуждать индивида к активному сотрудничеству с другими людьми в процессе аккультурации.

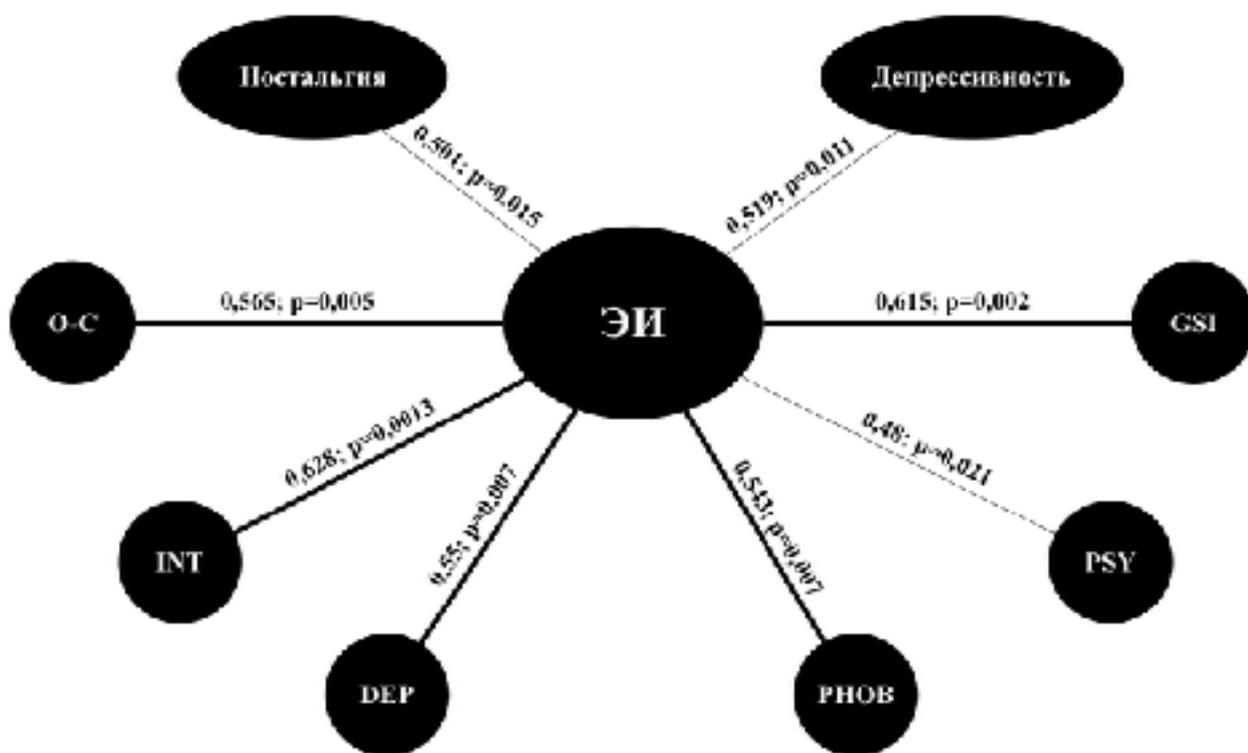
Рисунок 19 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы психомоторной эмоциональности со шкалами теста Л. В. Янковского и SCL-90-R (русскоязычные испытуемые).

2. Шкала интеллектуальной эмоциональности положительно коррелирует со шкалами ностальгии и депрессивности ($p < 0,05$), а также со шкалами психотизма ($p < 0,05$), навязчивостей, межличностной сенситивности, депрессии, фобической тревожности и общим индексом тяжести GSI ($p < 0,01$) (см. Рисунок 20). Как можно

заметить из получившейся коррелограммы, эмоциональные переживания, касающиеся интеллектуального труда и умственной деятельности, также способны вносить вклад в развитие психопатологической симптоматики и направлять процесс адаптации к новой среде по депрессивному и ностальгическому пути. Отличия от психомоторной эмоциональности состоят в отсутствии корреляций со шкалами адаптивности, интерактивности и паранойальностью, в наличии взаимосвязи со шкалой психотизма, а также в тесноте связей по другим шкалам. В частности, интеллектуальная эмоциональность в большей степени связана с проявлениями фобической тревожности и депрессивным типом адаптации, а в меньшей – с ностальгическим типом адаптации, со шкалами навязчивости, межличностной сенситивности, депрессии и общей тяжестью симптомов.

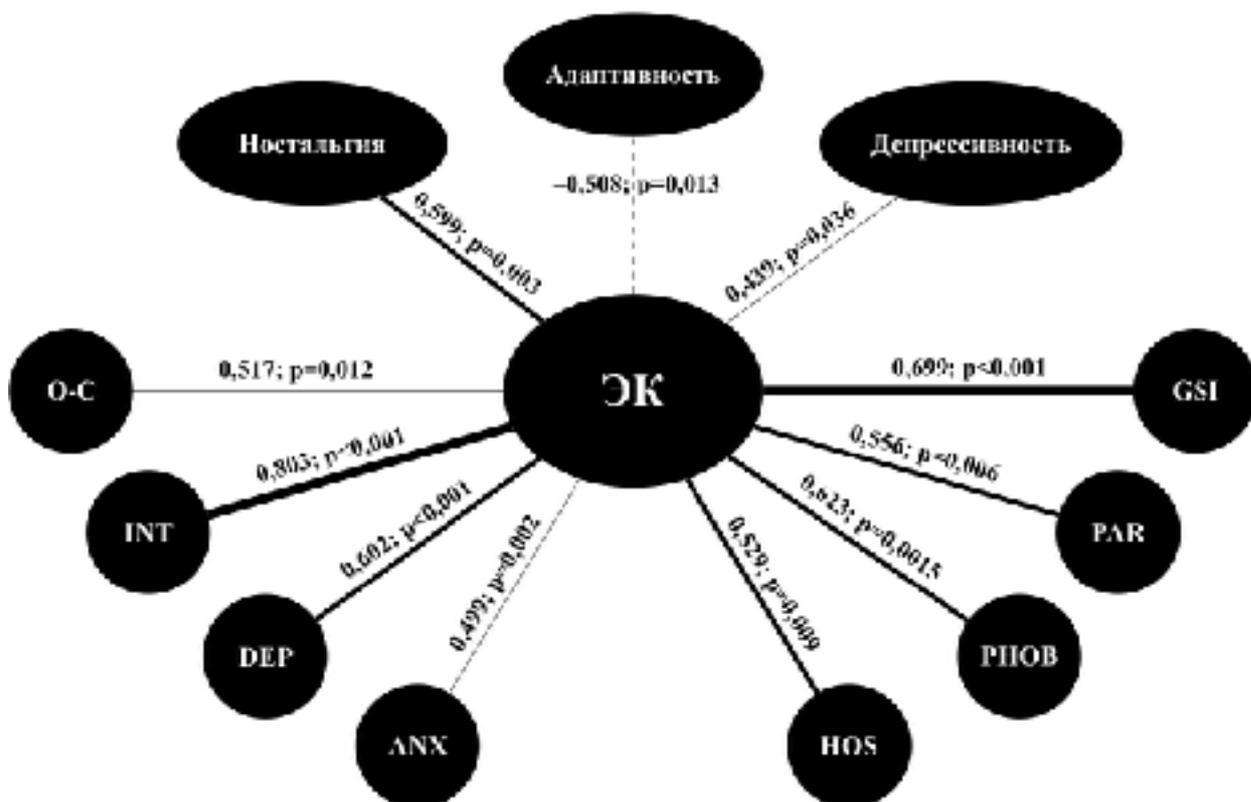
Рисунок 20 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы интеллектуальной эмоциональности со шкалами теста Л. В. Янковского и SCL-90-R (русскоязычные испытуемые).

3. Шкала коммуникативной эмоциональности отрицательно коррелирует со шкалой адаптивности ($p < 0,05$) и положительно коррелирует со шкалами депрессивности ($p < 0,05$) и ностальгии ($p < 0,01$), со шкалами навязчивостей и тревожности ($p < 0,05$), депрессии, враждебности, фобической тревожности и

паранойяльности ($p < 0,01$), межличностной чувствительности и общим индексом тяжести GSI ($p < 0,001$) (см. Рисунок 21). Как можно заметить, чувствительность к неудачам в общении и чувства неуверенности либо раздражительности в ситуациях общения, как и эмоциональность в других сферах психической деятельности, также способна вносить вклад в формирование психопатологической симптоматики и направлять процесс аккультурацию по депрессивному и ностальгическому путям. В качестве отличий от коррелограмм взаимосвязей других видов эмоциональности, следует отметить добавление корреляционных взаимосвязей с тревожностью и враждебностью. Это означает, что мигранты с высокими показателями коммуникативной эмоциональности могут быть подвержены вспышкам агрессивности и тревожным переживаниям (чувствам страха, паники, проявлениям нервозности). Также отмечается наиболее тесная связь коммуникативной эмоциональности с фобической тревожностью и межличностной чувствительностью, по сравнению с психомоторной и интеллектуальной эмоциональностью.

Рисунок 21 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы коммуникативной эмоциональности со шкалами теста Л. В. Янковского и SCL-90-R (русскоязычные испытуемые).

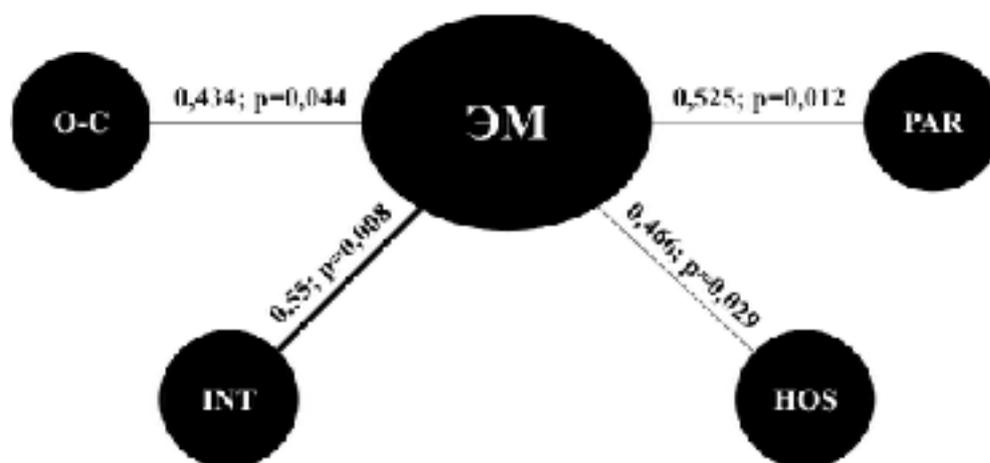

Таким образом, результат корреляционного анализа русскоязычной выборки, показал, что все виды эмоциональности вносят весомый вклад в адаптацию личности за рубежом.

Рассмотрим результаты корреляционного анализа по тем же шкалам в выборке иностранных граждан, проживающих в России.

1. Шкала психомоторной эмоциональности положительно коррелирует со шкалами навязчивостей, враждебности, паранойяльности ($p < 0,05$) и межличностной сенситивности ($p < 0,01$) (см. Рисунок 22). В данной группе наблюдается существенно меньшее количество корреляционных связей, однако здесь по-прежнему прослеживается положительная взаимосвязь эмоциональных переживаний с психопатологическими проявлениями, как и в русскоязычной выборке.

Рисунок 22 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы психомоторной эмоциональности со шкалами SCL-90-R (иностранцы испытуемые).

2. Со шкалой интеллектуальной эмоциональности статистически значимых корреляций не было найдено, что ставит под вопрос утверждение о её вкладе в аккультурацию и формирование психопатологических симптомов.

3. Шкала коммуникативной эмоциональности отрицательно коррелирует со шкалами адаптивности и конформности ($p < 0,05$) (см. Рисунок 23). Из этого следует вывод, что высокая чувствительность, ранимость в ситуациях общения способна отрицательно сказаться на чувстве защищённости и удовлетворённости в новой социокультурной среде, на стремлении к поддержанию отношений с людьми и

принятии норм и ценностей новой среды. При этом, вклад в развитие психопатологической симптоматики в данном случае не подтверждается, поскольку значимых корреляционных связей с симптоматическими шкалами обнаружено не было.

Рисунок 23 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы коммуникативной эмоциональности со шкалами теста Л. В. Янковского (иностранные испытуемые).

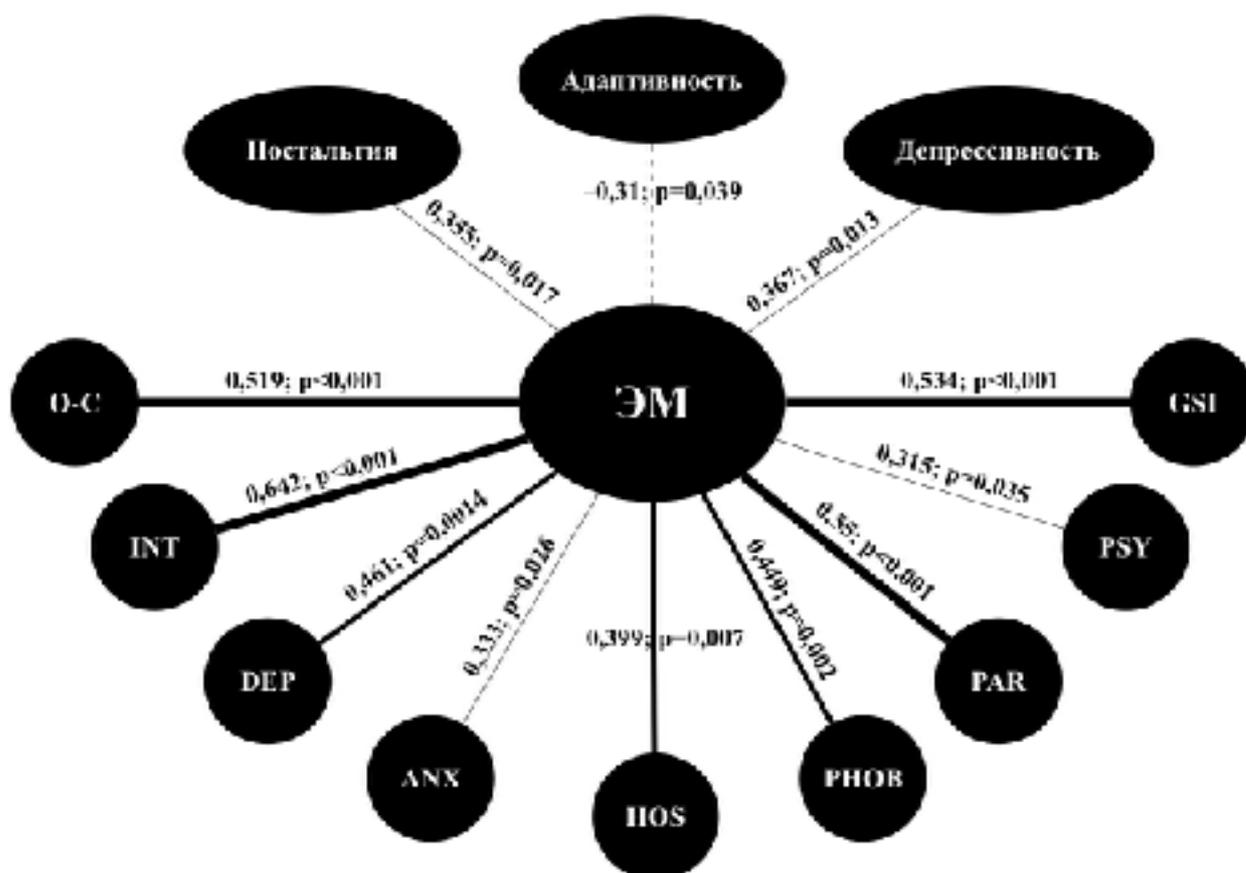
Количество корреляций ожидаемо меньше, чем у русскоязычной выборки, и их коэффициент также более низкий. Шкала психомоторной эмоциональности коррелирует со шкалами Межличностной сенситивности, Паранойяльности и PDSI, как и на русскоязычной выборке, но также добавляется шкала Враждебности и отсутствуют другие корреляции. Коммуникативная эмоциональность, в отличие от русскоязычной выборки, помимо шкалы адаптивности по Янковскому, также отрицательно коррелирует со шкалой Конформности ($p < 0,05$). То есть, люди с высоким показателем коммуникативной эмоциональности являются, если ориентироваться на интерпретацию шкал Янковского, менее ориентированы на социальное одобрение, в меньшей степени стремятся к поддержке отношений с людьми и принятию норм новой среды. Следует отметить отсутствие корреляционных связей с симптоматическими шкалами, что способно поставить под сомнение вклад коммуникативной эмоциональности в формирование психопатологических симптомов.

По результатам корреляционного анализа выборки в целом были найдены следующие корреляционные связи (см. Приложения 8-9):

1. Шкала психомоторной эмоциональности отрицательно коррелирует со шкалой адаптивности ($p < 0,05$), положительно коррелирует со шкалами ностальгии и депрессивности ($p < 0,05$), а также со всеми шкалами SCL-90-R, за исключением шкалы соматизации (см. Рисунок 24). Со шкалами тревожности и психотизма

корреляция значима на уровне $p < 0,05$; со шкалами депрессии, враждебности и фобической тревожности – на уровне $p < 0,01$; со шкалами навязчивостей, межличностной сенситивности, паранойяльности и индексом общей тяжести GSI – на уровне $p < 0,001$. Таким образом, на общей выборке подтверждается значимость вклада психомоторной эмоциональности в процесс аккультурации и формирование психопатологических симптомов.

Рисунок 24 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы интеллектуальной эмоциональности со шкалами теста Янковского и SCL-90-R (общая).

2. Шкала интеллектуальной эмоциональности отрицательно коррелирует со шкалой адаптивности ($p < 0,05$), положительно – со шкалой депрессивности ($p < 0,01$), а также со шкалами навязчивостей, депрессии, общим индексом тяжести GSI ($p < 0,05$) и шкалой Межличностной сенситивности ($p < 0,01$) (см. Рисунок 25). Поскольку в группе иностранных испытуемых корреляции с интеллектуальной эмоциональностью отсутствуют, количество корреляций в общей выборке по данной шкале уменьшено. Тем не менее, следует отметить схожесть картины относительно

знаков имеющих корреляций и более тесную связь интеллектуальной эмоциональности с депрессивным типом адаптации.

Рисунок 25 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы интеллектуальной эмоциональности со шкалами теста Янковского и SCL-90-R (общая).

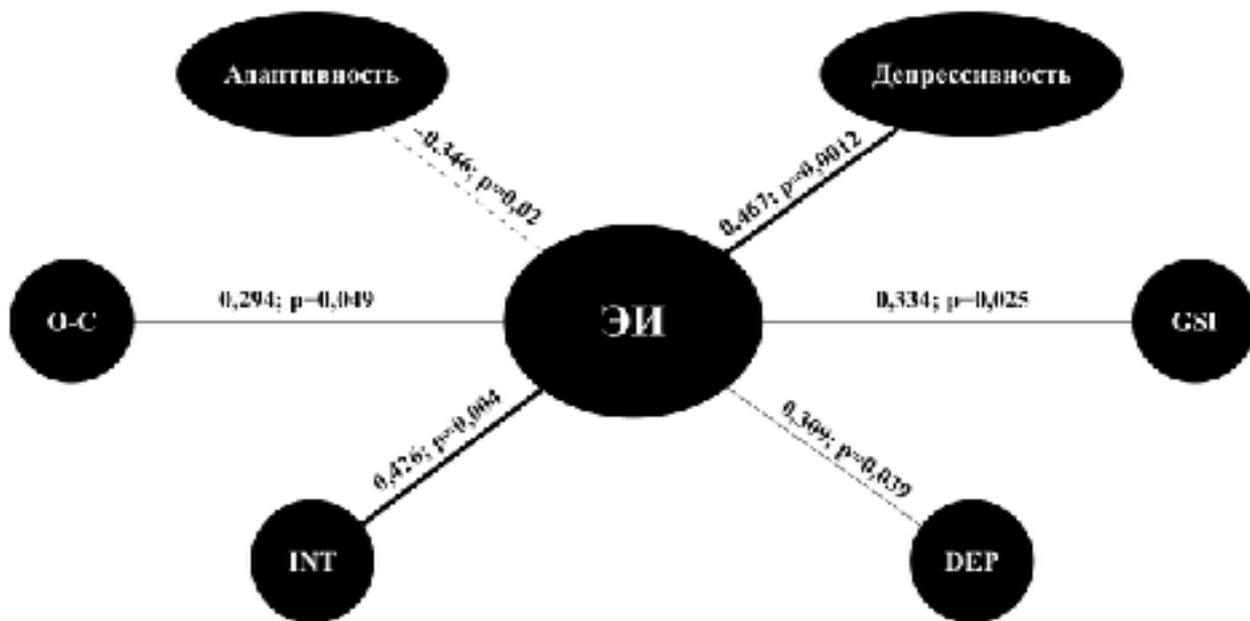
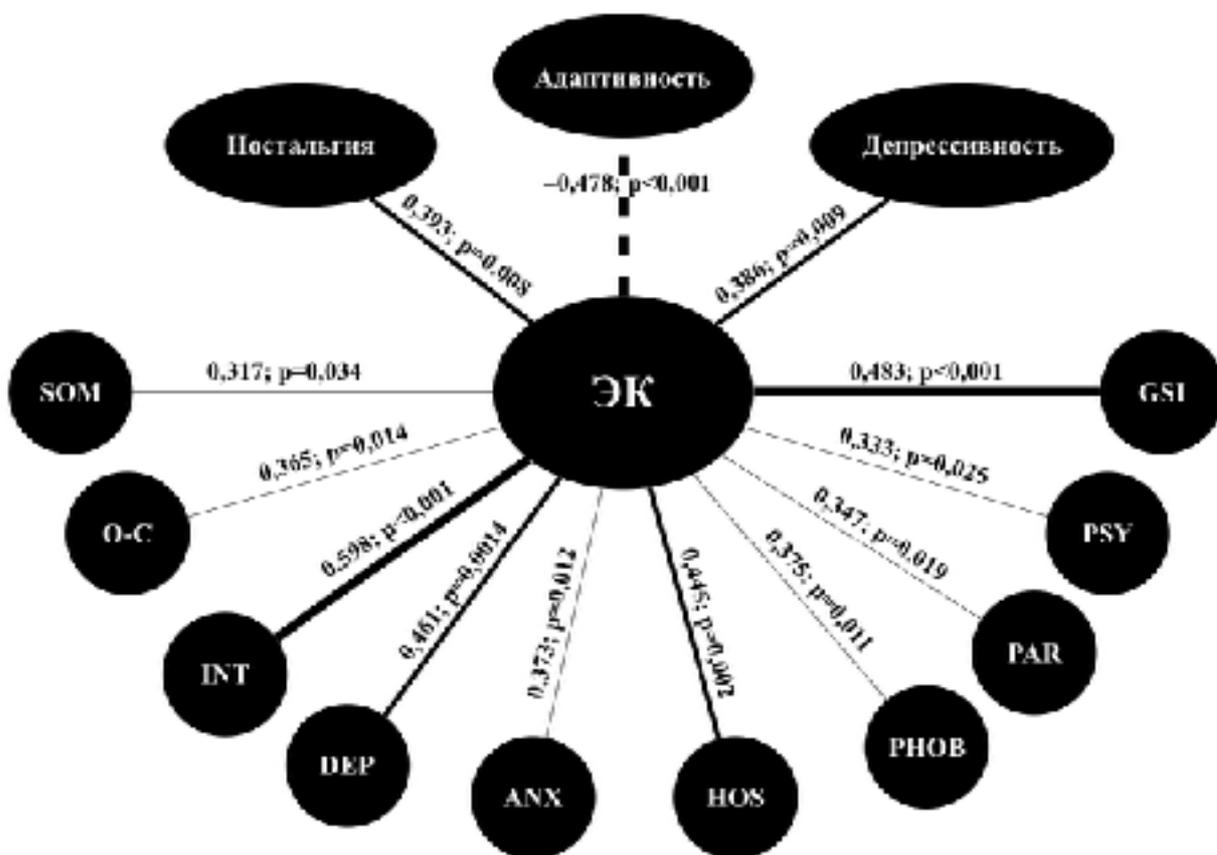

Рисунок 26 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы коммуникативной эмоциональности со шкалами теста Янковского и SCL-90-R (общая).

3. Шкала коммуникативной эмоциональности отрицательно коррелирует со шкалой адаптивности ($p < 0,001$) и положительно коррелирует со шкалами ностальгии и депрессивности теста Янковского ($p < 0,01$), и со всеми шкалами SCL-90-R на разных уровнях значимости (см. Рисунок 26). Со шкалами соматизации, навязчивостей, тревожности, фобической тревожности, паранойяльности и психотизма корреляции значимы на уровне $p < 0,05$; со шкалами депрессии и враждебности – на уровне $p < 0,01$; со шкалой межличностной сенситивности и индексом общей тяжести симптомов GSI – на уровне $p < 0,001$. В данном случае наблюдается наиболее выраженная отрицательная корреляция со шкалой адаптивности, что в совокупности с большим количеством корреляций с симптоматическими шкалами позволяет признать вклад чувствительности в ситуации общения в формирование психопатологической симптоматики и характер протекания аккультурационного процесса.

Таким образом, результат анализа общей выборки подтверждает большой вклад коммуникативной эмоциональности в формирование ностальгического и депрессивного типов адаптации за рубежом и уменьшение вероятности протекания аккультурационного процесса по адаптивному типу. Психомоторная и интеллектуальная эмоциональность также вносят вклад в характер аккультурации мигрантов, но коммуникативная эмоциональность, несмотря на меньшую тесноту связей по некоторым показателям в сравнении с эмоциональностью в других сферах психической деятельности, выходит на первый план за счёт количества положительных взаимосвязей с симптоматическими шкалами.

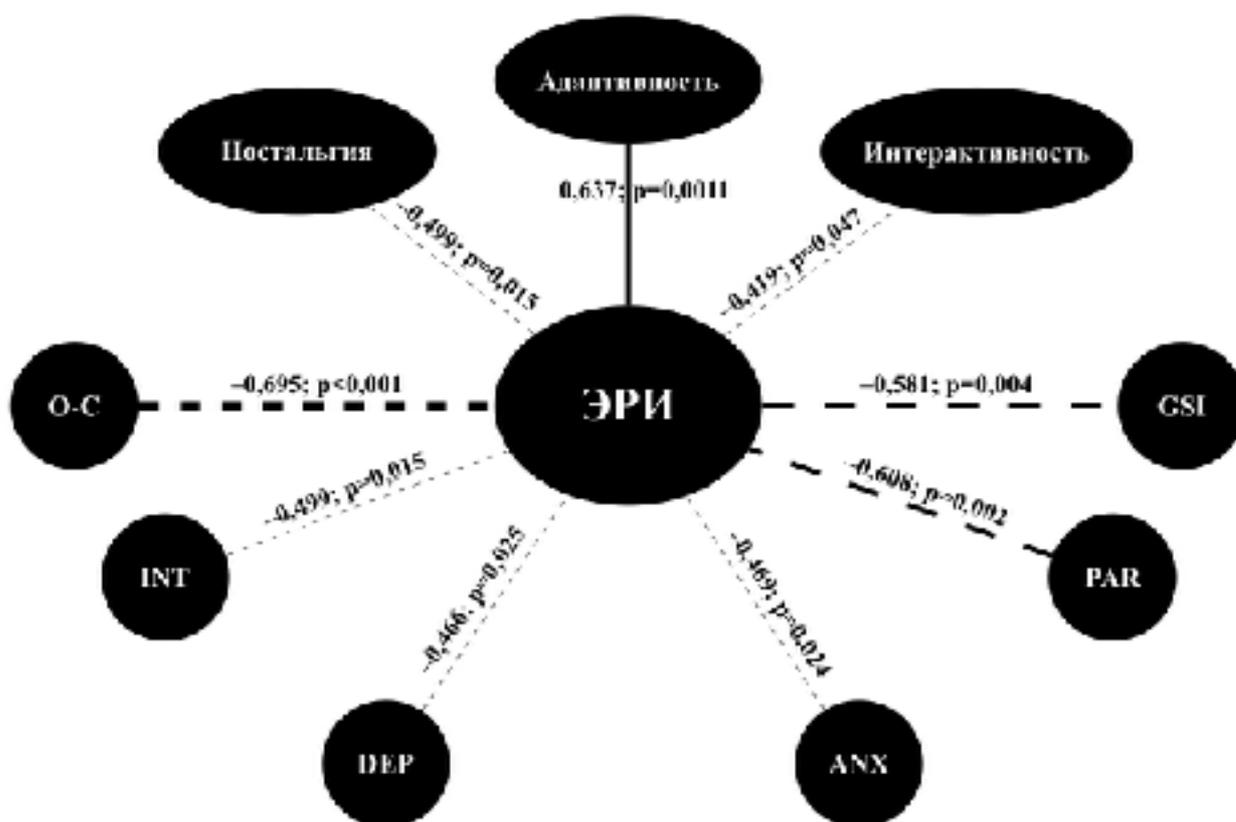
На финальном этапе корреляционного анализа, с целью детального определения ресурсов аккультурации, было решено сопоставить показатели активности во всех сферах психической деятельности со шкалами теста Янковского и SCL-90-R, а именно такие базальные свойства нервной системы, как эргичность, скорость и пластичность.

По результатам корреляционного анализа группы русскоязычных испытуемых были выявлены следующие корреляционные связи:

1. Шкала интеллектуальной эргичности положительно коррелирует со шкалой адаптивности ($p < 0,01$) и отрицательно коррелирует со шкалами ностальгии и

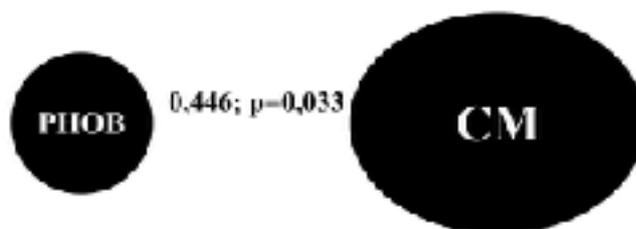
интерактивности ($p < 0,05$), межличностной сенситивности, депрессии и тревожности ($p < 0,05$), со шкалой паранойальности и индексом общей тяжести GSI ($p < 0,01$), а также со шкалой навязчивостей ($p < 0,001$) (см. Рисунок 27). Это означает, что при высоком уровне интеллектуальных возможностей и стремления к умственной деятельности повышаются шансы на успех в процессе аккультурации, что также подтверждается отрицательными корреляциями с симптоматическими шкалами.

Рисунок 27 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы интеллектуальной эргичности со шкалами теста Янковского и SCL-90-R (русскоязычные испытуемые).

2. Шкала психомоторной скорости положительно коррелирует со шкалой фобической тревожности ($p < 0,05$) (см. Рисунок 28). Возможно, найденная связь обуславливается тем, что при некоторых фобических реакциях у человека происходит повышение двигательной активности [28, 41]. Однако данная ситуация является стрессовой, и повышение активности, в соответствии с этим, возникает как ответная реакция. В текущем исследовании же психомоторная скорость рассматривается как базальная характеристика нервной системы, которая проявляется в обычной жизни вне стрессовой ситуации. Соответственно, на данном этапе обосновать связь этих показателей не представляется возможным.

Рисунок 28 – Коррелогограмма взаимосвязей шкалы психомоторной скорости со шкалами SCL-90-R (русскоязычные испытуемые).

При анализе группы иностранных испытуемых выявились следующие корреляционные связи:

1. Шкала интеллектуальной эргичности положительно коррелирует со шкалами конформности ($p < 0,05$), адаптивности ($p < 0,01$) и интерактивности ($p < 0,001$), отрицательно – со шкалами депрессивности, межличностной сенситивности, тревожности и паранойяльности ($p < 0,05$) (Рисунок 29). В данной выборке также отмечается, что стремление к умственной деятельности и интеллектуальные возможности вносят вклад в качество адаптации за рубежом и, тем самым, могут играть роль ресурса аккультурации. Однако следует отметить, что корреляции со шкалой интерактивности различаются по знаку в русскоязычной (отрицательная) и иностранной (положительная) группах. Возможно, это объясняется культурными особенностями применения интеллектуальных способностей: то есть, согласно полученной картине, представители восточно-славянской культуры с более высоким стремлением к умственной деятельности не стремятся к расширению социальных связей, тем самым направляя интеллектуальную энергию на удовлетворение своих потребностей, в то время как таковые из других стран настроены на сотрудничество с другими людьми и расширение социальных связей.

2. Шкала интеллектуальной пластичности положительно коррелирует со шкалой конформности ($p < 0,01$) (см. Рисунок 30). То есть, гибкость мышления и творческий подход к решению проблем может предрасполагать к конформному типу адаптации, подразумевающему стремление к поддержке взаимоотношений с людьми и принятию новой среды.

Рисунок 29 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы интеллектуальной эргичности со шкалами теста Янковского и SCL-90-R (иностранные испытуемые).

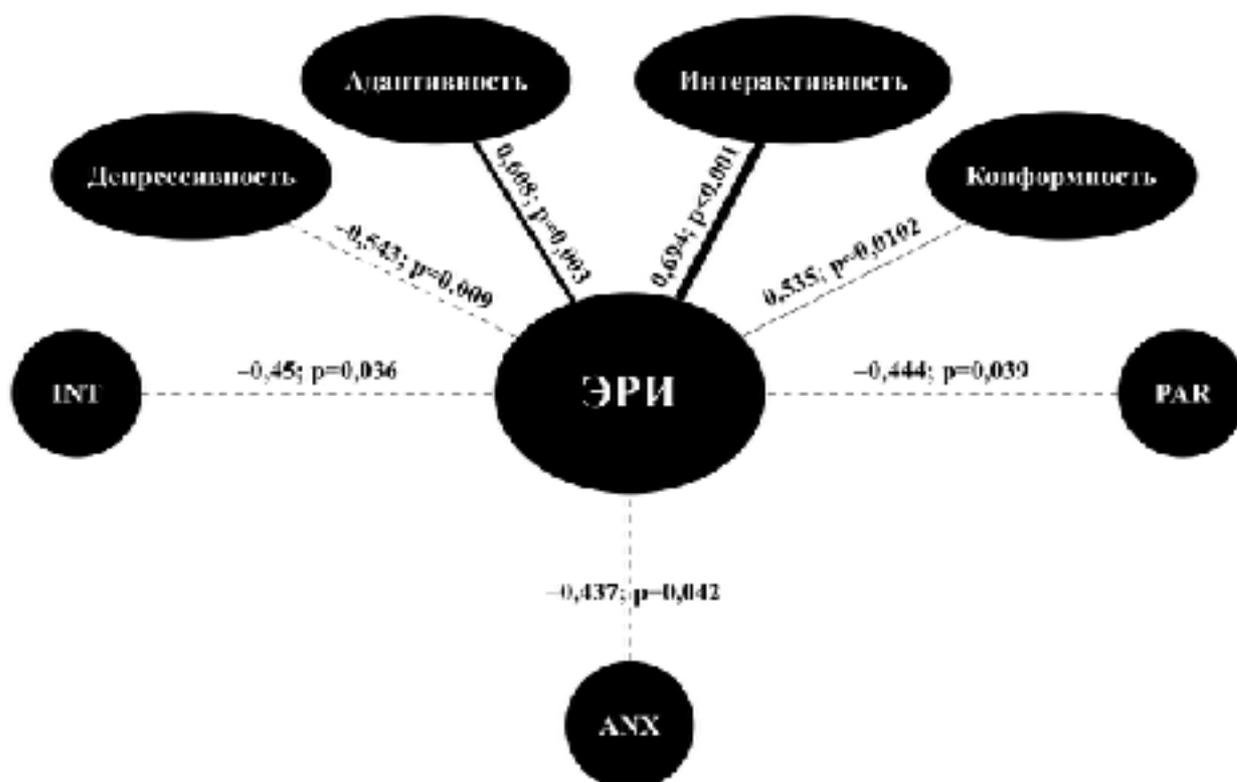
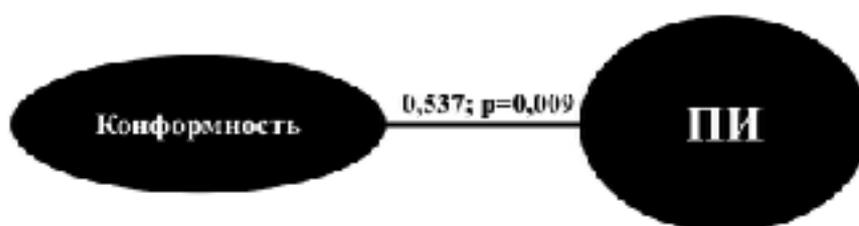

Рисунок 30 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы интеллектуальной пластичности со шкалами теста Янковского (иностранные испытуемые).

Корреляционный анализ выборки в целом показал следующие результаты (см. Приложения 8-10):

1. Шкала интеллектуальной эргичности положительно коррелирует со шкалой адаптивности ($p < 0,001$), отрицательно коррелирует со шкалой депрессивности ($p < 0,01$) и со всеми шкалами SCL-90-R на разных уровнях значимости: со шкалами соматизации и психотизма – на уровне значимости $p < 0,05$; со шкалами депрессии, тревожности, враждебности и фобической тревожности – на уровне значимости $p < 0,01$; со шкалами навязчивостей, межличностной сенситивности, паранойяльности и индексом общей тяжести симптомов GSI – на уровне значимости

$p < 0,001$ (см. Рисунок 31). На общей выборке подтверждается то, что уровень интеллектуальных возможностей связан с чувством принадлежности к новому обществу и личной удовлетворённости, характерных для адаптивного варианта аккультурации. При большем стремлении к умственной деятельности и высоком уровне интеллектуальных возможностей снижена выраженность психопатологической симптоматики. Всё это подтверждает то, что интеллектуальная эргичность способна сыграть роль ресурса аккультурации для мигранта.

2. Шкала психомоторной пластичности положительно коррелирует со шкалой интерактивности на уровне значимости $p < 0,05$ (см. Рисунок 32). Иначе говоря, индивиды, стремящиеся к разнообразию физической деятельности и обладающие гибкостью при переключении между различными формами двигательной активности, более активно входят в новую среду и прибегают к сотрудничеству с окружающими.

Рисунок 31 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы интеллектуальной эргичности со шкалами теста Янковского и SCL-90-R (общая).

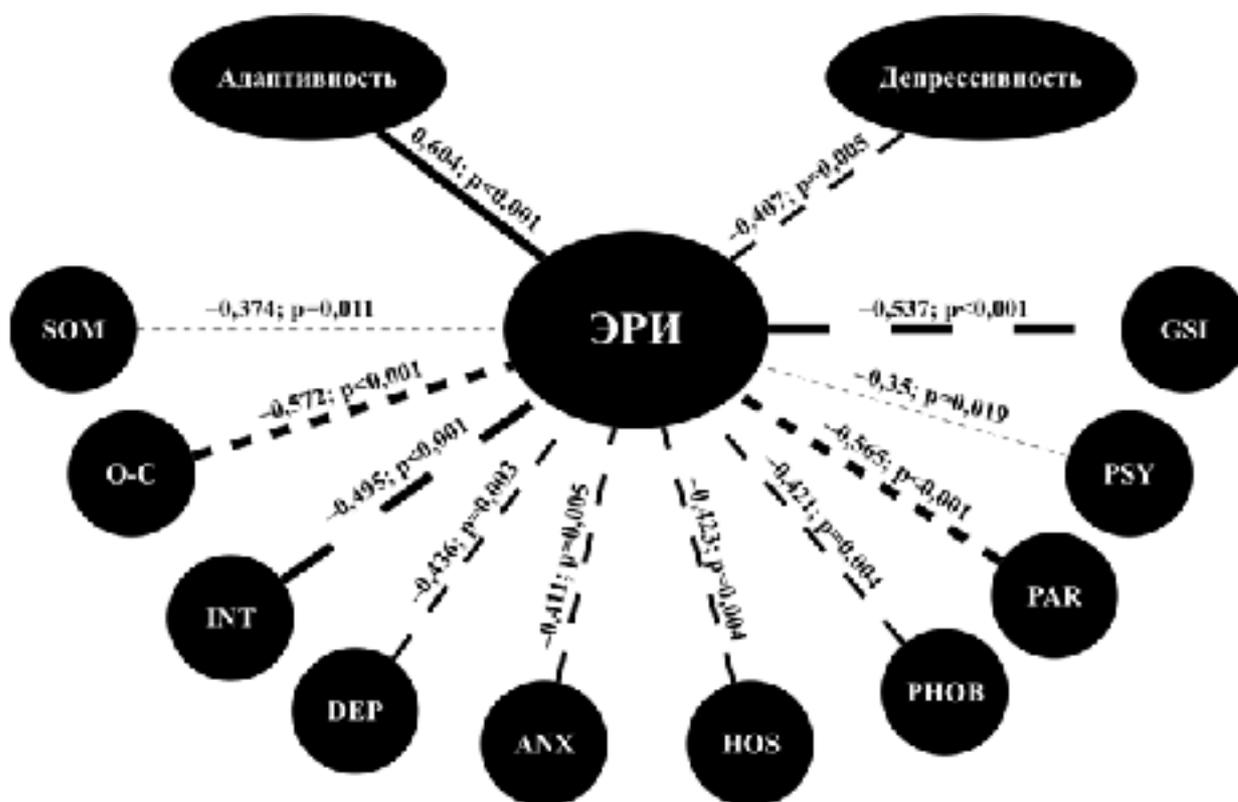
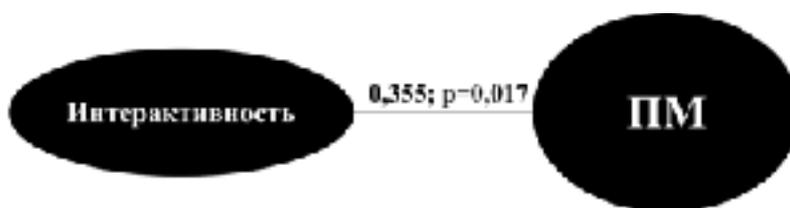
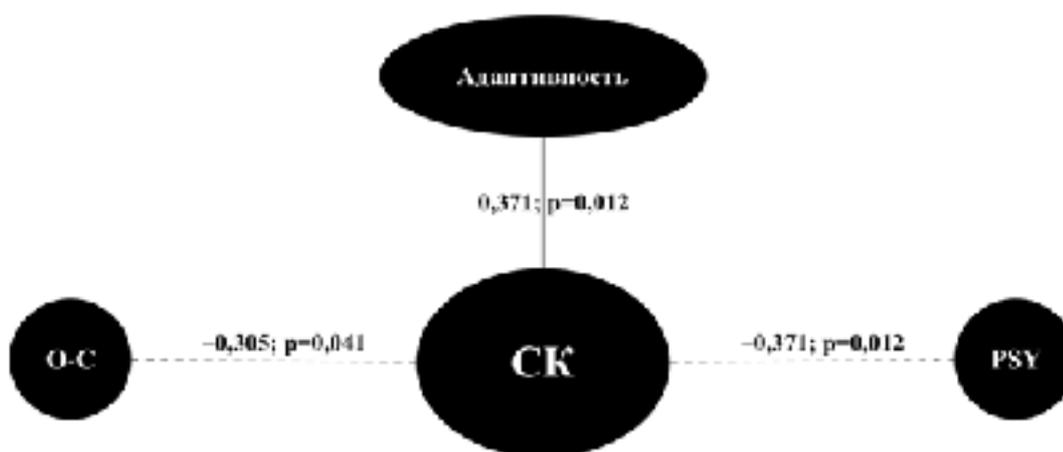

Рисунок 32 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы психомоторной пластичности со шкалами теста Янковского (общая).

3. Шкала коммуникативной скорости положительно коррелирует со шкалой адаптивности ($p<0,05$) и отрицательно коррелирует со шкалами навязчивостей и психотизма ($p<0,05$) (см. Рисунок 33). Это означает, что высокая речевая активность и быстрая вербализация связаны с чувством принадлежности к новой среде и личной удовлетворённости, характерными для адаптивного типа аккультурации. Вполне возможно, что данное утверждение подтверждается связью речевой активности и вербализации с языковыми навыками, необходимыми в процессе адаптации.

Рисунок 33 – Коррелограмма взаимосвязей шкалы психомоторной скорости со шкалами теста Янковского и SCL-90-R.

Таким образом, по результатам корреляционного анализа выборки в целом по показателям активности, выяснилось, что интеллектуальная эргичность является наиболее мощным ресурсом аккультурации, благодаря которому мигранты способны проходить через аккультурационный процесс по адаптивному пути и иметь низкую выраженность психопатологических симптомов.

3.5. Обсуждение результатов исследования.

В исследовании изучалась взаимосвязь формально-динамических свойств индивидуальности с аккультурацией и психосоматическим благополучием русскоязычных мигрантов, проживающих в славянских странах Центрально-Восточной Европы, и иностранных мигрантов, проживающих в России. Анализ свойств темперамента позволит выделить те характеристики индивидуальности, которые вносят вклад в характер и качество аккультурации, проявляя себя либо в роли ресурса, являющегося опорой в процессе адаптации за рубежом, либо в роли фактора, который затрудняет адаптацию и предрасполагает к развитию психопатологической симптоматики. Выявление этих характеристик, в совокупности с патопсихологической диагностикой и определением типа аккультурации, имеет психопрофилактическую ценность, поскольку знание собственных характеристик позволяет регулировать поведение за рубежом таким образом, чтобы качество аккультурации и психическое здоровье улучшались.

Анализ результатов теста адаптации личности к новой социокультурной среде Л. В. Янковского показал, что в обеих группах наиболее распространёнными типами аккультурации являются адаптивный и интерактивный, наименее распространёнными – депрессивный и отчуждённый. Достоверные различия между группами по типам аккультурации не были выявлены. Для данных групп мигрантов в большей степени свойственно сотрудничество с другими людьми, активное вхождение в инокультурную среду и чувство личной удовлетворённости и безопасности в новом окружении, что делает картину аккультурации испытуемых достаточно позитивной. Данные, полученные на исследуемой выборке, противоречат результатам исследования А. А. Овчинникова, в котором было выявлено, что у студентов-мигрантов достоверно высокие значения по шкалам интерактивности, отчуждения, депрессивности и ностальгии и низкие значения по шкалам адаптивности и конформности [30].

По результатам исследования психологического и соматического благополучия мигрантов, было выявлено, что иностранные испытуемые демонстрируют более высокие значения по симптоматическим шкалам, чем русскоязычные. В группе иностранцев выявлен большой разброс значений, по сравнению с русскоязычными

мигрантами, что было подтверждено проверкой равенства дисперсий по Ливиню: различия в дисперсиях между группами оказались достоверными по всем шкалам, кроме межличностной сенситивности.

В качестве гипотетических факторов, объясняющих высокий разброс значений в выборке иностранных испытуемых, были предложены культурная специфичность восприятия физического и психического здоровья, а также большая склонность к аггравации у иностранных испытуемых. Обе гипотезы были проверены. Критерий Краскала-Уоллеса показал наличие достоверных различий между культурными подгруппами выборки иностранцев по шкалам навязчивостей и паранойяльности, что частично подтверждает предположение о культурной специфике переживания болезненных состояний и оценке собственного состояния. Между русскоязычной и иностранной группами испытуемых выявлены достоверные различия по шкалам фобической тревожности и психотизма. Поскольку шкала психотизма в силу особенностей построения опросника может свидетельствовать о степени искренности, наличии или отсутствии аггравации, это доказывает, что в выборке иностранных мигрантов наблюдается значимо большее количество испытуемых с возможной аггравацией. Высокий разброс значений по шкалам опросника SCL-90-R также можно объяснить языковыми трудностями у иностранных испытуемых.

Анализ результатов опросника формально-динамических свойств В. М. Русалова показал, что в обеих группах наиболее распространённым общим типом темперамента является неопределённый тип, для которого характерна средняя выраженность исследуемых свойств. Сравнительный анализ шкал и индексов опросника показал, что существуют различия между группами испытуемых по шкалам интеллектуальной эргичности и коммуникативной скорости. Поскольку различия по данным шкалам не оказывают влияния на общую картину эмоциональности, активности и адаптивности, можно заключить, что статистически значимые различия в темпераменте в целом не выявляются.

Корреляционный анализ позволил определить, что эмоциональность (чувствительность, ранимость) во всех исследуемых сферах психической деятельности является фактором, способным направлять процесс аккультурации по ностальгическому и депрессивному пути, снижая при этом вероятность адаптивного

типа аккультурации, а также положительно коррелирует с выраженностью психопатологической симптоматики по различным шкалам. Наибольшим количеством корреляций обладает коммуникативная эмоциональность. Это означает, что чувствительность к неудачам в общении, раздражительность, неуверенность и беспокойство в ситуациях общения при высокой выраженности предрасполагают к большему разнообразию форм психопатологических проявлений в ситуации дезадаптации.

Психомоторная эмоциональность в наибольшей степени коррелирует со шкалой навязчивостей, по сравнению с эмоциональностью в других сферах (высший уровень значимости $p < 0,001$). Возможно, это связано с тем, что навязчивые действия при обсессивно-компульсивном расстройстве, которые подразумевают психомоторную активность в виде ритуалов, наделяются эмоциональными переживаниями по поводу предполагаемого и реального результатов. Наиболее тесная связь интеллектуальной ($p < 0,01$), психомоторной и коммуникативной ($p < 0,001$) эмоциональности с показателями межличностной сенситивности может считаться закономерной, если сослаться на определение данных шкал в опросниках. По определению Русалова, эмоциональность – это впечатлительность, импульсивность, чуткость к эмоциональным воздействиям и возможному несовпадению осуществляемого действия с запланированным образцом. Межличностная сенситивность определяется чувствами личностной неадекватности и неполноценности, в особенности когда человек сравнивает себя с другими. Самоосуждение, чувство беспокойства и заметный дискомфорт в процессе межличностного взаимодействия характеризуют проявления этого синдрома. Кроме того, индивиды с высокими показателями по межличностной сенситивности сообщают об обостренном чувстве осознания собственного Я и негативных ожиданиях относительно межличностного взаимодействия и любых коммуникаций с другими людьми. Между формулировками можно отметить ряд сходств: «чуткость к возможному несовпадению осуществляемого действия с запланированным образцом» – «негативные ожидания относительно межличностного взаимодействия», «чуткость к эмоциональным воздействиям» – «ранимость, чувство беспокойства, заметный дискомфорт в процессе межличностного взаимодействия» и

др. Как мы видим, понятия эмоциональности и межличностной сенситивности во многом являются смежными, с той разницей, что эмоциональность по Русалову рассматривается как индивидуально-типологическая характеристика, а межличностная сенситивность – как патопсихологическая. Соответственно, высокие показатели эмоциональности могут рассматриваться в качестве предпосылок к формированию межличностной сенситивности.

Полученные данные частично соотносятся с результатами исследования специалистов Челябинского государственного педагогического университета, по согласию которым флегматический и меланхолический темперамент предрасполагают к нарушениям психосоциальной адаптации студентов в вузе [24]. При сопоставлении результатов получается, что, с одной стороны, дезадаптирующая роль меланхолического типа темперамента подтверждает выявленный нами отрицательный вклад высокой эмоциональности в адаптацию к новой среде, но с другой стороны, в основе флегматического темперамента лежит низкий уровень эмоциональности, что уже не соотносится с полученными результатами нашего исследования. Возможно, по результатам челябинского исследования, ключевую роль в нарушении психосоциальной адаптации играет низкий уровень активности, который присущ меланхолическому и флегматическому типам темперамента. Это подтверждается значимой на уровне $p < 0,05$ положительной корреляцией со шкалой адаптивности теста Л. В. Янковского на выборке мигрантов в целом.

Роль высокой эмоциональности также была подтверждена исследованием, проведенным в Японии среди китайских студентов [65]. Его результаты показывают, что такая индивидуально-типологическая характеристика, как избегание опасности (Harm Avoidance), предрасполагает к использованию маргинальной стратегии аккультурации и приводит к психологическому дистрессу [56]. Согласно описанию Клониингера, «harm avoidance» характеризуется чрезмерным беспокойством, пессимизмом, застенчивостью и страхом, что соотносится с определением эмоциональности В. М. Русалова.

Влияние эмоциональности в различных сферах психической деятельности на процесс аккультурации может находить своё выражение в культурном и языковом барьерах. Недостаток знаний о культурных традициях и обычаях общества

принимающей страны способен приводить к казусным ситуациям в виде лингвистических ошибок, ошибок в ритуалах приветствия, прощания, обеда и т.д., выполнения неприемлемых для данной культуры действий (поглаживание по голове в буддистских странах, активное использование левой руки в мусульманской культурной среде и пр.). Мигранты с высокими показателями эмоциональности могут более остро воспринимать подобные ситуации, развивая тем самым беспокойство относительно культурных различий.

Классическим примером, иллюстрирующим влияние коммуникативной эмоциональности на процесс аккультурации, является языковой барьер. При высоких показателях эмоциональности в данной сфере, у такого мигранта возможно формирование негативных ожиданий относительно коммуникации с населением принимающей страны, которые выражаются в виде страха совершить ошибку при разговоре и/или не понять слова собеседника. Если мигрант не стремится преодолеть дискомфорт при общении с гражданами принимающей страны, то он рискует затормозить развитие навыков владения их языком, что является необходимым элементом успешной аккультурации.

Следует отметить более низкое количество корреляций с показателями эмоциональности, выявленных в выборке иностранных испытуемых. Для уточнения вклада эмоциональности в аккультурацию и психосоматическое благополучие мигрантов необходимо увеличение объёма выборки иностранных испытуемых.

Корреляционный анализ позволил выделить в качестве ведущего ресурса аккультурации интеллектуальную эргичность. Высокий уровень интеллектуальных возможностей и стремление к умственной деятельности способны существенно повысить качество адаптации и минимизировать выраженность психопатологической симптоматики. Также в качестве менее значимых ресурсов аккультурации выявляются психомоторная пластичность и коммуникативная скорость. В найденных нами исследованиях о вкладе интеллектуальной эргичности в качество аккультурации не упоминается, что позволяет нам рассматривать выделенную взаимосвязь в качестве элемента новизны нашего исследования.

Таким образом, полученные результаты являются основанием для подтверждения гипотезы исследования о взаимосвязи особенностей стилевой

организации психики мигранта с качеством его социокультурной адаптации и его психическим и соматическим благополучием в новой среде. Проведённая работа значима тем, что учёт вклада эмоциональности и интеллектуальных возможностей в качество и характер аккультурации позволяет вести коррекционную и профилактическую работу с мигрантами в направлении формирования навыков регуляции эмоционального состояния и использования умственных способностей в качестве ресурса адаптации к новой социокультурной среде.

Заключение

Проблема психосоматического благополучия и качества аккультурации сохраняет свою актуальность. В не последнюю очередь это происходит в связи с увеличением количества миграционных процессов в Российской Федерации с каждым годом, если сослаться на данные Федеральной службы государственной статистики. Принимающие государства заинтересованы в том, чтобы мигранты не только обладали набором компетенций, необходимых для осуществления трудовой деятельности на предоставляемой территории, но и были здоровы в ментальном и физическом отношении. В исследованиях существуют противоречивые данные относительно показателей здоровья мигрантов: одни специалисты выделяют «эффект здорового иммигранта», другие – оспаривают и опровергают существование данного эффекта и выделяют противоположный.

Влияние темперамента на успешность аккультурации и психосоматическое благополучие мигрантов на сегодняшний день изучено недостаточно, несмотря на то что, согласно принципам биопсихосоциальной концепции, это влияние гипотетически должно иметь место. В связи с этим вышеперечисленным было принято решение изучить влияние особенностей стилевой организации психики (темперамента) мигрантов на адаптацию к новой социокультурной среде и их психосоматическое благополучие. Для достижения сформулированной цели исследования были поставлены следующие эмпирические задачи:

- 1) организовать и провести исследование формально-динамических свойств, психосоматического благополучия и состояния адаптации к новой социокультурной среде у русскоязычных мигрантов в славянских странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ: Чехия, Словакия, Польша, Болгария и страны бывшей Югославии) и мигрантов, прибывших в Россию из других стран, не входящих в СНГ;

- 2) изучить наличие или отсутствие взаимосвязей между формально-динамическими свойствами индивидуальности, её психосоматическим благополучием и качеством адаптации к новой социокультурной среде.

По результатам исследования выяснилось, что наибольшую распространённость в обеих исследуемых группах имеют адаптивный и конформный типы адаптации к новой среде. Наиболее распространённым типом темперамента является неопределённый тип. Среднегрупповые показатели выраженности психопатологической симптоматики не выходят за пределы низких значений. Сравнительный анализ показал, что в распространённости типов аккультурации достоверных различий между группами нет. Различия в формально-динамических свойствах индивидуальности между группами наблюдаются в коммуникативной скорости и интеллектуальной эргичности, которые достоверно выше у русскоязычных испытуемых, в общих же показателях активности, эмоциональности и адаптивности статистически значимые различия не наблюдаются.

По результатам корреляционного анализа подтвердилась выдвинутая гипотеза о существовании взаимосвязей между компонентами стилевой организации психики мигранта, выраженностью психопатологической симптоматики и типом адаптации к новой социокультурной среде. В качестве компонентов индивидуальности, вносящих наибольший вклад в качество и характер аккультурации, выступают интеллектуальная эргичность; психомоторная, интеллектуальная и коммуникативная эмоциональность.

Эмоциональность во всех сферах психической деятельности при высокой выраженности проявляет себя в качестве характеристики, затрудняющей адаптацию в новой социокультурной среде, направляющей процесс аккультурации по депрессивному и ностальгическому вариантам. Психопатологические проявления при высокой эмоциональности также становятся более выраженными. Напротив, при высоко выраженной интеллектуальной эргичности наблюдается снижение психопатологической симптоматики, а процесс аккультурации направлен по адаптивному типу.

Результаты нашего исследования могут быть использованы для разработки новых программ психологического сопровождения адаптации выходцев из другой культурной среды, совершенствования методов психопрофилактики нарушений психосоматического здоровья и психологического просвещения в изучаемой

области. Наше исследование показало, что мишенями психокоррекционной и психотерапевтической работы с мигрантами являются: психомоторная, интеллектуальная и коммуникативная эмоциональность. Интеллектуальные возможности индивида, в частности – интеллектуальная эргичность, выступают как ресурс повышения качества аккультурации.

Дальнейшая исследовательская работа может быть направлена на вовлечение большего количества испытуемых и проверка выдвинутой гипотезы на большем объёме выборки. В качестве другого направления работы выделяется корректировка диагностического инструментария, особенно важным компонентом которой является валидизация опросника «Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест Л. В. Янковского)» для проведения исследования на группах мигрантов конкретных национальностей. Работа над методиками исследования позволит минимизировать количество методологических ошибок при проведении дальнейшей исследовательской работы.

Дополнительно может проводиться работа в исследовании не только влияния темперамента на качество аккультурации, но и других факторов, таких как способ миграции (высшее образование, бракосочетание, предпринимательство и др.), мотивационная структура личности и т.п. Так как проблема аккультурации и здоровья мигрантов не теряет своей актуальности, существует ещё множество сторон и подходов, с которых её можно рассматривать и искать способы решения. И клиническая психология наряду с другими областями знаний также должна занимать своё место в структуре изучения данной проблемы.

Выводы

1.1. Анализ теоретических представлений о проблеме социокультурной адаптации и психосоматического благополучия индивида при жизни за рубежом и возможных вариантах её решения показал, что большинство исследований фиксируют наличие стресса аккультурации, который включает в себя как соматические, так и психические изменения у мигранта. Вместе с тем, существует ряд исследований, которые выделяют «эффект здорового иммигранта», при котором качество здоровья мигрантов превышает качество здоровья населения принимающей страны. В связи с этим, актуальность проблемы изучения факторов успешной аккультурации и психосоматического благополучия мигрантов сохраняется в настоящий момент.

1.2. Обзор исследований, обосновывающих наличие либо отсутствие вклада особенностей стилевой организации психики в социокультурную адаптацию за рубежом показал, что вклад формально-динамических свойств индивидуальности в адаптацию личности мало изучен. Имеющиеся единичные исследования свидетельствуют, что такие стилевые черты, как ранимость, застенчивость и повышенное беспокойство нарушают психологическое благополучие мигрантов при аккультурации.

2.1. В нашем исследовании установлено, что:

2.1.1. Наиболее распространёнными типами адаптации к новой социокультурной среде в выборках русскоязычных и иностранных испытуемых являются интерактивный и адаптивный типы. Достоверные различия между группами в распространённости типов и уровням адаптации не выявлены.

2.1.2. Средняя выраженность психопатологической симптоматики у обеих групп мигрантов находится в пределах низких значений. Вместе с тем, показатели выраженности проявлений симптомов фобической тревожности ($p < 0,05$) и психотизма ($p < 0,01$) достоверно выше в группе иностранных испытуемых.

2.1.3. Наиболее распространённым типом темперамента в обеих группах мигрантов является неопределённый тип. Интеллектуальная эргичность ($p < 0,05$) и коммуникативная скорость ($p < 0,01$) достоверно выше у русскоязычных испытуемых.

2.2. Анализ взаимосвязей свойств темперамента с типами аккультурации и выраженностью психопатологической симптоматики показал, что:

2.2.1. Психомоторная, коммуникативная и интеллектуальная эмоциональность при высокой выраженности способна ухудшать эффективность аккультурации, направляя её по депрессивному и ностальгическому пути, и предрасполагать к формированию психопатологических симптомов. На это указывают:

Прямые корреляционные взаимосвязи психомоторной эмоциональности с ностальгическим и депрессивным типами адаптации к новой социокультурной среде, с симптоматическими шкалами навязчивостей, межличностной сенситивности, депрессии, тревожности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльности и психотизма, а также отрицательная корреляционная взаимосвязь с адаптивным типом адаптации.

Прямые корреляционные взаимосвязи интеллектуальной эмоциональности с депрессивным типом адаптации, с симптоматическими шкалами навязчивостей, межличностной сенситивности и депрессии, а также отрицательная корреляционная взаимосвязь с адаптивным типом адаптации.

Прямые корреляционные взаимосвязи коммуникативной эмоциональности с ностальгическим и депрессивным типами адаптации к новой социокультурной среде, с симптоматическими шкалами соматизации, навязчивостей, межличностной сенситивности, депрессии, тревожности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльности и психотизма, а также отрицательная корреляционная взаимосвязь с адаптивным типом адаптации.

2.2.2. Интеллектуальная эргичность выступает как ресурс аккультурации. На это указывают отрицательные корреляционные взаимосвязи с депрессивным типом адаптации, с симптоматическими шкалами соматизации, навязчивостей, межличностной сенситивности, депрессии, тревожности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльности и психотизма, а также положительная корреляционная взаимосвязь с адаптивным типом адаптации.

Практические рекомендации

Данные, полученные по результатам проведённого исследования, могут быть полезны психологам, специализирующимся по работе с мигрантами, при составлении программ психологической коррекции и профилактики, а также в консультационной и терапевтической работе.

В качестве психокоррекционных мишеней при разработке программ следует выделить такие свойства индивидуальности, как психомоторная, интеллектуальная и коммуникативная эмоциональность. Интеллектуальная эргичность выступает как ресурс аккультурации.

Так как перечисленные свойства являются стабильными характеристиками, в индивидуальной работе с клиентом-мигрантом рекомендуется сделать акцент в первую очередь на формировании осознания наличия у него этих характеристик. Это осознание может быть достигнуто в том числе с помощью диагностики темперамента, благодаря которой клиент способен узнать, какими свойствами индивидуальности он обладает в наибольшей степени выраженности. Это в дальнейшем позволит ему отмечать, как выявленные свойства влияют на ситуации в его повседневной жизни: в каких ситуациях эти свойства ему помогают преодолевать трудности, то есть играют роль ресурсов, в каких – оказывают деструктивное влияние. На основе полученных знаний клиент сможет научиться регулировать своё поведение и эмоциональное состояние в стрессовых ситуациях, которые возникают в процессе аккультурации.

Для специалистов-психологов, работающих в подразделениях учебных заведений, которые занимаются адаптацией и сопровождением иностранных студентов, особенно актуальны методы групповой психокоррекционной работы. В соответствии с полученными результатами исследования, тренинги коммуникативной компетентности также полезны в работе с мигрантами (особенно в поликультурных группах), поскольку клиенты будут преодолевать культурные и языковые барьеры и формировать навыки межкультурного общения, что

способствует повышению уверенности и снижению эмоционального напряжения в ситуациях общения.

Таким образом, как в групповой, так и в индивидуальной работе специалисту-психологу для работы с мигрантами наряду с учётом социальных, культурных и конфессиональных различий, языковых возможностей клиентов, необходимо принимать во внимание стилевые особенности организации их психики, в частности – психомоторные, интеллектуальные и коммуникативные аспекты эмоциональности и интеллектуальную эргичность.

Список литературы

1. Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест Л. В. Янковского) // Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. / В. А. Сонин. – СПб., 2004. – С. 206-211.

2. Анненкова, Н.В. Особенности адаптации студентов первого курса в зависимости от типа темперамента / Н. В. Анненкова., Е.В. Камнева, Ю.С. Обухова // Формирование общекультурных и профессиональных компетенций финансиста: сборник научных трудов студентов, аспирантов и преподавателей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Выпуск четвертый. – М.: Спутник +, 2014. – С. 6-14.

3. Баранов, А. С. Мигранты-студенты и студенты-мигранты: адаптация инокультурных студентов в российских вузах / А. С. Баранов // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2017. – № II-2 (30). – С. 83-88.

4. Большунова, Н. Я. Социокультурная составляющая современной практики психологической помощи / Н. Я. Большунова // Психологическая наука и образование. – 2014. – № 1. – С. 220-228.

5. Будук-Оол, Л. К.-С. Индивидуально-типологические особенности адаптации студентов тувинской и русской национальности к обучению в вузе / Л. К.-С. Будук-Оол, Р. И. Айзман // Экология человека. – 2009. – № 2. – С. 32-38.

6. Будук-Оол, Л. К.-С. Этнические особенности психосоциальной адаптации студентов к обучению в вузе / Л. К.-С. Будук-Оол // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 6 (108). – С. 176-180.

7. Булгаков, А. В. Психология межгрупповой адаптации. Курс лекций / А. В. Булгаков – М., 2007.

8. Виноградова, Е. М. Модель психологического сопровождения адаптации детей из инокультурной среды в поликультурном образовательном пространстве / Е. М. Виноградова, Е. М. Филакова, Ю. А. Шабатина. // 3-я Всероссийская научно-

практическая конференция «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития»: сборник статей / Московский городской психолого-педагогический университет. — М., 2011. — С. 27-28.

9. Волобуева, Н. А. К вопросу о социокультурной адаптации детей и подростков из семей беженцев и вынужденных переселенцев / Н. А. Волобуева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — Том 3, № 11. — С. 191-193.

10. Гриценко, В. В. Теоретические основы исследования социально-психологической адаптации личности/группы в новой социо- и этнокультурной среде [Электронный ресурс] / В. В. Гриценко // Проблемы социальной психологии личности: сборник научных трудов / Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. — Саратов, 2008. — Режим доступа: http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30303_full.shtml

11. Гришина, Е. А. Исследование динамики эмоциональных состояний личности в условиях временной кросс-культурной миграции / Е. А. Гришина // 3-я Всероссийская научно-практическая конференция «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития»: сборник статей / Московский городской психолого-педагогический университет. — М., 2011. — С. 34-35.

12. Гуляева, А. Н. Социокультурная адаптация детей мигрантов / А. Н. Гуляева // Психологическая наука и образование. — 2010. — № 5. — С. 158-167.

13. Демографический ежегодник России, 2017: стат. сб. [Электронный ресурс] / Федер. служба гос. статистики (Росстат). — Офиц. изд. — М., 2017. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312

14. Зборовский, Г. Е. Обучение детей мигрантов в Великобритании: образовательная политика и реалии повседневных практик / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина // Известия Уральского федерального университета. — 2016. — Том 146, № 1. — С. 159-168.

15. Игнатова, И. Б. Культурный шок и пути его преодоления иностранными студентами / И. Б. Игнатова, В. Г. Бурькина // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. — 2010. — Том 16, № 4. — С. 236-239.

- 16.Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. – М.: Логос, 1996. – 280 с.
- 17.Казин, Э. М. Концептуальные подходы к проблеме социализации, адаптации и здоровья учащихся в теории и практике психологии и педагогики / Э. М. Казин, Ю. А. Птахина, О. Г. Красношлыкова // Научно-практический журнал «Валеология». – 2016. – № 2. – С. 24-31.
- 18.Кашпур, В. В. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (томский кейс) / В.В. Кашпур, И.Г. Поправко // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 354. – С. 88-93.
- 19.Киценко, Н. А. Миграция и здоровье населения России / Н. А. Киценко // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2015. – Том 20, № 2 (155). – С. 62-65.
- 20.Кузнецова, И. Б. Здоровье мигрантов как социальная проблема / И. Б. Кузнецова, Л. М. Мухарямова, Г. Г. Вафина // Казанский медицинский журнал. – 2013. – Том 94. № 3. – С. 367-372.
- 21.Куулар, Ш. В. Психофизиологические особенности студентов с разным типом стратегии поведения в конфликтных ситуациях / Ш. В. Куулар, Л. К. Будук-оол // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2017. – Том 7. № 5. – С. 67-80.
- 22.Либакова, Н.М. Аккультурационный стресс и технологии его преодоления / Н. М. Либакова // Социодинамика. — 2016. – № 2. – С. 89-97.
- 23.Лукашевич, Р. А. Взаимосвязь типа темперамента и уровня социальной адаптации студентов / Р. А. Лукашевич, Е. В. Литвинова // Амурский государственный университет.
- 24.Мальцев В.П. Особенности психосоциальной адаптации студенток коренного и пришлого населения / Мальцев В.П., Суюндикова Ж.Т. // Nauka: teoria i praktyka – 2013 : materialy IX miedzynar. nauk.-prakt. konf., 07-15 sierpnia 2013 r. – Przemysl, 2013. – Vol. 6: Pedagogiczne nauki. Psychologia i socjologia. – S. 88-92.
- 25.Мельникова, Н. Н. Процесс социально-психологической адаптации. Подходы к изучению / Н. Н. Мельникова // Теоретическая, экспериментальная и прикладная психология: сборник научных трудов под ред. Н. А. Батурина. – Челябинск: ЮУрГУ, 1998. – Том 1. – С. 31-49.

26. Накохова, Р. Р. Сформированность этнической идентичности как фактор формирования гражданской идентичности / Р. Р. Накохова // 4-я Всероссийская научно-практическая конференция «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития»: сборник материалов / Московский городской психолого-педагогический университет. — М., 2013. — С. 59-69.

27. Налчаджян, А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии / А. А. Налчаджян. — М.: Эксмо, 2010. — 368 с.

28. Никтофобия: преодолеваем страх темноты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fobiya.info/strah-lyudej/sotsiofobiya>

29. Овчинников, А. А. Особенности психологической адаптации студентов-мигрантов: психосоматические проблемы / А. А. Овчинников, А. Н. Султанова // Медицина и образование в Сибири. — 2014. — № 3.

30. Овчинников, А. А. Сравнительный анализ психологического благополучия и стратегий адаптации студентов-мигрантов и студентов титульного этноса / А. А. Овчинников, А. Н. Султанова // Медицина и образование в Сибири. — 2014. — № 4.

31. Овчинников, А. А. Сравнительный анализ уровня самоотношения, самооценки и успешности адаптации студентов-мигрантов и российских студентов / А. А. Овчинников, А. Н. Султанова // Медицина и образование в Сибири. — 2014. — № 3.

32. Профессиональная (независимая) категория иммиграции (Skilled Workers) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.canada.ru/imm/kinds/>

33. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение (ознакомительный фрагмент) / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин // — М.: ФЛИНТА, 2016. — 47 с.

34. Рамзаева, Е. Н. Актуальность социокультурной адаптации учащихся из малонаселенных пунктов к субкультуре мегаполиса / Рамзаева, Е. Н. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2016. — № 2 (106). — С. 45-49.

35. Ростовцева, М. В. Основные подходы к исследованию адаптивности личности / М. В. Ростовцева, А. А. Машанов // Вестник КрасГАУ. — 2012. — № 7. — С. 191-195.

36. Румянцева, П. В. Проявления кризиса этнической идентичности у русскоговорящих иммигрантов в Финляндии / П. В. Румянцева // 3-я Всероссийская научно-практическая конференция «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития»: сборник статей / Московский городской психолого-педагогический университет. — М., 2011. — С. 93-94.

37. Русалов, В. М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ): методическое пособие. / В. М. Русалов // — М., 1997.

38. Самсонова, М. С. Стратегии совладающего поведения при адаптации к инокультурному окружению / М. С. Самсонова // Психологическая наука и образование. — 2013. — № 4. — С. 222-229.

39. Смолина, Т. Л. Симптомы культурного шока: обзор и классификация / Т. Л. Смолина // Психологическая наука и образование. — 2012. — № 3. — С. 1-10.

40. Солдатова, О. Г. Психосоматические корреляции в механизмах адаптационных реакций у лиц разного возраста: автореф. дис. ... д-р мед. наук / О. Г. Солдатова // Томск, 2008. — 36 с.

41. Социофобия: избавляемся от страха социальных действий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fobiya.info/strah-lyudej/sotsiofobiya>

42. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология. — М.: Академический проект, 1999. — С. 279-300.

43. Стукалин, Е. Б. Статистическое исследование гендерной асимметрии в здоровье населения России: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Е. Б. Стукалин // СПб., 2014. — 18 с.

44. Тарабрина, Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н. В. Тарабрина // СПб: Питер, 2001. — С. 146-181.

45. Требования к состоянию здоровья кандидатов на получение визы в Австралию [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rospersonal.ru/immigration/immigraciya_v_avstraliyu/trebovaniya_k_sostoyaniyu_zdorov_ya/

46. Урманцев, Ю. А. Природа адаптации (системная экспликация) / Ю. А. Урманцев // Вопросы философии. — 1998. — № 12.

47. Усова, Н. В. Совладающее поведение в ситуации добровольной миграции / Н. В. Усова // Известия Саратовского университета. – 2016. – Том 16, № 1. – С. 95-99.

48. Хазова, С. А. Темперамент в трудных жизненных ситуациях / С. А. Хазова // Психология и практика: сборник научных статей / под. ред Т. Л. Крюковой, С. А. Хазовой. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – С. 32-43.

49. Чиркина, Р. В. Ресурсы социализации детей и подростков из семей русскоязычных мигрантов в Германии / Р. В. Чиркина, С. Е. Аруин // Психологическая наука и образование. – 2013. – № 3. – С. 138-148.

50. Шергалиева, М. Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности / М. Т. Шергалиева // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2014. – Том 3. – № 1 (76). – С. 207-211.

51. Шилов, Н. В. Мигрантофобия как фактор риска возникновения межнациональных конфликтов / Н. В. Шилов // Регионология. – 2016. – № 4 (97) – С. 160-169.

52. Шленская, Т. В. Роль религиозной идентичности в процессе адаптации у мигранта. / Т. В. Шленская // 4-я Всероссийская научно-практическая конференция «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития»: сборник материалов / Московский городской психолого-педагогический университет. — М., 2013. — С. 107-108.

53. Экология человека: учеб. для вузов / А. И. Григорьев, В. А. Черешнев, Н. А. Агаджанян, П. И. Сидоров, С. Л. Совершаева, Л. А. Дерягина, Т. В. Гаврилова. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 240 с.

54. Южанин, М. А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу / М. А. Южанин // Социологические исследования. – 2007. – № 5. – С. 70-77.

55. Association between health-related quality of life and being an immigrant among adolescents, and the role of socioeconomic and health-related difficulties / M. Baumann, K. Chau, B. Kabuth et al. // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2014. – No. 11. – P. 1694-1714.

56. Cloninger, C. A psychobiological model of temperament and character / C. Cloninger, D. Svrakic, T. Przybeck // *Archives of General Psychiatry*. – 1993. – Vol. 50, No. 12. – P. 975-990.

57. Daviglus, M. Prevalence of Low Cardiovascular Risk Profile Among Diverse Hispanic/Latino Adults in the United States by Age, Sex, and Level of Acculturation: The Hispanic Community Health Study/Study of Latinos / M. Daviglus, A. Pirzada, R. Durazo-Alvizu et al. // *Journal of American Heart Association*. – 2016. – Vol. 5, No. 8.

58. Farré, L. The Healthy Immigrant Effect: Evidence from the Ecuadorian Exodus / L. Farré // *Journal of Population Economics*. – 2016. – Vol. 29, No. 2. – P. 365-394.

59. Gardini, S. Individual differences in personality traits reflect structural variance in specific brain regions / S. Gardini, R. Cloninger, A. Venneri // *Brain Research Bulletin*. – 2009. – Vol. 79, No. 5. – P. 265-270.

60. General health of foreign-origin groups and native population / N. Ardian, S. S. Mazloomi Mahmoudabad, M. Ardian et al. // *Global Journal of Health Science*. – 2014. – Vol. 6, No. 5. – P. 55-62.

61. Kennedy, S. The healthy immigrant effect and immigrant selection: evidence from four countries / S. Kennedy, J. T. McDonald, N. Biddle // *Journal of International Migration and Integration*. – 2015. – Vol. 16, No. 5. – P. 317-332.

62. Lou, Y. What happens to the “healthy immigrant effect”: the mental health of immigrants to Canada / Y. Lou, R. Beaujot // *PSC Discussion Papers Series*. – 2005. – Vol. 19, No. 15.

63. Panicacci, A. ‘A voice from elsewhere’: acculturation, personality and migrants’ self-perceptions across languages and cultures / A. Panicacci, J.-M. Dewaele // *International Journal of Multilingualism*. – 2017. – Vol. 14., No. 4. – P. 419-436.

64. Rolland, L. Multilingualism and psychotherapy: exploring multilingual clients’ experiences of language practices in psychotherapy / L. Rolland, J.-M. Dewaele, B. Costa // *International Journal of Multilingualism*. – 2017. – Vol. 14., No. 1. – P. 69-85.

65. Sun, Y. The adaptation of Chinese students in Japan: Mediator and Moderator factors between their personality and mental health / Y. Sun // *Recent Advances: Cross-cultural Adaptation and Well-being / The Japanese Association of Health Psychology*. – 2017. – P. 10-11.

66.Szkup, M. Analiza stresu związanego z akulturacją oraz strategii radzenia sobie ze stresem wśród studentów English Program Pomorskiego Uniwersytetu Medycznego w Szczecinie / M. Szkup, P. Polakiewicz, D. Schneider-Matyka i in. // Problemy Pielęgniarstwa. – 2014. – Tom 22, Nr 1. – 74-81.

67.Tychmanowicz, A. Transmisja wartości w rodzinach migrantów / A. Tychmanowicz, A. Goździewicz, B. Zarzycka // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, sectio J – Paedagogia-Psychologia. – Lublin-Polonia, 2013. – Tom 26, Nr 1-2. – 89-99.

Приложения

Приложение 1.

Статистика U-критерия Манна-Уитни по шкалам теста Л. В. Янковского (русскоязычные и иностранные испытуемые).

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение Адаптивность является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна–Уитни для независимых выборок	,283	Нулевая гипотеза принимается.
2	Распределение Конформность является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна–Уитни для независимых выборок	,527	Нулевая гипотеза принимается.
3	Распределение Интерактивность является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна–Уитни для независимых выборок	,477	Нулевая гипотеза принимается.
4	Распределение Депрессивность является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна–Уитни для независимых выборок	,056	Нулевая гипотеза принимается.
5	Распределение Ностальгия является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна–Уитни для независимых выборок	,972	Нулевая гипотеза принимается.
6	Распределение Отчуждённость является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна–Уитни для независимых выборок	,394	Нулевая гипотеза принимается.

Вводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Приложение 2.

Статистика F-критерия равенства дисперсий Ливиня по симптоматическим шкалам SCL-90-R (русскоязычные и иностранные испытуемые).

Критерий однородности дисперсий				
	Статистика Ливиня	ст.св.1	ст.св.2	Значимость
Соматизация	13,793	1	43	0,001
Навязчивости	8,932	1	43	0,005
Сенситивность	0,047	1	43	0,829
Депрессия	5,668	1	43	0,022
Тревожность	14,412	1	43	0,000
Враждебность	7,903	1	43	0,007
Фоб.тревожность	20,673	1	43	0,000
Паранойяльность	4,323	1	43	0,044
Психотизм	38,502	1	43	0,000
GSI	13,640	1	43	0,001

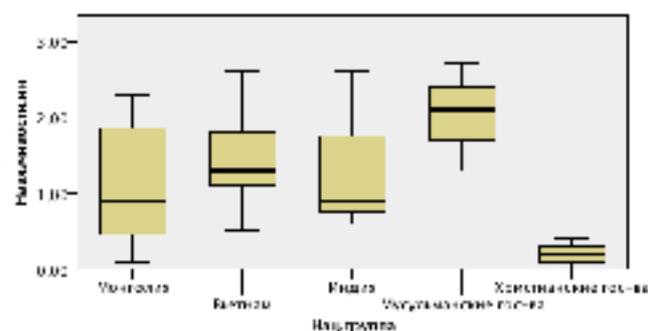
Приложение 3.

Статистика Н-критерия Краскала-Уоллиса по симптоматическим шкалам SCL-90-R (иностранные испытуемые).

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение Соматизации не является одинаковым для категорий Нац. группа.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,206	Нулевая гипотеза принимается.
2	Распределение Невязности не является одинаковым для категорий Нац. группа.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,041	Нулевая гипотеза отклоняется.
3	Распределение Стенитивности не является одинаковым для категорий Нац. группа.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,205	Нулевая гипотеза принимается.
4	Распределение Депрессии не является одинаковым для категорий Нац. группа.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,158	Нулевая гипотеза принимается.
5	Распределение Тревожности не является одинаковым для категорий Нац. группа.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,074	Нулевая гипотеза принимается.
6	Распределение Враждебности не является одинаковым для категорий Нац. группа.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,162	Нулевая гипотеза принимается.
7	Распределение фоб. тревожности не является одинаковым для категорий Нац. группа.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,082	Нулевая гипотеза принимается.
8	Распределение Паранойяльности не является одинаковым для категорий Нац. группа.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,042	Нулевая гипотеза отклоняется.
9	Распределение Психоземии не является одинаковым для категорий Нац. группа.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,387	Нулевая гипотеза принимается.
10	Распределение GSI не является одинаковым для категорий Нац. группа.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,120	Нулевая гипотеза принимается.

Выданы асимптотические значения. Уровни значимости равны ,05.

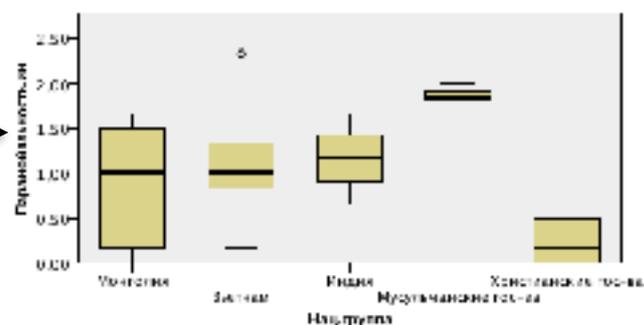
Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок

Всего	22
Статистика критерия	9,971
Степени свободы	4
Асимптотич. знач. (2-сторонний критерий)	,041

1. Статистика критерия скорректирована на наличие связей.

Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок

Всего	22
Статистика критерия	9,900
Степени свободы	4
Асимптотич. знач. (2-сторонний критерий)	,042

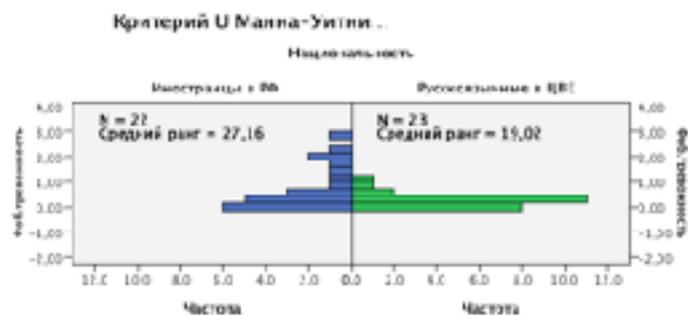
1. Статистика критерия скорректирована на наличие связей.

Приложение 4.

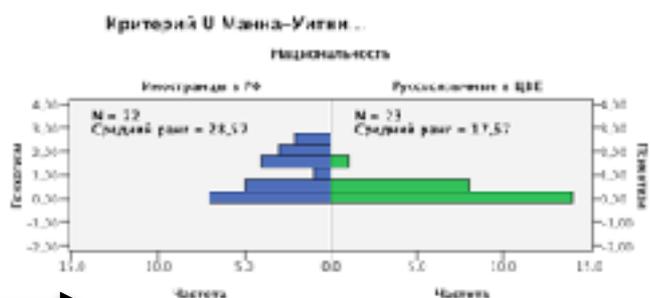
Статистика U-критерия Манна-Уитни по симптоматическим шкалам SCL-90-R.

	Нулевая гипотеза	Критерий	Знач.	Решение
1	Распределение Соматизация является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,110	Нулевая гипотеза принимается.
2	Распределение Навязчивости является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,195	Нулевая гипотеза принимается.
3	Распределение Сенситивность является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,365	Нулевая гипотеза принимается.
4	Распределение Депрессия является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,422	Нулевая гипотеза принимается.
5	Распределение Тревожность является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,129	Нулевая гипотеза принимается.
6	Распределение Враждебность является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,175	Нулевая гипотеза принимается.
7	Распределение фоб. тревожность является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,014	Нулевая гипотеза отклоняется.
8	Распределение Паранойяльность является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,171	Нулевая гипотеза принимается.
9	Распределение Психотизм является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,005	Нулевая гипотеза отклоняется.
10	Распределение OSI является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,122	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значения. Уровень значимости равен ,05.

Всего	45
U Манна-Уитни	344,500
W Уилкоксона	597,500
Статистика критерия	544,500
Стандартная ошибка	43,228
Стандартизованная статистика критерия	2,117
Асимптотич. знач. (2-сторонний критерий)	,014

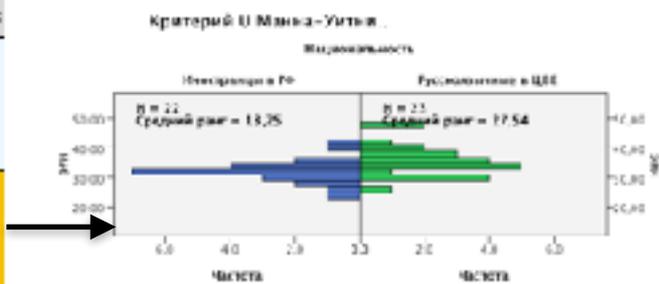

Всего	45
U Манна-Уитни	175,500
W Уилкоксона	628,500
Статистика критерия	175,500
Стандартная ошибка	43,625
Стандартизованная статистика критерия	2,008
Асимптотич. знач. (2-сторонний критерий)	,005

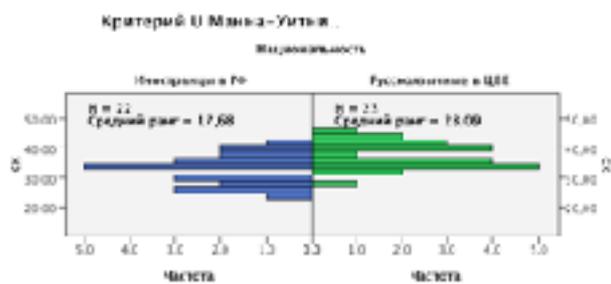
Приложение 5.

Статистика U-критерия Манна-Уитни по шкалам ОФДСИ В. М. Русалова.

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значение	Решение
1	Распределение ЭРМ является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,480	Нулевая гипотеза принимается.
2	Распределение ЭПМ является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,017	Нулевая гипотеза отклоняется.
3	Распределение ЭРК является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,775	Нулевая гипотеза принимается.
4	Распределение ПМ является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,522	Нулевая гипотеза принимается.
5	Распределение ПИ является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,503	Нулевая гипотеза принимается.
6	Распределение ПК является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,269	Нулевая гипотеза принимается.
7	Распределение СМ является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,727	Нулевая гипотеза принимается.
8	Распределение СИ является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,584	Нулевая гипотеза принимается.
9	Распределение СК является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,008	Нулевая гипотеза отклоняется.
10	Распределение ЭМ является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,838	Нулевая гипотеза принимается.
11	Распределение ЭИ является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,685	Нулевая гипотеза принимается.
12	Распределение ЭК является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий U Манна-Уитни для независимых выборок	,633	Нулевая гипотеза принимается.

Всего	43
U Манна-Уитни	118,500
W Уилкоксона	101,500
Статистика критерия	118,500
Стандартная ошибка	41,791
Стандартизованная статистика критерия	1,346
Асимптотич. знач. (2-сторонняя критерий)	,017

Всего	43
U Манна-Уитни	116,300
W Уилкоксона	100,300
Статистика критерия	116,300
Стандартная ошибка	41,941
Стандартизованная статистика критерия	1,343
Асимптотич. знач. (2-сторонняя критерий)	,008

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Приложение 6.

Таблица корреляционных взаимосвязей индексов психомоторной, интеллектуальной, коммуникативной и общей активности, общей эмоциональности и общей адаптивности со шкалами теста Л. В. Янковского.

Корреляции														
			ИПА	ИИА	ИКА	ИОА	ИОЭ	ИОАД	Адаптивность	Конформность	Интерактивность	Депрессивность	Ностальгия	Отчужденность
Ро Спирмена	ИПА	Коэффициент корреляции	1,000	,377*	,394**	,745**	-0,092	,642**	0,225	0,230	,334*	-0,138	-0,045	0,065
		Знач. (двухсторонняя)	.	0,011	0,007	0,000	0,547	0,000	0,137	0,129	0,025	0,365	0,770	0,671
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ИИА	Коэффициент корреляции	,377*	1,000	,482**	,739**	-,501**	,797**	,361*	0,187	0,054	-0,075	-0,203	-0,080
		Знач. (двухсторонняя)	0,011	.	0,001	0,000	0,000	0,000	0,015	0,220	0,727	0,622	0,180	0,601
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ИКА	Коэффициент корреляции	,394**	,482**	1,000	,811**	0,027	,675**	0,178	0,101	0,177	0,019	0,108	-0,257
		Знач. (двухсторонняя)	0,007	0,001	.	0,000	0,859	0,000	0,241	0,511	0,246	0,900	0,481	0,088
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ИОА	Коэффициент корреляции	,745**	,739**	,811**	1,000	-0,227	,910**	,314*	0,226	0,286	-0,097	-0,053	-0,105
		Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,000	.	0,134	0,000	0,035	0,136	0,057	0,526	0,728	0,492
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ИОЭ	Коэффициент корреляции	-0,092	-,501**	0,027	-0,227	1,000	-,569**	-,412**	-0,174	0,008	,481**	,400**	0,199
		Знач. (двухсторонняя)	0,547	0,000	0,859	0,134	.	0,000	0,005	0,253	0,957	0,001	0,007	0,191
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ИОАД	Коэффициент корреляции	,642**	,797**	,675**	,910**	-,569**	1,000	,443**	0,283	0,205	-0,287	-0,209	-0,170
		Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,002	0,060	0,177	0,056	0,169	0,266
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Адаптивность	Коэффициент корреляции	0,225	,361*	0,178	,314*	-,412**	,443**	1,000	,578**	,468**	-,560**	-0,166	-,295*

		Знач. (двухсторонняя)	0,137	0,015	0,241	0,035	0,005	0,002	.	0,000	0,001	0,000	0,276	0,049
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Конформность	Коэффициент корреляции	0,230	0,187	0,101	0,226	-0,174	0,283	,578**	1,000	,555**	-,296*	0,037	-0,129
		Знач. (двухсторонняя)	0,129	0,220	0,511	0,136	0,253	0,060	0,000	.	0,000	0,049	0,810	0,399
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Интерактивность	Коэффициент корреляции	,334*	0,054	0,177	0,286	0,008	0,205	,468**	,555**	1,000	-,382**	0,191	0,001
		Знач. (двухсторонняя)	0,025	0,727	0,246	0,057	0,957	0,177	0,001	0,000	.	0,010	0,208	0,994
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Депрессивность	Коэффициент корреляции	-0,138	-0,075	0,019	-0,097	,481**	-0,287	-,560**	-,296*	-,382**	1,000	0,112	,397**
		Знач. (двухсторонняя)	0,365	0,622	0,900	0,526	0,001	0,056	0,000	0,049	0,010	.	0,462	0,007
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Ностальгия	Коэффициент корреляции	-0,045	-0,203	0,108	-0,053	,400**	-0,209	-0,166	0,037	0,191	0,112	1,000	,376*
		Знач. (двухсторонняя)	0,770	0,180	0,481	0,728	0,007	0,169	0,276	0,810	0,208	0,462	.	0,011
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Отчужденность	Коэффициент корреляции	0,065	-0,080	-0,257	-0,105	0,199	-0,170	-,295*	-0,129	0,001	,397**	,376*	1,000
		Знач. (двухсторонняя)	0,671	0,601	0,088	0,492	0,191	0,266	0,049	0,399	0,994	0,007	0,011	.
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Приложение 7.

Таблица корреляционных взаимосвязей индексов психомоторной, интеллектуальной, коммуникативной и общей активности, общей эмоциональности и общей адаптивности со шкалами SCL-90-R.

Корреляции																		
			ИПА	ИИА	ИКА	ИОА	ИОЭ	ИОА Д	Соматизация	Навязчивости	Сенситивность	Депрессия	Тревожность	Враждебность	Фоб. тревожность	Паранойальность	Психотизм	GSI
Ро Спирмена	ИПА	Коэффициент корреляции	1,000	,377*	,394**	,745**	-0,092	,642**	0,001	-0,030	-0,072	-0,106	0,011	-0,077	-0,077	0,073	-0,169	-0,025
		Знач. (двухсторонняя)	.	0,011	0,007	0,000	0,547	0,000	0,993	0,846	0,638	0,490	0,943	0,617	0,616	0,632	0,266	0,868
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ИИА	Коэффициент корреляции	,377*	1,000	,482**	,739**	-,501**	,797**	-0,224	-,324*	-,347*	-,328*	-0,153	-0,147	-0,184	-0,258	-0,141	-,303*
		Знач. (двухсторонняя)	0,011	.	0,001	0,000	0,000	0,000	0,140	0,030	0,019	0,028	0,315	0,336	0,226	0,087	0,357	0,043
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ИКА	Коэффициент корреляции	,394**	,482**	1,000	,811**	0,027	,675**	0,019	-0,097	-0,136	-0,214	0,021	0,009	-0,040	-0,143	-0,241	-0,105
		Знач. (двухсторонняя)	0,007	0,001	.	0,000	0,859	0,000	0,900	0,524	0,374	0,158	0,889	0,953	0,793	0,349	0,111	0,492
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ИОА	Коэффициент корреляции	,745**	,739**	,811**	1,000	-0,227	,910**	-0,055	-0,192	-0,236	-0,270	-0,064	-0,096	-0,137	-0,134	-0,242	-0,180
		Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,000	.	0,134	0,000	0,721	0,206	0,118	0,073	0,675	0,532	0,369	0,380	0,109	0,236
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ИОЭ	Коэффициент корреляции	-0,092	-,501**	0,027	-0,227	1,000	-,569**	,302*	,417**	,659**	,471**	,330*	,391**	,412**	,405**	,333*	,510**
		Знач. (двухсторонняя)	0,547	0,000	0,859	0,134	.	0,000	0,044	0,004	0,000	0,001	0,027	0,008	0,005	0,006	0,025	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45

	ИОА Д	Коэф фици ент корр еляци и	,642**	,797**	,675**	,910**	-, 569**	1,000	-0,154	-,343*	-, 456**	-, 421**	-0,181	-0,233	-0,280	-0,282	-,345*	-,360*
		Знач. (двух сторо нная)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,314	0,021	0,002	0,004	0,234	0,124	0,063	0,061	0,020	0,015
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Сома тизац ия	Коэф фици ент корр еляци и	0,001	-0,224	0,019	-0,055	,302*	-0,154	1,000	,567**	,564**	,708**	,795**	,552**	,656**	,442**	,739**	,753**
		Знач. (двух сторо нная)	0,993	0,140	0,900	0,721	0,044	0,314	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,002	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Навя зчиво сти	Коэф фици ент корр еляци и	-0,030	-,324*	-0,097	-0,192	,417**	-,343*	,567**	1,000	,774**	,798**	,794**	,637**	,693**	,864**	,696**	,897**
		Знач. (двух сторо нная)	0,846	0,030	0,524	0,206	0,004	0,021	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Сенс итивн ость	Коэф фици ент корр еляци и	-0,072	-,347*	-0,136	-0,236	,659**	-, 456**	,564**	,774**	1,000	,863**	,664**	,786**	,774**	,845**	,730**	,896**
		Знач. (двух сторо нная)	0,638	0,019	0,374	0,118	0,000	0,002	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Депр ессия	Коэф фици ент корр еляци и	-0,106	-,328*	-0,214	-0,270	,471**	-, 421**	,708**	,798**	,863**	1,000	,792**	,695**	,721**	,745**	,807**	,921**
		Знач. (двух сторо нная)	0,490	0,028	0,158	0,073	0,001	0,004	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Трево жно сть	Коэф фици ент корр еляци и	0,011	-0,153	0,021	-0,064	,330*	-0,181	,795**	,794**	,664**	,792**	1,000	,709**	,728**	,646**	,740**	,872**
		Знач. (двух сторо нная)	0,943	0,315	0,889	0,675	0,027	0,234	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Враж дебн ость	Коэф фици ент корр еляци и	-0,077	-0,147	0,009	-0,096	,391**	-0,233	,552**	,637**	,786**	,695**	,709**	1,000	,760**	,716**	,585**	,784**
		Знач. (двух сторо нная)	0,617	0,336	0,953	0,532	0,008	0,124	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45

	Фоб.т рево жнос ть	Коэф фици ент корр еляци и	-0,077	-0,184	-0,040	-0,137	,412**	-0,280	,656**	,693**	,774**	,721**	,728**	,760**	1,000	,720**	,727**	,844**
		Знач. (двух сторо нная)	0,616	0,226	0,793	0,369	0,005	0,063	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Пара нойя льнос ть	Коэф фици ент корр еляци и	0,073	-0,258	-0,143	-0,134	,405**	-0,282	,442**	,864**	,845**	,745**	,646**	,716**	,720**	1,000	,645**	,860**
		Знач. (двух сторо нная)	0,632	0,087	0,349	0,380	0,006	0,061	0,002	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Псих отиз м	Коэф фици ент корр еляци и	-0,169	-0,141	-0,241	-0,242	,333*	-,345*	,739**	,696**	,730**	,807**	,740**	,585**	,727**	,645**	1,000	,844**
		Знач. (двух сторо нная)	0,266	0,357	0,111	0,109	0,025	0,020	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	GSI	Коэф фици ент корр еляци и	-0,025	-,303*	-0,105	-0,180	,510**	-,360*	,753**	,897**	,896**	,921**	,872**	,784**	,844**	,860**	,844**	1,000
		Знач. (двух сторо нная)	0,868	0,043	0,492	0,236	0,000	0,015	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Приложение 8.

Таблица корреляционных взаимосвязей показателей эмоциональности, эргичности, пластичности и скорости со шкалами теста Л. В. Янковского.

Корреляции																				
			ЭМ	ЭИ	ЭК	ЭРМ	ЭРИ	ЭРК	ПМ	ПИ	ПК	СМ	СИ	СК	Адаптивность	Конформность	Интеграция	Депрессивность	Ностальгия	Отчуждённость
Ро Спирмена	ЭМ	Коэффициент корреляции	1,000	,479**	,498**	0,150	-,628**	-0,065	-0,008	-,382**	0,079	-0,151	-0,280	-0,203	-,310*	-0,086	0,042	,367*	,355*	0,231
		Знач. (двухсторонняя)	.	0,001	0,000	0,326	0,000	0,673	0,958	0,010	0,604	0,322	0,063	0,181	0,039	0,574	0,784	0,013	0,017	0,126
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ЭИ	Коэффициент корреляции	,479**	1,000	,597**	0,099	-,377*	0,186	-0,190	-0,145	0,197	0,108	-0,175	-0,019	-,346*	-0,208	0,043	,467**	0,278	0,064
		Знач. (двухсторонняя)	0,001	.	0,000	0,519	0,011	0,220	0,212	0,341	0,195	0,480	0,251	0,902	0,020	0,171	0,780	0,001	0,064	0,678
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ЭК	Коэффициент корреляции	,498**	,597**	1,000	-0,087	-,496**	-0,034	-0,246	-,442**	0,072	-0,048	-,409**	-0,242	-,478**	-0,230	-0,031	,386**	,393**	0,206
		Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,000	.	0,568	0,001	0,824	0,103	0,002	0,640	0,753	0,005	0,109	0,001	0,129	0,839	0,009	0,008	0,175
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ЭРМ	Коэффициент корреляции	0,150	0,099	-0,087	1,000	-0,207	0,276	,531**	,318*	0,147	,411**	0,113	0,238	0,081	0,101	0,174	-0,168	0,095	-0,023
		Знач. (двухсторонняя)	0,326	0,519	0,568	.	0,173	0,067	0,000	0,033	0,336	0,005	0,462	0,116	0,597	0,508	0,253	0,271	0,535	0,879
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ЭРИ	Коэффициент корреляции	-,628**	-,377*	-,496**	-0,207	1,000	0,217	0,195	0,293	-0,052	0,217	,352*	,433**	,604**	0,257	0,169	-,407**	-0,234	-0,095
		Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,011	0,001	0,173	.	0,152	0,199	0,050	0,733	0,152	0,018	0,003	0,000	0,088	0,267	0,005	0,122	0,535
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ЭРК	Коэффициент корреляции	-0,065	0,186	-0,034	0,276	0,217	1,000	0,196	,395**	,483**	,443**	,365*	,597**	0,233	0,067	0,223	-0,074	0,044	-0,229
		Знач. (двухсторонняя)	0,673	0,220	0,824	0,067	0,152	.	0,196	0,007	0,001	0,002	0,014	0,000	0,124	0,664	0,141	0,628	0,775	0,131
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ПМ	Коэффициент корреляции	-0,008	-0,190	-0,246	,531**	0,195	0,196	1,000	0,236	0,183	,379*	0,206	,325*	0,286	0,290	,355*	-0,192	-0,146	0,033
		Знач. (двухсторонняя)	0,958	0,212	0,103	0,000	0,199	0,196	.	0,118	0,229	0,010	0,174	0,029	0,057	0,053	0,017	0,207	0,337	0,829

		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ПИ	Коэф фици ент корре ляции	-, 382**	-0,145	-, 442**	,318*	0,293	,395**	0,236	1,000	,409**	,381**	,485**	,367*	0,272	0,180	0,061	-0,031	-0,200	-0,195
		Знач. (двух сторо няя)	0,010	0,341	0,002	0,033	0,050	0,007	0,118	.	0,005	0,010	0,001	0,013	0,070	0,237	0,689	0,838	0,188	0,200
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ПК	Коэф фици ент корре ляции	0,079	0,197	0,072	0,147	-0,052	,483**	0,183	,409**	1,000	0,190	,318*	,364*	-0,049	0,061	0,137	0,254	0,177	-0,188
		Знач. (двух сторо няя)	0,604	0,195	0,640	0,336	0,733	0,001	0,229	0,005	.	0,211	0,033	0,014	0,751	0,689	0,368	0,092	0,244	0,216
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	СМ	Коэф фици ент корре ляции	-0,151	0,108	-0,048	,411**	0,217	,443**	,379*	,381**	0,190	1,000	,319*	,578**	0,209	0,244	0,290	-0,073	-0,091	0,090
		Знач. (двух сторо няя)	0,322	0,480	0,753	0,005	0,152	0,002	0,010	0,010	0,211	.	0,033	0,000	0,167	0,106	0,053	0,633	0,550	0,557
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	СИ	Коэф фици ент корре ляции	-0,280	-0,175	-, 409**	0,113	,352*	,365*	0,206	,485**	,318*	,319*	1,000	,346*	0,111	0,104	0,029	0,104	-0,121	0,079
		Знач. (двух сторо няя)	0,063	0,251	0,005	0,462	0,018	0,014	0,174	0,001	0,033	0,033	.	0,020	0,470	0,495	0,848	0,498	0,427	0,606
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	СК	Коэф фици ент корре ляции	-0,203	-0,019	-0,242	0,238	,433**	,597**	,325*	,367*	,364*	,578**	,346*	1,000	,371*	0,186	0,135	-0,154	-0,089	-0,168
		Знач. (двух сторо няя)	0,181	0,902	0,109	0,116	0,003	0,000	0,029	0,013	0,014	0,000	0,020	.	0,012	0,220	0,377	0,311	0,563	0,271
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Адап тивнос ть	Коэф фици ент корре ляции	-,310*	-,346*	-, 478**	0,081	,604**	0,233	0,286	0,272	-0,049	0,209	0,111	,371*	1,000	,578**	,468**	-, 560**	-0,166	-,295*
		Знач. (двух сторо няя)	0,039	0,020	0,001	0,597	0,000	0,124	0,057	0,070	0,751	0,167	0,470	0,012	.	0,000	0,001	0,000	0,276	0,049
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Конф ормн ость	Коэф фици ент корре ляции	-0,086	-0,208	-0,230	0,101	0,257	0,067	0,290	0,180	0,061	0,244	0,104	0,186	,578**	1,000	,555**	-,296*	0,037	-0,129
		Знач. (двух сторо няя)	0,574	0,171	0,129	0,508	0,088	0,664	0,053	0,237	0,689	0,106	0,495	0,220	0,000	.	0,000	0,049	0,810	0,399
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Инте ракти вност ь	Коэф фици ент корре ляции	0,042	0,043	-0,031	0,174	0,169	0,223	,355*	0,061	0,137	0,290	0,029	0,135	,468**	,555**	1,000	-, 382**	0,191	0,001
		Знач. (двух сторо няя)	0,784	0,780	0,839	0,253	0,267	0,141	0,017	0,689	0,368	0,053	0,848	0,377	0,001	0,000	.	0,010	0,208	0,994
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45

	Депрессивность	Коэффициент корреляции	,367*	,467**	,386**	-0,168	-,407**	-0,074	-0,192	-0,031	0,254	-0,073	0,104	-0,154	-,560**	-,296*	-,382**	1,000	0,112	,397**
		Знач. (двухсторонняя)	0,013	0,001	0,009	0,271	0,005	0,628	0,207	0,838	0,092	0,633	0,498	0,311	0,000	0,049	0,010	.	0,462	0,007
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Ностальгия	Коэффициент корреляции	,355*	0,278	,393**	0,095	-0,234	0,044	-0,146	-0,200	0,177	-0,091	-0,121	-0,089	-0,166	0,037	0,191	0,112	1,000	,376*
		Знач. (двухсторонняя)	0,017	0,064	0,008	0,535	0,122	0,775	0,337	0,188	0,244	0,550	0,427	0,563	0,276	0,810	0,208	0,462	.	0,011
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Отчуждённость	Коэффициент корреляции	0,231	0,064	0,206	-0,023	-0,095	-0,229	0,033	-0,195	-0,188	0,090	0,079	-0,168	-,295*	-0,129	0,001	,397**	,376*	1,000
		Знач. (двухсторонняя)	0,126	0,678	0,175	0,879	0,535	0,131	0,829	0,200	0,216	0,557	0,606	0,271	0,049	0,399	0,994	0,007	0,011	.
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).																				

Приложение 9.

Таблица корреляционных взаимосвязей показателей эмоциональности и эргичности со шкалами SCL-90-R.

Корреляции																		
			ЭМ	ЭИ	ЭК	ЭРМ	ЭРИ	ЭРК	Соматизация	Навязчивости	Сенситивность	Депрессия	Тревожность	Враждебность	Фоб. тревожность	Паранойальность	Психотизм	GSI
Ро Спирмена	ЭМ	Коэффициент корреляции	1,000	,479**	,498**	0,150	-,628**	-0,065	0,244	,519**	,642**	,461**	,333*	,399**	,449**	,550**	,315*	,534**
		Знач. (двухсторонняя)	.	0,001	0,000	0,326	0,000	0,673	0,107	0,000	0,000	0,001	0,026	0,007	0,002	0,000	0,035	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ЭИ	Коэффициент корреляции	,479**	1,000	,597**	0,099	-,377*	0,186	0,217	,294*	,426**	,309*	0,180	0,147	0,267	0,234	0,278	,334*
		Знач. (двухсторонняя)	0,001	.	0,000	0,519	0,011	0,220	0,153	0,050	0,004	0,039	0,236	0,336	0,076	0,121	0,064	0,025
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ЭК	Коэффициент корреляции	,498**	,597**	1,000	-0,087	-,496**	-0,034	,317*	,365*	,598**	,461**	,373*	,445**	,375*	,347*	,329*	,483**
		Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,000	.	0,568	0,001	0,824	0,034	0,014	0,000	0,001	0,012	0,002	0,011	0,019	0,027	0,001
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ЭРМ	Коэффициент корреляции	0,150	0,099	-0,087	1,000	-0,207	0,276	0,050	0,169	0,059	-0,017	0,098	0,029	0,034	0,240	-0,045	0,090
		Знач. (двухсторонняя)	0,326	0,519	0,568	.	0,173	0,067	0,744	0,268	0,701	0,909	0,523	0,848	0,824	0,112	0,769	0,555
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ЭРИ	Коэффициент корреляции	-,628**	-,377*	-,496**	-0,207	1,000	0,217	-,374*	-,572**	-,495**	-,436**	-,411**	-,423**	-,421**	-,565**	-,350*	-,537**
		Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,011	0,001	0,173	.	0,152	0,011	0,000	0,001	0,003	0,005	0,004	0,004	0,000	0,019	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ЭРК	Коэффициент корреляции	-0,065	0,186	-0,034	0,276	0,217	1,000	-0,020	-0,120	-0,138	-0,247	-0,064	-0,051	-0,016	-0,136	-0,223	-0,130

		Знач. (двухсторонняя)	0,673	0,220	0,824	0,067	0,152	.	0,897	0,432	0,366	0,102	0,676	0,741	0,917	0,372	0,141	0,396
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Сома тизац ия	Коэф фици ент корр еляци и	0,244	0,217	,317*	0,050	-, 374*	-0,020	1,000	,567**	,564**	,708**	,795**	,552**	,656**	,442**	,739**	,753**
		Знач. (двухсторонняя)	0,107	0,153	0,034	0,744	0,011	0,897	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,002	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Навя зчиво сти	Коэф фици ент корр еляци и	,519**	,294*	,365*	0,169	-, 572**	-0,120	,567**	1,000	,774**	,798**	,794**	,637**	,693**	,864**	,696**	,897**
		Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,050	0,014	0,268	0,000	0,432	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Сенс итивн ость	Коэф фици ент корр еляци и	,642**	,426**	,598**	0,059	-, 495**	-0,138	,564**	,774**	1,000	,863**	,664**	,786**	,774**	,845**	,730**	,896**
		Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,004	0,000	0,701	0,001	0,366	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Депр ессия	Коэф фици ент корр еляци и	,461**	,309*	,461**	-0,017	-, 436**	-0,247	,708**	,798**	,863**	1,000	,792**	,695**	,721**	,745**	,807**	,921**
		Знач. (двухсторонняя)	0,001	0,039	0,001	0,909	0,003	0,102	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Трево жность	Коэф фици ент корр еляци и	,333*	0,180	,373*	0,098	-, 411**	-0,064	,795**	,794**	,664**	,792**	1,000	,709**	,728**	,646**	,740**	,872**
		Знач. (двухсторонняя)	0,026	0,236	0,012	0,523	0,005	0,676	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Вражд ебн ость	Коэф фици ент корр еляци и	,399**	0,147	,445**	0,029	-, 423**	-0,051	,552**	,637**	,786**	,695**	,709**	1,000	,760**	,716**	,585**	,784**
		Знач. (двухсторонняя)	0,007	0,336	0,002	0,848	0,004	0,741	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Фоб.т рево жнос ть	Коэф фици ент корр еляци и	,449**	0,267	,375*	0,034	-, 421**	-0,016	,656**	,693**	,774**	,721**	,728**	,760**	1,000	,720**	,727**	,844**

		Знач. (двух сторо нная)	0,002	0,076	0,011	0,824	0,004	0,917	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Пара нойя льнос ть	Коэф фици ент корр еляци и	,550**	0,234	,347*	0,240	-, 565**	-0,136	,442**	,864**	,845**	,745**	,646**	,716**	,720**	1,000	,645**	,860**
		Знач. (двух сторо нная)	0,000	0,121	0,019	0,112	0,000	0,372	0,002	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Псих отиз м	Коэф фици ент корр еляци и	,315*	0,278	,329*	-0,045	-,350*	-0,223	,739**	,696**	,730**	,807**	,740**	,585**	,727**	,645**	1,000	,844**
		Знач. (двух сторо нная)	0,035	0,064	0,027	0,769	0,019	0,141	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	GSI	Коэф фици ент корр еляци и	,534**	,334*	,483**	0,090	-, 537**	-0,130	,753**	,897**	,896**	,921**	,872**	,784**	,844**	,860**	,844**	1,000
		Знач. (двух сторо нная)	0,000	0,025	0,001	0,555	0,000	0,396	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
<p>** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).</p>																		

Приложение 10.

Таблица корреляционных взаимосвязей показателей пластичности и скорости со шкалами SCL-90-R.

Корреляции																		
			ПМ	ПИ	ПК	СМ	СИ	СК	Соматизация	Навязчивости	Сенситивность	Депрессия	Тревожность	Враждебность	Фоб. тревожность	Паранойальность	Психотизм	GSI
Ро Спирмена	ПМ	Коэффициент корреляции	1,000	0,236	0,183	,379*	0,206	,325*	0,004	-0,161	-0,172	-0,105	-0,028	-0,182	-0,209	-0,167	-0,238	-0,131
		Знач. (двухсторонняя)	.	0,118	0,229	0,010	0,174	0,029	0,977	0,292	0,258	0,493	0,857	0,231	0,167	0,273	0,116	0,390
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ПИ	Коэффициент корреляции	0,236	1,000	,409**	,381**	,485**	,367*	-0,070	-0,085	-0,251	-0,196	0,002	-0,123	-0,095	-0,040	0,037	-0,107
		Знач. (двухсторонняя)	0,118	.	0,005	0,010	0,001	0,013	0,646	0,579	0,097	0,198	0,991	0,421	0,534	0,796	0,809	0,486
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	ПК	Коэффициент корреляции	0,183	,409**	1,000	0,190	,318*	,364*	0,167	0,153	0,014	0,032	0,265	0,188	0,065	0,014	-0,016	0,126
		Знач. (двухсторонняя)	0,229	0,005	.	0,211	0,033	0,014	0,272	0,316	0,927	0,835	0,078	0,217	0,670	0,925	0,916	0,408
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	СМ	Коэффициент корреляции	,379*	,381**	0,190	1,000	,319*	,578**	0,029	-0,063	-0,058	-0,078	0,012	-0,004	0,007	0,038	-0,164	-0,003
		Знач. (двухсторонняя)	0,010	0,010	0,211	.	0,033	0,000	0,852	0,679	0,707	0,610	0,936	0,979	0,964	0,803	0,281	0,986
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	СИ	Коэффициент корреляции	0,206	,485**	,318*	,319*	1,000	,346*	-0,133	-0,241	-0,197	-0,216	-0,057	0,114	-0,052	-0,156	-0,127	-0,195
		Знач. (двухсторонняя)	0,174	0,001	0,033	0,033	.	0,020	0,385	0,110	0,195	0,155	0,709	0,458	0,736	0,305	0,405	0,198
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	СК	Коэффициент корреляции	,325*	,367*	,364*	,578**	,346*	1,000	-0,105	-0,305*	-0,256	-0,291	-0,170	-0,193	-0,220	-0,234	-0,372*	-0,275

		Знач. (двух сторо нная)	0,029	0,013	0,014	0,000	0,020	.	0,493	0,041	0,089	0,052	0,264	0,204	0,147	0,122	0,012	0,068
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Сома тизац ия	Коэф фици ент корр еляци и	0,004	-0,070	0,167	0,029	-0,133	-0,105	1,000	,567**	,564**	,708**	,795**	,552**	,656**	,442**	,739**	,753**
		Знач. (двух сторо нная)	0,977	0,646	0,272	0,852	0,385	0,493	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,002	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Навя зчиво сти	Коэф фици ент корр еляци и	-0,161	-0,085	0,153	-0,063	-0,241	-,305*	,567**	1,000	,774**	,798**	,794**	,637**	,693**	,864**	,696**	,897**
		Знач. (двух сторо нная)	0,292	0,579	0,316	0,679	0,110	0,041	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Сенс итивн ость	Коэф фици ент корр еляци и	-0,172	-0,251	0,014	-0,058	-0,197	-0,256	,564**	,774**	1,000	,863**	,664**	,786**	,774**	,845**	,730**	,896**
		Знач. (двух сторо нная)	0,258	0,097	0,927	0,707	0,195	0,089	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Депр ессия	Коэф фици ент корр еляци и	-0,105	-0,196	0,032	-0,078	-0,216	-0,291	,708**	,798**	,863**	1,000	,792**	,695**	,721**	,745**	,807**	,921**
		Знач. (двух сторо нная)	0,493	0,198	0,835	0,610	0,155	0,052	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Трево жность	Коэф фици ент корр еляци и	-0,028	0,002	0,265	0,012	-0,057	-0,170	,795**	,794**	,664**	,792**	1,000	,709**	,728**	,646**	,740**	,872**
		Знач. (двух сторо нная)	0,857	0,991	0,078	0,936	0,709	0,264	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Враж дебн ость	Коэф фици ент корр еляци и	-0,182	-0,123	0,188	-0,004	0,114	-0,193	,552**	,637**	,786**	,695**	,709**	1,000	,760**	,716**	,585**	,784**
		Знач. (двух сторо нная)	0,231	0,421	0,217	0,979	0,458	0,204	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Фоб.т рево жнос ть	Коэф фици ент корр еляци и	-0,209	-0,095	0,065	0,007	-0,052	-0,220	,656**	,693**	,774**	,721**	,728**	,760**	1,000	,720**	,727**	,844**

		Знач. (двух сторо нная)	0,167	0,534	0,670	0,964	0,736	0,147	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Пара нойя льнос ть	Коэф фици ент корр еляци и	-0,167	-0,040	0,014	0,038	-0,156	-0,234	,442**	,864**	,845**	,745**	,646**	,716**	,720**	1,000	,645**	,860**
		Знач. (двух сторо нная)	0,273	0,796	0,925	0,803	0,305	0,122	0,002	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	Псих отиз м	Коэф фици ент корр еляци и	-0,238	0,037	-0,016	-0,164	-0,127	-,372*	,739**	,696**	,730**	,807**	,740**	,585**	,727**	,645**	1,000	,844**
		Знач. (двух сторо нная)	0,116	0,809	0,916	0,281	0,405	0,012	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.	0,000	0,000
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
	GSI	Коэф фици ент корр еляци и	-0,131	-0,107	0,126	-0,003	-0,195	-0,275	,753**	,897**	,896**	,921**	,872**	,784**	,844**	,860**	,844**	1,000
		Знач. (двух сторо нная)	0,390	0,486	0,408	0,986	0,198	0,068	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	.
		N	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).																		
** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).																		